В. А. Паннурин-Котолынов

КАКОЕ КЛЕЙМО ЛЕГЧЕ:

СЫН "ВРАГА НАРОДА"

или

КРАСНО-КОРИЧНЕВЫЙ?

Екатеринбург
1996

В. А. Паншурин-Котолынов

Какое клеймо легче: сын "врага народа" или красно-коричневый?

(катаклизмы истории в перипетиях личной судьбы)

Екатеринбург
Издательство "Ладъ"
1996

ББК Т3(2)662.13
П 165

Панпурин-Котолынов В. А.

П 165 Какое клеймо легче: сын "врага народа" или красно-коричневый. Катаклизмы истории в перипетиях личной судьбы. — Екатеринбург: Изд-во "Ладъ", 1996. — 206 с.

ISBN 5-7584-0114-5

Эта мемуарно-публицистическая книга рассказывает с привлечением материалов следствия и заседаний Военной коллегии Верховного Суда СССР об отце автора, Котолынове И. И., обвиненном в организации убийства С. М. Кирова, и горестной судьбе других его родственников. В книге содержится обусловленный личным жизненным опытом взгляд автора на трагические противоречия, беды и победы советской истории, дается оценка сегодняшних либерально-реформаторских процессов с позиции нравственности, правдивости, человечности.

ISBN 5-7584-0114-5

Лицензия ЛР N 070338 выдана 29.01.1992. Сдано в печать 27.05.96.
Формат 84 x 108/32. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура Academia.
Уч.-изд.л. 10,5. Тираж 2000 экз. Заказ 2610

Отпечатано с готовых диапозитивов в Первоуральской типографии.

О чем это повествование

Послеоктябрьская история моей страны составляет 78 лет. Только небольшая часть из них — 16 лет — прошли до моего появления на свет. 62 прожитых мною года теснейшим образом переплетены с трудной судьбой родного Отечества, с перенасыщенным высоким напряжением бытием моих сограждан. И так сложилось, что только около 3-х лет я не носил клейма, дарованного власть предержащими: в первые 20 месяцев жизни и в самом начале 90-х гг был годичный промежуток между первым и вторым вздорными ярлыками. Мне представляется, что это не частный случай неудачной биографии, а характерный штрих, показывающий, как свершаются исторические процессы в нашей стране. К какому бы ориентиру они ни были направлены, какой бы цвет ни имели, осуществлялись и осуществляются в ожесточении, безудержно, безрассудно, с забвением элементарной порядочности и честности, в состоянии безоглядной, оголтелой предвзятости. Есть несомненный исторический интерес в том, чтобы посмотреть, кто прародитель тех или иных оскорбительных эпитетов, как на них реагирует основная масса людей, способствуют ли они историческому успеху тех общественных движений, от имени которых навешиваются. Предлагаемая книга не политологический, социологический или экономический анализ ученого-специалиста. Это взгляд гражданина, естественно мечтающего о взлете Родины, о счастливой жизни для себя и своих соотечественников, на историю страны и современность, на человеческую оправданность различных социально-экономических и политических программ, претендующих на то, чтобы быть верным путем, ведущим к благу Отчизны и нравственную приемлемость способов их практического осуществления. Это взгляд современника, человека, никогда не принадлежавшего к властным структурам, на то, как социально-политические бури, зарождавшиеся в верхних слоях общественного бытия, отражались в глубине общественно-психологической динамики массового сознания, в реальном со-

держании умонастроений и душевных состояний людей. Этот взгляд опирается на воссозданную по крупицам трагическую судьбу моих родителей и старших родственников, начавшую свой безжалостный отсчет в декабре 1934 г. в связи с убийством С. М. Кирова, и на непростые перипетии и практический и смыслопереживательный опыт собственной жизни.

Начну с того, какими "врагами народа" были мой отец и его ближайшая родня.

Часть первая. Власть и жизненные интересы народа и личности в эпоху советского социализма

I. Лес рубят — щепки летят

Этот образный афоризм, звучавший самооправдательно в эпоху сталинской власти, стал трагической, кошмарной явью для моих родителей и их родственников. Не один десяток лет уже никого из них нет в живых. Я постепенно восстанавливаю историю семьи, опираясь на давние, в детстве слышанные рассказы матери, стенограммы комсомольских съездов и конференций, материалы историков, особенно кропотливейшего и добросовестнейшего ленинградского ученого А. А. Кирилиной, данные, представленные отзывчивыми людьми из архива ныне Санкт-Петербургского технического университета, и в последнее время, конечно, на следственные дела, находящиеся в архивах органов госбезопасности. (Не знаю, как их поименовать, ибо у них с непостижимой скоростью в последние годы постоянно меняется название). Очень значимой для меня была переписка с Яковом Борисовичем Беленьким и Борисом Давидовичем Кацнельсоном, которые учились вместе с моими родителями и близко знали их. Настоящим подарком судьбы, (а точнее, все той же А. А. Кирилиной), стала состоявшаяся в декабре 1994 года встреча с Красновой Тамарой Александровной, которая была студенткой Ленинградского политехнического в одно время с моими родителями и хорошо и по-доброму помнит и отца, и мать. Вот краткий итог моих печальных изысканий своей родословной.

1. Корни и мечты

Родители отца — Котолыновы Иван Афанасьевич и Котолынова Мария Емельяновна (Иван да Марья) — крестьяне деревни Рассохты ныне Зарайского района Москов-

ской области. В 1901 г. по каким-то прнчннам семья переехала в Петербург, где дед открыл портняжную мастерскую по пошнву мужского платья. Семья была большая — трн сына н четыре дочери. Старшнй нз детей — Ннколай, 1895 г. рождения. Он закончил сначала ремесленной училище, затем в 1916 году Павловское военное училище. В 1916 — 1917 гг. служил в инженерных войсках в чнне поручика, а в 1918 — 1922 был добровольцем Красной Армнн. Трагнческий декабрь 1934 года застал его в должности помощннка главного механика фабрнки “Красный треугольник” в Ленннграде. Годом младше была старшая сестра — Александра Ивановна. О ней знаю только, что в 1934 году она работала на фабрике “Большевнчка” в Ленннграде, носила фамнлню Жнтннева, была вдовой н нмела на руках двух ижднвенцев. Кто онн: детн, роднтелн мужа? — установить до снх пор не удалось. Следующим ребенком Котолыновых была Елнзавета, роднвшаяся в 1898 году. Она работала весовщнцей на фабрнке “Красный треугольннк”. Далее шел Павел, появнвшийся на свет уже в Петербурге в 1903 году. Его жизнь была весьма богата на события. Закончив 3 класса городской школы, он в 1917 году начал трудовую жнзнь мальчнком в какой-то конторе по Морской улице. Вскоре убегает на фронт, в районе Тернополя через неделю его поймалн н вернулн в Петроград. Некоторое время он торгует газетами, потом работает в конторе акционерного общества “Перун”, а затем в каком-то кооперативе. Наконец, в 1918 году уезжает на Восточный фронт в составе 6-го латышского полка. Служит в Красной Армнн до 1921 года. После демобилизации в течение 5 месяцев агент угрозыска, потом увольненне по сокращенню штатов. 7 месяцев трудится подручным слесаря на заводе военно-врачебного оборудовання. И наконец его жнзненный путь определяется: с 1922 года он курсант 2-ой ленннградской артиллернйской школы. 4 года учебы — н в 1926 году он 38-ым в спнске нз 71 выпускннка заканчнвает школу и по собственному выбору уезжает служить на Дальний Восток. В 1925 г. во время учебы в артшколе он становится членом ВКП(б). В Особом Дальневосточном округе Павел Ивановнч нес службу сначала на бронепоезде N 66, затем в 26 артполку

35-ой стрелковой Сталиской дивизии. В декабре 1934 года ои занимает должиость пом. начальиика штаба полка по разведке.

Пятым ребеиком в семье Котолыиовых стал Иваи, родившийся в 1905 году, — мой будущнй отец. С ранних лет он принимал активиое участие в политической работе среди рабочей молодежи Петрограда. Вступил в партию в 1921 году. Из ннзовых комсомольских оргаиизаций был выдвииут иа работу в Ленинградской губком комсомола: трудился зав. экоиомическим сектором, секретарем Выборгского райкома, зав. оргииструкторским отделом губкома РЛКСМ. В 1922 г. избнрается депутатом Выборгского райсовета.

В 1924 — 26 гг. Иваи Котолыиов — члеи Бюро ЦК ВЛКСМ и члеи Исполкома КИМа (Коммуиистического Интериациоиала Молодежи). Некоторое время редактирует журиал "КИМ". В 1925 и 1926 гг. в качестве представителя КИМа комаидировался в Германию и в Австрию. Отец был убеждеииым приверженцем коммуиистической идеи, все свои силы отдавал практической работе, направлеииой на продвижеине к осуществлеиию вековой мечты людей о социальиой справедливости, мучился поисками оптимальиых путей для достижения заветиой цели в условиях разореииой войиами и иаходящийся во враждебиом окружении страны. Он был активиым участииком лениниградской оппозиции, резко выступал против усилеиия личиой власти Сталиа в партии и государстве. В выступлеиии иа VII съезде ВЛКСМ в марте 1926 г. он протестовал против начавшегося в комсомоле зажима работнинков, не являющихся сталиицами. "Мы должны бороться с такой психологией. Это в нашем Союзе иичего общего с ленннским воспитаиием ие нмеет, н нужно разъяснять, что наш Союз ие сталиский, а леиииский", — убеждал Иваи Котолыиов. По свидетельству историка комсомола Зория Апресяиа, "Котолыиов был первым и едииственным в истории ВЛКСМ, кто решительио, открыто (с трибуны высшего комсомольского форума) выступил протнв возможного (оказался провндцем!) "приложения" к комсомолу слова "сталиский". Кроме того, ои не отождествлял Сталина и ЦК (что вскоре вошло в обнход[1])."

Выступление отца и позиция ленинградской делегации были подвержены на съезде критике первыми руководителями комсомола Мильчаковым и Чаплиным. Но эта критика не выходила еще за пределы этических норм, естественных дел полемизирующих людей объединенных общей задачей в одну идейную организацию. Еще находилось место шутке и образному сравнению. Мильчаков, обращаясь к ленинградцам, сказал: "Вам хоть кол на голове теши. Не в обиду будет сказано тов. Котолынову[2]". Последнее замечание вызвало дружный смех в зале. Дело в том, что у отца с ранних лет были большущие залысины, и эта особенность нередко становилась предметом товарищеских шуток. Чаплин в заключительном слове отметил: "Котолынов вообще человек серьезный, работает в международном масштабе, редактировал даже журнал "КИМ", все это мы знаем и уважаем Котолынова за его заслуги перед движением". Тем не менее, дальше Чаплин заявил, чтоздесь Котолынов выступил как Дон-Кихот, как наиболее выдающийся рыцарь новой оппозиции, борющийся за пролетарскую линию в союзе с ветряными мельницами. Сказать, что наш Союз не сталинский, а ленинский, по мнению Чаплина, значит "потерять всякую голову и всякую почву под ногами[3]".

А уже через полтора года, на XV съезде ВКП(б), Иван Котолынов в числе других "виднейших деятелей троцкистско-зиновьевской оппозиции" был исключен из партии и направлен в Новосибирск для работы в Сибирском краевом совете профсоюзов в должности зам. зав. орготделом. Отец не отождествлял сталинское руководство и коммунистическую идею, не мыслил себя вне партии, свою жизнь вне работы по осуществлению социалистических преобразований. В конце 1928 г. он подает заявление о разрыве с оппозицией, и в январе 1929 г. партколлегия ЦКК ВКП(б) восстанавливает его в партии.

По возвращении в Ленинград И. Котолынов по призыву так называемой "парттысячи" становится рабфаковцем, а затем студентом Ленинградского индустриального института. Наряду с успешной учебой он и здесь занимается активной политической деятельностью. По свидетельству Т. А. Красновой, Иван Котолынов был хорошим оратором, вы-

делился своей общественной активностью. Он был секретарем партбюро инженерно-физического факультета, членом парткома института.

Учились в институтах и две младшие сестры Ивана Котолынова. Людмила (1908 г. рождения) была студенткой того же Ленинградского индустриального института. До учебы она проработала 6 лет калошницей на фабрике "Красный треугольник", там в 1927 году стала членом ВКП(б). В 1933 году Людмила вышла замуж за однокурсника Серафима Эмильевича Фрейденфельда, немца по национальности, уроженца г. Риги. Он тоже было членом ВКП(б) с 1928 г.

Наконец, последний ребенок в семье Ивана Афанасьевича и Марии Емельяновны Котолыновых — Ольга, родившаяся в 1912 г. С 19 лет она студентка Ленинградского института физической культуры им. П. Ф. Леегафта. В декабре 1934 г. она училась на 4 курсе, была замужем за Симоновым, который нес действительную службу в 73 стройбате в г. Бухта-Разбойник близ Владивостока.

Став рабфаковцем, Иван Котолынов оказался в одной группе с Верой Долгих. Они подружились и, как свидетельствует их однокурсник Б. Д. Кацнельсон, всегда и везде были вместе, поистине воспринимались неразлучными. Через некоторое время они стали мужем и женой, а в апреле 1933 г. родился я. Мама была на год младше папы. До института, после окончания школы II ступени, она шесть лет проработала в качестве калошницы на фабрике "Красный треугольник". Там стала в 1928 году членом ВКП(б). На учебу была направлена в счет "профтысячи". Мама выросла в семье железнодорожного служащего. Сведения о ней у меня еще более скудные, чем о семье Котолыновых. Ее отец, мой дед Яков, работал весовщиком, потом кассиром на станции Ленинград Балтийской железной дороги, мать, Васса Сергеевна, была домработницей, впоследствии — домашняя хозяйка. В семье выросло еще трое детей. Анатолий был моряком торгового флота, Владимир стал геодезистом-полярником. Младшей была Ирина. О ее профессиональном становлении мне ничего не известно.

Котолыновы н Долгнх. Судьба детей в той н другой семье была характерной для первых поколеннй советских людей: выходцы нз слоев трудящнхся, онн рано включнлнсь в самостоятельную трудовую, чаще всего фабричную, деятельность, потом рабфак, учеба в вузах н училнщах, обретенне высококвалифнцированной специальности, гражданской активностн, интеллнгентного уровня запросов, потребностей, образа жнзни, рожденне далеко идущих, полных энтузназма н оптимнзма личных планов, неотделимых от успехов родной страны. Мон родители, молодые фнзнки, полные радужных мечтанні н окрыляющих надежд, назвалн меня, своего первенца, Вольфрамом. Это так симптоматнчно, так характерно для мнроощущения времени и его творцов. Ведь вольфрам представлялся металлом будущего.

Правда, есть н нные точкн зрения. Пять лет назад встретил в "Камешках на ладонн" Владнмнра Солоухина сочувственный пересказ, по его мненню, остроумного рассуждения, прочитанного в какой-то кнnге. "Человека зовут Вольфрамом Петровнчем. Вспомннм также все эти: Труд Ивановнч, Борьба Ивановна, Тракторнна, Электрнфнкацня..." Список приводится большой. В отлнчне от первого, такого же, как у меня, все остальные нмена состоят нз соединения полнтическнх термннов илн частей нмен нзвестных революционеров. И это тоже можно пснхологически понять и объяснить. Но вернемся к нашему, с монм тезкой, нменн н к цитированию В. Солоухнным неназванной кнnги неназванного автора (существуют ли они или это литературный прнем, а, может быть, предусмотрительный юридический ход, чтобы снять с себя всякую ответственность?). Дальнейшее цитнрование Солоухнным проблематнчного автора убеждает в том, что такая правовая предосторожность не является излишней "Спрашивается: может ли такое нмя говорить чтонибудь о его обладателе, хоть как-ннбудь его характерн зовать? Казалось бы — нет". Но, оказывается, все наоборот. И дальше следует вызвавшее восторг Солоухнна "остроумное рассуждение" неведомого автора. "Такие нмена моглн давать своим детям только родители-ндиоты. Но а это для характеристнки человека не так уж н мало". Стало быть, по прнчине наследственностн, счнтают В. Солоухнн н его зага-

дочный единомышленник, я не мог далеко уйти от своих "идиотов-родителей". Не знаю, убеждает ли В. Солоухин читателей, что необычное имя — признак слабоумия родителей и их отпрыска, но для меня несомненно, что этот писатель, много рассуждающий о необходимости возрождения православного добронравия, в евангельской терпимости и милосердии уличен быть не может. Кстати, истории известны такие имена. Вольфрам фон Эшенбах, например. Между прочим, поэт и психически не ущербный.

Глумливое злорадство В. Солоухина, присвоившего себе право на свой манер переиначивать прошедшую жизнь и поучать тысячи людей, "неправильно" мысливших и чувствовавших, воспринимается сегодня как издевка тиранствующего над историей самозванного прокурора. Иное было 60 лет назад, когда самоуправный произвол действительных, обладающих властью прокуроров жестокой трагедией обрушился на мой честный род (и не только на мой) и разметал его.

2. Тяжкий крест чистой совести.

1 декабря 1934 года выстрелом Л. Николаева был убит один из виднейших руководителей страны С. М. Киров. В книге А. А. Кирилиной "Рикошет или сколько человек было убито выстрелом в Смольном" убедительно обосновано, что мысль использовать эту ситуацию для физической расправы со своими политическими оппонентами, в том числе с моим отцом, прибегнув для этого к прямому подлогу, пришла Сталину в Ленинграде, на второй день после злополучного выстрела. Следственная группа под руководством Я. Агранова и А. Вышинского за три декабрьских недели 1934 года сфабриковала мифическую подпольную контрреволюционную организацию под названием "Ленинградский центр", включив в нее 13 бывших оппозиционеров, принадлежавших, за исключением Н. Шатского, к зиновьевской, так называемой "новой оппозиции", и убийцу —Николаева Л. В. Все они были обвинены в подготовке и совершении убийства Кирова. Сегодня неопровержимо, в том числе и юридически, доказано, что никакого террористического, контр-

революционного "Ленинградского центра" никогда не существовало.

Отец и Николай Шатский 5 декабря 1934 года были арестованы первыми из 13 будущих осужденных. Почему это произошло? По всей видимости, могут быть названы три причины. Во-первых, запись в дневнике Николаева: "Я помню, как мы с Иваном Котолыновым ездили по хозяйственным организациям для сбора средств на комсомольскую работу. В райкоме были на подбор крепкие ребята —Котолынов, Антонов, на периферии — Шатский". Эти события действительно могли происходить в 1922 — 23 гг., когда отец работал секретарем Выборгского райкома комсомола, а Николаев был управделами райкома, но очень короткое время. Его обращение об увольнении возражений в райкоме не встретило, а на заявлении с просьбой откомандировать в техническую артиллерийскую школу стоит решение: "отказать" и подпись Котолынова. С тех пор они с отцом не встречались, и вряд ли у Николаева сохранились теплые чувства к И. Котолынову.

Во-вторых, разумеется, всем следователям, выполнявшим сталинское указание — обнаружить контрреволюционную группу зиновьевцев, — было хорошо известно активное оппозиционное прошлое Котолынова.

В-третьих, хотя отец по-прежнему много сил отдавал партийной работе,теперь уже на общественных началах в институтской организации, хотя он, успешно прошел в 1933 г. "чистку партии", у него, по-видимому, сохранилось определенное критическое отношение к некоторым действиям и методам, применяемым руководством партии и страны. Критические оценки такого типа отец, надо полагать, высказывал при встречах с бывшими соратниками по комсомолу, как правило, зиновьевцами, ибо влияние Зиновьева в ленинградской комсомолии было очень сильным. С некоторыми из них сохранились товарищеские связи, с другими Иван Котолынов встречался в Бюро боевого землячества и в Истомоле (группа, работавшая над созданием истории комсомола), а также в связи с совместной учебой. Поэтому, по некоторым свидетельствам, на него велась картотека в ленинградском НКВД, хотя, как явствует из Протеста Гене-

ральиой прокуратуры СССР от 12.11.90 г., данных о контрреволюционной деятельности Котолынова получено ие было. Тем ие меиее, вторая н третья причины скорее всего определили содержание рапорта, сделанного сотрудником НКВД Кацафой, находившемся, как "подсадка", в иочь иа 4 декабря в камере с Николаевым. В рапорте ои доиосил, что во сие Николаев якобы произнес: "Если арестуют Котолыиова, беспокоиться не надо, он человек волевой, а вот если арестуют Шатского — это мелюзга, ои все выдаст[4]." Дальнейший ход событий показал, что николаевская характеристика Шатского, если она действительно была дана, оказалась совершенно иеверной.

Агранов сразу же по прямому проводу сообщил об этих "сновидческих" показаниях Сталину. С 4-го декабря Николаева допрашивали уже другие следователи. Он призиал, что лично знает Котолынова, Шатского, но продолжал утверждать, что был единственным исполнителем акта иад Кировым. "Давление следователей иа Николаева усилилось, — пишет А. А. Кирилнна. — Допрос следовал за допросом. 6 декабря трн следователя: Агранов, Мнроиов, Дмитриев допрашивали Николаева семь раз. Именно в этот день он впервые показал, что Котолынов и Шатский являются участниками террорнстического акта, ио ие привел в подтверждение нн одного коикретного доказательства[5]." Далее последовали новые аресты. Были взяты бывшие комсомольские активисты, связанные в прошлом с Николаевым по работе в Выборгском райкоме комсомола. В последующие дни Николаев объявляет голодовку, пытается покончить с собой в камере, ио дежурившие здесь работнники НКВД предотвращают самоубийство. Неудачей заканчивается попытка выпрыгнуть из окиа 4-го этажа во время допроса. А. А. Кирилииа предполагает, что в осиове поведения Николаева 7-8 декабря лежат следующие мотивы: "Можно во многом обвинить Николаева. Но все документы о Николаеве свидетельствуют об одном: он был человек искренний и по-своему честный. Оболгав 6 декабря иа допросе своих товарнщей, он морально, психологическн не мог продолжать свое предательство[6]." Отсюда попытки расстаться с жизиью н непоследовательиое, нстеричное поведеиие иа

последующих допросах. По личной рекомендации Сталина ему создают особые условия в камере: усиленное питание с вином, ванна. Обещают сохранить жизнь в обмен "на чистосердечное признание о контрреволюционной, террористической группе." И он встал, наконец, на путь оговора. В "Ленинградский центр" "вошли" люди, которых знал Николаев, либо которые были ему подсказаны следователями.

В отношении И. Котолынова показания Николаева свелись к следующему. 1. Иван стоял во главе подпольной контрреволюционной террористической организации, замышлявшей убить Кирова и Сталина. 2. Теракт над Кировым готовили параллельно двумя группами, Котолынова и Шатского. 3. Поручил Николаеву совершить теракт непосредственно И. Котолынов. 4. Он же дал ему поручение войти в контакт с латвийским консулом в г. Ленинграде Бисенексом с целью установления связи с Троцким и получения денег на нужды контрреволюционной организации. Отрицая на первом допросе какую-либо связь с иностранцами, подтвердив в дальнейшем одну встречу с консулом, в конце следствия Николаев заявил, что получил от него 5000 руб., из которых 4500 руб. передал Котолынову.

А что же отец? В ходе допросов в период следствия, которые вел следователь по важнейшим делам при Прокуратуре СССР Л. Шейнин, И. Котолынов категорически и решительно отрицал какое-либо участие в подготовке террористического акта против Кирова, связь с латвийским консулом и получение каких-нибудь денег. Он утверждал, что не виделся с Николаевым с 1924 года, если не считать мимолетной встречи летом 1932 или 1933 г. в столовой. Ему удалось с неотразимой очевидностью обнажить взаимоисключающий характер утверждений в показаниях Николаева, ставящих их под сомнение, обнаруживающих их лживый, фальсифицированный характер. Никакими доказательствами существования "Ленинградского центра" и якобы проводимой им террористической деятельности, кроме показаний Николаева, следствие не располагало.

В контексте этих обстоятельств и особенно с высоты сегодняшнего дня, когда сфабрикованность "контрреволюционного террористического Ленинградского центра" стала

юридическим фактом, удостоверенным постановлением Пленума Верховного суда СССР, кажется невероятным и необъяснимым, что И. Котолынов с первых допросов признал существование нелегальной группы бывших зиновьевцев, свое руководящее положение в ней и свою политическую и моральную ответственность за выстрел Николаева, а в ходе суда называл ее даже контрреволюционной организацией. Между тем, если принять во внимание стечение всех событий н обстоятельств, трагизм случившегося, то самооценки отца — естественная реакция честного и взыскательного человека, совестливого и требовательного к себе коммуниста. Протоколы следствия и заседаний Военной коллегии Верховного суда СССР хранят информацию, позволяющую легко понять и установить это. Но при условии, если бы разбирательство было праведным, беспристрастным, а не заказным, предопределенным, выполняющим верховную волю.

И. Котолынов без утайки, откровенно, веря в намерения следствия и суда объективно выяснить истину, как на духу, рассказал, что он и другие бывшие оппозиционеры встречались друг с другом или в силу сохраняющихся товарищеских связей, или в связи с совместной учебой, работой, или по-житейски, случайно. При этом "обменивались политическими информациями, велись разговоры." Были "выпады против партийного руководства", например, "что Сталин — Бонапарт, что не видно выхода, что может довести страну до войны", в которой пролетарское государство может погибнуть в борьбе с капиталом.

В ответах Котолынова вырисовывается его двоякая оценка сохранившихся контактов между бывшими руководителями ленинградской комсомолии. Невиновность, трезвый взгляд на реальность подсказывают ему считать их не более, чем "пережитками бывшей зиновьевской оппозиции", "пережитками старых традиционных связей". Но в такую естественную трактовку вмешивается, подменяя ее, фантасмагорическая точка зрения, рожденная неожиданными катастрофическими событиями, которые не могли привидеться даже в самом кошмарном сне. Даже в годы активной оппозиционной борьбы у И. Котолынова никогда не было террористи-

ческих устремлений. Убийство Кирова психологически потрясло его. Шок усилился, потому что следствие и особеино Н. И. Ежов и А. В. Косарев, ие входившие в органы НКВД, ио оставленные Сталиным после его отъезда для "иалаживания "взаимопонимания с чекистами", упорио и иастойчиво внушали мысль, что теракт — дело рук зиновьевцев. В Протесте Геиеральиой прокуратуры приводится свидетельство бывшего сотрудника УНКВД по Ленинградской области Макарова Н. И., принимавшего участие в расследовании, о том, что "во время допросов ко мие в кабинет заходили члены комиссии ЦК ВКП(б) Ежов и Косарев, которые ориентировали арестованных иа то, что убийство Кирова подготовлеио зиновьевцами".

Аналогичные факты содержатся в работах А. А. Кирилиной.Так, оиа приводит свидетельство одного из оперуполиомочеиных секретио-политического отдела (СПО) Ленинградского управления НКВД тех лет о том, как во время допроса С. О. Мандельштама в комнату вошли Н. Ежов и А. Косарев. "Ежов подошел к арестованному, сел сбоку иа край стола, иазвал его "Сергеем" и стал вспомииать, как они вместе работали иа Путиловском заводе и боролись там с меньшевиками. А потом Ежов сказал: "Вы подали заявлеиие об отказе от своих взглядов, ио сами сохранили их, встречались, культивировали иеиависть к руководству партии — Сталину, Молотову, Кирову, хотя имя его и ие иазывали, вербовали своих сторонников, выступали против державы пролетариата." "Эту мысль, — пишет Кирилина, — пытался иавязать арестованным каждый из тех, кто допрашивал и психологически обрабатывал их[7]."

Далее, важный момент для понимания динамики моральио-психологического состояния обвиняемого в убийстве Кирова И. Котольынова заключается в следующем. Не общаясь с Николаевым с 1924 года, ие зиая его политических настроений и взглядов, ио полностью доверяя следствию, ои поверил, что Николаев принадлежал к зиновьевской оппозиции. И это было для Котольынова, для человека, взыскательио вопрошающего, иет ли его личиой ответственности в случившемся, очень зиачимый, трагически зиачимый факт. Сейчас-то точио установлеио, что Николаев в рядах

оппозиции никогда не был, никаких заявлений не подписывал, из партии как оппозиционер не исключался. Это было хорошо известно органам НКВД. Следствие использовало откровенную ложь, которая не могла не вызвать муки совести у безжалостного к себе человека, никогда не помышлявшего о терроре, у коммуниста, для которого не было ничего дороже служения интересам трудящихся людей, страны через активное участие в действенной, эффективной работе партии, для которого идейная борьба всегда диктовалась этими интересами и никогда амбициозным политиканством. Даже придя в середине 20-х г.г. в силу движения аналитической мысли и под влиянием Г. Зиновьева к оппозиционности, И. Котолынов не сомневался в необходимости ленинского требования единства партийных рядов в условиях ожесточенной классовой борьбы, развернувшейся в стране, не допускал возможности в ВКП(б) фракционности, возникновения организационных форм идейной борьбы, которые могли только мешать партийцам осуществлять стоящие перед ними сложнейшие тактические задачи, выполнять свой долг перед народом. Таким образом, будучи убежденным большевиком и находясь в безвыходно-подавленном душевном состоянии, вызванном выстрелом якобы зиновьевца, он внутренне, эмоционально-психологически был готов признать свое и своих товарищей инакомыслие и хаотические, эпизодические встречи за организацию и даже в духе устоявшейся жесткой партийной терминологии и на основе беспощадной самотребовательности — за контрреволюционную организацию.

Осознавать себя контрреволюционером отцу, с ранних лет отдававшему всего себя претворению социалистических идеалов, было невыносимо. А тут еще сообщение из Москвы, что он 15 декабря постановлением ЦИК исключен из партии именно как контрреволюционер. Через несколько дней на суде в своем последнем слове он скажет: "Это для меня уже был смертельный приговор". Мучительно ощущая себя без вины виноватым, И. Котолынов на допросе 19 декабря самоосуждающе заявил: "После XV съезда я должен был порвать старые традиционные товарищеские связи. Я часть связей порвал, а часть товарищеских связей

остались, которые фактически были так перепутаны, что трудно было понять, где оппозиционная связь, где товарищеская. Вот в этом я виноват. Потому что, по существу, вливаясь в партию, зиновьевцы продолжали связь, и фактически продолжала существовать организация зиновьевцев."

В действительности организации не было. Но в словах Котолынова был не самооговор сломленного, растерявшегося человека, а чрезмерно взыскующая самооценка мужественного, ответственного молодежного лидера. Одновременно он непреклонно и решительно давал отрицательные ответы на все вопросы следователей и судей, провоцировавшие на признание наличия структурного построения и целевых установок у бывших зиновьевцев, что только и могло позволить считать их контакты действительно организацией. На вопрос, как были распределены обязанности среди руководства, Котолынов отвечал: "Распределения обязанностей не было, поддерживали между собой связь, с кем я поддерживал — я сказал." На вопрос председателя суда В. Ульриха: "Какие ставила перед собой задачи организация, в которой вы принимали участие в качестве одного из руководителей, в частности, какие были поставлены цели в 1934 г.?" — последовал ответ: "Четко и ясно ничего не формулировалось. Я лично поддерживал связь с Румянцевым, Мандельштамом. В разговорах шла речь о привлечении бывших оппозиционеров к партийной работе. Кроме партийных решений, речь шла и об отдельных политических фактах, новых информациях. Никакой четкой формулировки не было, и я не в курсе."

В пользу того, что Николаев и другие обвиняемые называли контрреволюционной организацией не более, чем круг людей, имевших определенную идеологическую общность, говорит тот факт, что они легко приняли утверждение и следователей, и судей о том, что Николаев принадлежал к их "организации". Этого не могло бы случиться, если бы у бывших зиновьевцев было действительно четкое организационное формирование.

Данный момент стал ключевым и психологически объясняющим ошеломляющее, на первый взгляд, признание

Котолыновым своей моральной и политической вины за теракт, совершенный Николаевым.

Тем не менее, соглашаясь с определением якобы существующей организации как контрреволюционной, отец на протяжении всего предварительного и судебного следствия бесповоротно и неукоснительно отвергал определение — террористическая. Не было ни террористических целей, ни террористических настроений, ни террористических подстрекательств. Но... И я еще раз не могу не восхититься удивительной самовзыскательностью, мужеством отца и горько не пожалеть о вообще-то естественно вытекающей из этих качеств его беззащитной наивности. Суть его самообвинения, высказанного следствию и суду, состоит в следующем. "Специально террористические настроения не создавались, но они могли являться объективным следствием самого факта продолжения существования контрреволюционной зиновьевской организации." Поскольку "среди бывших оппозиционеров выпады против партийного руководства имели место сплошь и рядом", они "могли среди отдельных горячих голов породить террористические настроения". Узнав от следователя, что "Николаев принадлежал к бывшей контрреволюционной зиновьевской организации и сказав "а", я должен был сказать "б" — заявить, что политическую и моральную ответственность за убийство т. Кирова Николаевым несет наша организация."

Характерно, что близкую, может быть, только не столь решительную, оценку трагических событий и своей роли в них высказали С. О. Мандельштам, В. С. Левин, Н. П. Мясников, А. И. Толмазов, Л. И. Сосницкий. Все они подчеркивали, что берут на себя столь убийственную ответственность, узнав от следствия, что стрелявший Николаев — зиновьевский оппозиционер.

Единственным из всех обвиняемых, кто не признал за собой никакой, даже моральной, вины был Н. Н. Шатский. И дело прежде всего в том, что он никогда не принадлежал к зиновьевской оппозиции, в прошлом был сторонником Троцкого, в партии не восстанавливался. Ложное утверждение, что Николаев — зиновьевец, для него не было значимым.

Когда в очередной раз Котолынов сказал: "Я подчеркиваю, что я дал эти показания, доверяя следствию в том, что он (Николаев) состоит в нашей организации", это вызвало раздраженный и лицемерный пассаж Председателя суда В. Ульриха: "Доверили следствию. Вас допрашивал следователь или вы его допрашивали?" Его понять можно. Идентичные показания нескольких по отдельности допрашиваемых обвиняемых делали подлинным фактом использование следствием лжи как метода психологического давления на подследственных, бесповоротно свидетельствовали, что никакой организации в строгом смысле слова не существовало и моральной ответственности за выстрел Николаева подследственные нести не могли. В. Ульрих сознавал, что обвинительное заключение разваливается на глазах.

Знакомство с протоколами допросов отца и его двенадцати "товарищей по несчастью" показывает, что нетрудно было разобраться в их невиновности. Но в задачи следствия входило не выяснение правды, а иезуитское выуживание словесных зацепок для предъявления обвинений в терроризме. Таким было высочайшее указание, таков был юридический подлог, совершенный в целях достижения победы в политической борьбе. Так открылась череда сфальсифицированных громких политических процессов середины 30-х г.г. и крутая волна абсурдных массовых репрессий. Ни следственная группа под руководством Агранова и Вышинского, ни судебное разбирательство на заседании Военной коллегии Верховного суда СССР под председательством В. Ульриха в декабре 1934 г., ни многочисленные комиссии в последующем не обнаружили никаких материалов, которые бы свидетельствовали, что критически настроенные к Сталину и его ближайшему окружению бывшие руководители ленинградской комсомолии представляли собой именно организацию в точном смысле слова, со своей структурой, конкретными задачами, практическими действиями, тем более террористическими. Более того, сегодня известно, что одной из комиссий в личном архиве Сталина был обнаружен список двух сфабрикованных им троцкистско-зиновьевских террористических центров. Причем Зиновьев и Каменев и некоторые другие вначале были помещены в Ленинградский, а потом в Московский центр. Есть разные мне-

ния: написан этот список лично рукой Сталина или Ежовым. Это не столь важно. Важно и показательно, что на этой записке стоит дата — 6 декабря[8]. Это тот день, когда Николаев впервые начал давать показания, что Котолынов и другие бывшие зиновьевцы участвовали в организации убийства Кирова.

Ложь откровенной следственной инсценировки была приумножена формулировками текста обвинительного заключения, предъявленного подсудимым 26 декабря. В нем говорилось, что убийство Кирова совершено антисоветской подпольной троцкистско-зиновьевской террористической группой, стремившейся отомстить Кирову за разгром бывшей зиновьевской оппозиции, дезорганизовать советское и партийное руководство страны и добиться таким путем изменения его политики. По отношению к И. Котолынову и другим обвиняемым, совестливо повторяющим об ощущении своей морально-политической ответственности за выстрел Николаева, однозначно утверждалось, что они признали свою ответственность за террористическое преступление.

Следователь Л. Шейнин, чья подпись, наряду с подписями заместителя генерального прокурора СССР А. Вышинского и генерального прокурора СССР Акулова, стоит под текстом обвинительного заключения, после XX съезда КПСС на беседе в Комиссии партийного контроля свидетельствовал: "Обвинительное заключение писал лично Вышинский... Он же два-три раза ездил с Акуловым в ЦК к Сталину, и тот лично редактировал это обвинительное заключение. Я это знаю со слов Вышинского, который восторженно говорил о том, как тщательно и чисто стилистически редактировал Сталин этот документ, и о том, что Сталин предложил раздел "формула обвинения". По предложению Сталина 25 декабря обвинительное заключение обсудили члены Политбюро[9]."

И. Котолынов был потрясен юридической несостоятельностью и откровенной фальшью обвинительного заключения и на другой же день обратился в Военную коллегию Верховного суда СССР с взволнованным, эмоциональным заявлением.

Вот его ксерокопия.

В Военную коллегию Верховного суда –

Заявление

от Ивана Ивановича Котолынова

Ознакомившись с обвинительным заключением, я должен сообщить следующее:

1) О существовании контр-революционной террористической подпольной группы из числа участников бывшей зиновьевской группы мне ничего не было известно и к такой группе я лично не принадлежал. Я принадлежал к нелегальной группе бывшей зиновьевской оппозиции.

Во время следствия и сейчас я утверждаю, что ни политических настроений, ни политических взглядов Николаева я совершенно не знал, также я не знал принадлежал ли он к зиновьевской оппозиции или нет, тем более я не знал принадлежал ли он за последнее время к группе бывшей зиновьевской оппозиции.

Но допрашивал следователь, который утверждал, что Николаев принадлежал к зиновьевской оппозиции и работая в Бюро [illegible] [illegible] и Истпарта, где он все время вращался среди бывших оппозиционеров и находился под их сильным влиянием, то в таком случае я заявляю, что политическая ответственность за поступок Николаева лежит на нелегальной группе бывшей зиновьевской оппозиции, в которой культивировались озлобленные настроения против партруководства и которые могли объективно среди горячих голов породить террористические настроения. При чем совсем неважно кто был бы этой горячей головой Николаев, Сидоров или Петров.

Что касается показаний Николаева обо мне есть ложь, клевета или бред сумасшедшего.

И. Котолынов

19 27/XII 34 г.

В Военную Коллегию Верховного суда

Заявление

от Ивана Ивановича Котолынова

Ознакомившись с обвинительным заключением, я должен сообщить следующее:

1) О существовании контрреволюционной террористической подпольной группы из числа участников бывшей зиновьевской группы мне ничего не было известно и к та-

кой группе я лично ие приииадлежал. Я приниадлежал к иелегальиой группе бывшей зиновьевской оппозиции.

Во время следствия и сейчас я утверждаю, что ии политических настроений, нн политнческих взглядов Николаева я совершенно ие зиал, так же я ие зиал приииадлежал ли ои к зиновьевской оппозицин или нет, тем более я не знал принадлежал ли он за последнее время к группе бывшей зановьевской оппозиции.

Но доверяясь следствию, которое утверждало, что Николаев принадлежал к зниовьевской оппозиции, и работая в Бюро Боевого землячества и Истомола, где ои все время вращался среди бывших оппозициоиеров и находился под их сильным влиянием, то в таком случае я заявил, что политическая ответствениость за поступок Николаева лежит иа нелегальиой группе бывшей зиновьевской оппозиции, в которой культивнровались озлобленные иастроеиия против партруководства н которые могли объективно среди горячих голов породить террорнстические иастроения. Прн чем совсем неважно, кто был бы этой горячей головой Николаев, Сидоров или Петров.

Что [...] касается показаний Николаева обо мие есть просто ложь, клевета или бред сумасшедшего.

19 27/XII 34 г. [*Подпись*]

Тем не менее на ход судебного разбирательства это ннкак не повлияло н не могло повлиять. Ныне известно, что Сталнн вызвал 26 декабря Вышииского и Ульриха к себе и дал установки о проведении процесса в течение 2-х дней и расстреле всех 14 обвнняемых. Приговор был отпечатан в Москве до начала судебного процесса, судьба подсудимых была предрешена[10].

Следствеииый трагнфарс завершился судебиой мистификацией иа выездном закрытом заседании Военной коллегнн Верховного суда СССР под председательством В. Ульриха, проходившем в Леиинграде с 14.20 часов 28 декабря до 6.40 утра 29 декабря 1934 г. без участия сторои и с допросом каждого обвнияемого поодиночке. Так вступило в действие обнародованиое уже 1 декабря 1934 г., в деиь

убийства Кирова, постановление ЦИК и СНК СССР "О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик", в просторечии прозванное "постановлением о террористах". Суд шел 16 часов, в дневное и ночное время, не отклоняясь от заданного курса. В начале заседания Николаев, допрашивавшийся первым, сделал неожиданное заявление о том, что в сундуке под дровами в квартире его матери есть документы, которые подтверждают участие в подготовке теракта Котолынова и Шатского. Но эти слова Николаева не произвели на суд никакого впечатления, никаких действий по проверке новых показаний произведено не было. А ведь они сулили возможность получения вещественных доказательств! Но, по-видимому, судьи не верили в их существование и не хотели, точнее, не могли задерживать ход судебного процесса.

Перерыв в судебном заседании был сделан однажды на один час после допроса отца, отвечавшего на вопросы судей шестым. Котолынов подтвердил свою оценку роковых событий и готовность взять на себя морально-политическую ответственность за выстрел Николаева. Но он по-прежнему отверг все обвинения в террористическом характере "организации" и своем личном участии в подготовке теракта, еще раз заявил о своем полном неведении на этот счет. В зал заседания был приведен Николаев для дачи показаний, уличающих И. Котолынова. Но отцу, сохранявшему, судя по стенограмме, самообладание и ясную голову, удалось неопровержимо обнажить несуразности, противоречия и прямые нестыковки по времени и по месту действия в утверждениях Николаева. Последний ничего путного на эти разоблачения возразить не мог.

Во время допроса И. Котолынова в зал был введен еще один подсудимый, его однокашник по институту Н. С. Антонов. Когда-то они вместе работали в Выборгском райкоме комсомола. Впоследствии Антонов тоже принадлежал к зиновьевской оппозиции. Совершенно неожиданно для отца он заявил, что у них была встреча, во время которой Котолынов сказал, что является представителем центра и что "намечаются решительные мероприятия против руководства партии... Можно было подразумевать и Сталина, и Кагано-

вича, и Кирова." И еще "он говорил мне об озлобленных террористических настроениях Николаева." Это был прямой оговор. С высоты сегодняшнего знания ясно, что сила следственного прессинга была такова, что Н. Антонов, очень больной, полуслепой человек, не выдержал, сломался. Для И. Котолынова такой поступок товарища был необъяснимым, нес шоковый эффект. Чистая совесть помогла ему решительно отвергнуть эти наветы, но, надо полагать, что на его взбудораженное, страдающее сознание дополнительным тяжким грузом лег факт, что еще один бывший зиновьевец (если верить следствию и считать Николаева зиновьевцем) оказался так или иначе связанным с террористическими поползновениями. Что же, выходит, Н. Ежов и А. Косарев правы? Идейные установки зиновьевской оппозиции неизбежно и неотвратимо вели к террористической борьбе?

Мучительные терзания, ставящие под сомнение прожитую жизнь, достигли у И. Котолынова высшей точки, когда суд начал заслушивать последние слова обвиняемых и прозвучало выступление В. И. Звездова, тоже однокашника отца по институту и бывшего зиновьевца. Он обвинил Котолынова в нечестном поведении на суде и заявил, что они с Антоновым получали от него поручения по организации теракта и докладывали ему о том, как они выполняются. Наверняка больше всего потрясли отца не лживые обвинения в его адрес, а еще одно свидетельство о задействованности уже третьего из участников бывшей "новой оппозиции" в убийстве С. М. Кирова. Охватившая душу в предельно экстремальных условиях судебного процесса тягостная смятенность от мысли, что действительно логика политического противостояния, оппозиции сталинскому руководству закономерно привела к контрреволюции и террору, окрасило последние слова Ивана Котолынова в трагические тона позднего, как ему сейчас представлялось, прозрения.

Его выступление содержало предельно критические, даже уничижительные оценки "новой оппозиции" и ее вождей, безжалостный самосуд над собственной политической биографией, что сделало последнюю в жизни речь когда-то популярного у молодежи оратора горестным человеческим документом, полным неудержимой горечи и безысходного

страдания, пронзительным воплощением стрессового пика в трагическом самочувствии без вины виноватого человека. Оглядываясь назад с позиции полученной в ходе следствия и суда, верной, как он полагал, информации, Котолынов определил "новую оппозицию" как "контрреволюционное зиновьевское болото". "Чему мы научились в годы оппозиции, пребывая в контрреволюционной зиновьевщине? Мы научились бороться против партии, мы научились бороться против партийного руководства, вести всякие озлобленные разговоры против партийного руководства, приобрели все эти навыки встречаться и беседовать, критиковать партию за спиной партии. Все это, товарищи, в конечном итоге нас искалечило и нас — партийный молодняк — в конечном итоге сделало инвалидами."

Его собственная судьба, — считает Котолынов, — иллюстрация сказанного. "Я пришел в комсомол 14,5 лет, в партию — в 15,5 лет. Мы привыкли работать с утра до вечера, не считаясь ни со здоровьем, ни с силами. У нас самое высокое, самое дорогое была партия. Партия была все. У нас была беззаветная любовь к вождям и руководству партии. У нас была исключительно здоровая обстановка и хорошие взаимоотношения между ленинградским комсомолом и ленинградской партийной организацией. Но, товарищи, все карты были спутаны, когда руководство ленинградской оппозицией начало вести борьбу против партии, против партийного руководства. Всю любовь, все лучшие революционные цвета молодежи эти руководители ленинградской оппозиции впитали в себя, присвоили себе и отравляли наше сознание."

Предельно сурова оценка произошедшего. "Никто из присутствующих не знает, где предел был контрреволюционной зиновьевщины, куда мы могли дальше скатиться, если бы нас не остановили. Выстрел в Кирова фактически остановил контрреволюционную зиновьевщину. Это чудовищная плата, это очень дорогая цена для партии, но это сигнал к тому, что контрреволюционная зиновьевщина должна быть уничтожена."

"Я нахожусь в трагическом положении, — сказал отец. — Я полностью разоружился, я полностью снял с себя

контрреволюционную зиновьевскую шкуру (которой в действительности лично на нем никогда не было, она плод совестливого, взыскующего воображения, вызванного хитроумной, подложной следственной мифологизацией), сбросил ее на пол и кладу голову перед судом... но в организации убийства т. Кирова, в организации террористической группы я не виноват, я не виноват абсолютно... Я прошу суд разобраться более подробно в обстоятельствах этого дела. Имея обвинительный материал, я видел ряд противоречий, о которых часто говорил. Эта неточность, эти противоречия основаны на лживых показаниях Николаева." Далее Котолынов предельно ясно обнажил, как нестыкующиеся, взаимоисключающие друг друга утверждения Николаева. И несмотря на это, он по-прежнему и в своем последнем слове осудил себя, но не за террористическую деятельность. "Я должен просто и прямо сказать, что пребывая в годы оппозиции в контрреволюционной зиновьевщине, борясь против партийного руководства, сея озлобленные настроения против отдельных вождей партии, — я несомненно порождал террористические настроения. Выстрел Николаева есть результат этих настроений. Я за это отвечаю, и я виновен." Таким образом, отец провел последовательно и неизменно свою оценку кировской трагедии и собственной "роли" в ней и через следственные допросы, и в письме по поводу обвинительного заключения, и в выступлении на суде.

Страшный декабрь 1934 г. не только придавил Котолынова тяжелейшим, несмотря на его иреальность, вымышленность, грузом своей якобы виновности, но и освободил от него, распрямил благодаря способности к покаянию даже за призрачные, невольные прегрешения, благодаря готовности отвечать за любые свои поступки и слова, даже за их непредполагаемые объективные последствия. В основе такого внутреннего освобождения лежала глубочайшая коммунистическая убежденность отца.

Самосознание своей предельной искренности и честности, откровеннейшей обнаженности перед людьми, перед судом, перед собой позволили Ивану Котолынову сказать: "Я ни от кого пощады не прошу, я требую перед партией са-

мую суровую кару, и с большой радостью. Почему? Потому, что я буду умирать не как контрреволюционер, а как революционер, который, собрав в себе все мужество, раскаялся, разоружился идейно и организационно до конца."

Фото 1. Отец -- Котолынов Иван Иванович.

Столь же решительно и категорично в своем последнем слове отрицал связь с Николаевым и участие в каких-нибудь террористических действиях Н. Н. Шатский, выступавший после Котолынова. По некоторым свидетельствам, именно после их речей в заключительной стадии судебного заседания Ульрих звонил Сталину с предложением вернуть дело на доследование, но получил требование заканчивать процесс так, как было обусловлено. Может быть, с этим обстоятельством связан редкий в судебной практике факт. Уже после произнесения всеми обвиняемыми последних слов член Военной коллегии Верховного суда И. О. Матулевич обратился к В. И. Звездову за дополнительными разъяснениями, поскольку в его последнем слове прозвучали не упоминавшиеся ранее показания о том, что он с Н. С. Антоновым получали от И. Котолынова задания по организации теракта. По существу начался новый мини-допрос. Звездов

подтвердил свои показания. Но Антонов, напротив, отверг и их, и свои собственные, данные прежде в ходе следствия, найдя в себе силы решительно заявить, что он никаких поручений от Котолынова не получал. Дали еще раз слово и отцу. И услышали прежнее, неизменное: "Я стою буквально на коленях перед судом и клянусь, что ни от Антонова, ни от Звездова, ни от Николаева ничего не слышал о террористическом акте. Я в своем слове даже ничего не говорил в свою защиту. Я говорил, что требую суровой кары, несмотря на то, что моя жизнь сложилась очень исковеркано."

Это были последние слова на судебном процессе. После них суд удалился на совещание. В 6 ч. 40 мин. 29 декабря 1934 г. был оглашен смертный приговор всем подсудимым. Через час он был приведен в исполнение. По свидетельству присутствовавшего при расстреле бывшего работника НКВД А. И. Кацафы, которое приводится в Протесте Генерального прокурора СССР от 12.11.90 г., Котолынова расстреливали последним. "С ним стали беседовать Агранов и Вышинский. Они ему сказали: "Вас сейчас расстреляют, скажите все-таки правду, кто и как организовал убийство Кирова." На это Котолынов ответил: "Весь этот процесс — чепуха. Людей расстреляли. Сейчас расстреляют и меня. Но все мы, за исключением Николаева, ни в чем не повинны."

Агранов и Вышинский были непосредственными организаторами построенной на обмане следственной и судебной инсценировки. Им ли было спрашивать, кто и как организовал убийство Кирова? В их устах этот вопрос звучит иезуитски. Видимо, расчет был на то, что обманутый и самовзыскательный Иван Котолынов, истерзавшийся ощущением мнимой морально-политической вины зиновьевцев за роковой выстрел в Смольном, в последнюю минуту жизни, под дулами наставленных на него винтовок, произнесет какую-нибудь неловкую, осуждающую былую оппозицию фразу, которую можно будет переиначить, обратить против других оппозиционеров, например, обвинить в терроризме московских руководителей бывшей "новой оппозиции". Но этот расчет не удался.

Зато удался другой — утвердить в общественном сознании всей страны, что противостоящие сталинской части государственного руководства коммунисты скатились на путь террора и контрреволюции и должны рассматриваться как враги народа, быть поставлены вне общества. Формирование данного убеждения в сознании миллионов обеспечивала публикация 27 декабря 1934 г. во всех газетах обвинительного заключения, в котором утверждалось, как я уже отмечал, что убийство Кирова совершено подпольной террористической зиновьевской группой и все обвиняемые, кроме Шатского, так или иначе признали себя виновными в этом. Затем сообщение ТАСС "О приговоре Военной коллегии Верховного суда СССР по делу об убийстве С. М. Кирова", отредактированое лично Сталиным, и широкое обнародование составленного Сталиным письма "Уроки событий, связанных с злодейским убийством С. М. Кирова[11]". Иной информации не было. Как было не поверить названным официальным документам? Тем более, что в них делается акцент на том, что осужденные сознались в содеянном. Сегодня, когда я встречаю в архивно-следственном деле телеграммы и письма от имени собраний различных коллективов и отдельных граждан, клеймящих последними словами отца и его товарищей по несчастью и требующих для них смертной казни, в моей душе не вспыхивает ни возмущение, ни гнев. В этих обращениях естественная, оправданная реакция обманутых советских людей, для которых смысл жизни был неразрывен с крепостью своей социалистической Родины. Подлог приносил свои плоды. Клеветнические манипуляции, используя безграничную веру людей в сталинскую приверженность коммунистической идее и общенародному благу, незаметно подменяли в массовом сознании искренний, глубоко человечный по своей изначальной природе созидательно-социалистический порыв на его поддельный, потерявший живую душу, культивирующий жестокую нетерпимость, так сказать, протезированный вариант.

Умонастроение миллионов и миллионов человек, охваченных пафосом построения общества, где уважается жизнь, достоинство каждого человека, а не только принадлежащих

к определенным сословиям, совершенно не было готово противостоять обману, лжи, не могло допустить даже мысли о возможности дезинформации со стороны коммунистического руководства страны. Подобная доверчивость была свойственна и людям образованным, глубоким, самостоятельно мыслящим. Читаем у Евгении Гинзбург в "Крутом маршруте": "Длинные газетные полосы с обвинительными заключениями по делу об убийстве Кирова бросали в дрожь, но еще не вызывали сомнений. Бывшие ленинградские комсомольцы? Николаев? Румянцев? Котолынов? Это было фантастично, невероятно, но об этом было напечатано в "Правде" — значит, сомнений быть не могло[12]".

В "Дневнике 1930—1969 гг." К.Чуковского находим строки, в которых выражено его, а также Ю.Тынянова, Б.Пастернака, восторженное отношение к Сталину. Запись от 20 декабря 1934 г. гласит: "В "Academii" (издательство — В.П.К.) носятся слухи, что уже 4 дня как арестован Каменев. Никто ничего определенного не говорит, но по умолчаниям можно заключить, что это так. Неужели он такой негодяй? Неужели он имел какое-нибудь отношение к убийству Кирова? В таком случае он лицемер сверхъестественный, т.к. к гробу Кирова он шел вместе со мной в глубоком горе, негодуя против гнусного убийцы. И притворялся, что занят исключительно литературой[13]".

Антон Антонов-Овсеенко пишет в воспоминаниях о своем отце: "Убийство Кирова потрясло прокурора Российской Федерации Антонова-Овсеенко. Он не знал обстоятельства дела, и когда казнили ни в чем не повинных людей — бывшего комсомольского работника Котолынова с товарищами, 13 членов мифического "Ленинградского троцкистско-зиновьевского центра", Владимир Александрович полагал, что все делается по правде и закону[14]".

Провокационное, казуистическое применение подлога, обвинение невинных людей в терроризме с тем, чтобы "законно" развязать собственный террор для устранения своих политических оппонентов и просто свободно, независимо мыслящих людей, представляемых, как казалось, неотразимо в глазах миллионов "врагами народа", дали поразительный управленческий эффект. Невозможно было не исполь-

зовать их и дальше и во все расширяющемся масштабе в условиях, когда для Сталина и его ближайшего окружения мотив обладания личной властью оставил на втором плане задачи углубления и развития социалистических начал жизни народа, снял насущную проблему их демократизации. Сталин и его окружение не изменяли в своей программной направленности социалистической идее, но дискредитировали и разрушали ее изнутри болезненным недоверием к талантливым, творческим, способным стать соперниками людям и подменой политической борьбы правовым беспределом и насилием. Для управленческих и охранительных органов всех уровней создалась атмосфера вседозволенности — настоящий рай для беспринципных и услужливых карьеристов, для бесчестных мелких людишек, шкурнически стремящихся разделаться даже с бытовыми недругами. Горькая доля моих родных — результат действия всех названных мотивов.

3. Горестные круги на семейной судьбе.

Расстрел И.Котолынова имел дьявольскую, не поддающуюся никакому оправданию; но все-таки логику — логику борьбы с активным и последовательным политическим "противником". Дальше вступает в свои права "логика" абсурдных репрессий. После казни отца необузданный произвол коснулся всех без исключения родственников и по его линии, и по линии мамы. Все, кто работал, были уволены, кто учился — отчислены в течение января—февраля 1935 года. И родители, и сестры отца и матери, и мы с мамой были высланы из Ленинграда, естественно, в разные точки страны.

Очень затрудненные за давностью лет поиски родных по отцовской линии позволяют предположительно судить, что родители отца с дочерью Елизаветой были высланы на станцию Платоновская в Тамбовской области. Позднее Елизавета жила в Старой Руссе, а затем в Загорске. Сестра отца Ольга после исключения с 4 курса Ленинградского института физической культуры была выслана в город Рассказово Воронежской области. Есть сведения, что в 1937

году она работала на руднике на станции Егорьевская Московской области. С родственниками мамы все гораздо определеннее, ибо об их печальных перипетиях знаю с ее слов. Родители мамы и ее сестра в начале 1935 года оказались не по своей воле в городе Шенкурске Архангельской области. Старшего брата Владимира органам НКВД высылать не пришлось, он, геодезист-полярник, и так все время находился в Тикси, а вот его жену, тетю Зину, отправили в Центральный Казахстан. Второй мамин брат не успел стать репрессированным, он погиб при не очень ясных обстоятельствах, упав с большой высоты на палубу корабля.

19 января 1935 г. партколлегия Ленинградской области утвердила решение Выборгского РК об исключении мамы из партии за "потерю всякого классового чутья и партийной бдительности" и стремление "выставить Котолынова как невинно пострадавшего человека". Через 10 дней, 29 января 1935 года, она была отчислена с 5 курса Ленинградского индустриального института с формулировкой "как классово чуждый элемент", хотя находилась в это время на преддипломной практике и до завершения высшего образования оставалось всего два месяца. Кстати, мама вспоминала, что в нашей квартире, несмотря на всю тяжесть подозрений в государственном преступлении отца, ни разу не был произведен обыск. Нет протокола обыска и в архивно-следственном деле. Это еще одно свидетельство, что к версии об участии И.Котолынова в убийстве С.М.Кирова правоохранительные органы серьезно не относились. Арест же отца произошел, по-видимому, вне дома. В феврале мы с мамой (мне тогда было около двух лет) были высланы из Ленинграда и оказались в Челябинской области. Работники областного управления НКВД посоветовали ей не устраиваться на работу по специальности на заводы, где, наверняка, могут отнестись к ней с недоверием. И мы обосновались в небольшом городе Шадринске тогда Челябинской области, где мама начала учительствовать, преподавать физику и математику в различных учебных заведениях города. В 1940 году мама вышла замуж за Панпурина Александра Федоровича, работника Шадринского горкомхоза, который усыновил меня, семилетнего, дав свою фамилию и отчество.

Наверное, судьбу моей матери, Долгих Веры Яковлевны, можно считать относительно благополучной. Ее не арестовывали, она избежала ГУЛАГа. Правда, за 18 лет учительской работы ее много раз увольняли, благо всегда был безотказный предлог — у ней ведь не было педагогического образования. Но это было не больше, чем предлогом, ибо учительских кадров постоянно не хватало. Показательно, что при последнем увольнении вместо мамы учителем физики был принят студент автомеханического техникума. А среди действительных причин однажды была такая: мама поставила за год двойку по математике несусветному лодырю, сыну секретаря горкома партии, в результате чего он был оставлен на второй год, а Долгих В.Я. лишилась работы. Но она была очень хорошим учителем, и директора школ на свой страх и риск вновь и вновь брали ее на работу.

Семья была большой. У отчима была дочь от первого брака. В 1941 году родился мой брат. В Шенкурске умер мой дед, сестра матери —Ирина — ушла добровольцем на фронт, и ставшая одинокой бабушка приехала жить к нам в Шадринск. Отчиму в качестве поощрения за многолетнюю работу в городском коммунальном хозяйстве предоставили в аренду на 25 лет небольшой домик с участком на окраине города. Взрослые энергично принялись обихаживать новое жилище, разбили сад с яблонями и ягодниками, мама увлеклась разведением цветов. Жизнь как бы налаживалась, выходила на новый горизонт, сулящий надежду. Но так продолжалось недолго. Приведенный в порядок дом с садом приглянулся кому-то из местных руководителей НКВД, и наша семья была выселена еще раз, но сейчас в пределах города, в плохо приспособленный для жилья флигелек во дворе водолечебницы, где раньше помещалась лаборатория. А через несколько лет, после смерти отчима (он умер от разрыва сердца прямо за рабочим столом), мы снова оказались в двух маленьких комнатках большой коммунальной квартиры. После последнего отстранения от учительства мама устроилась в артель инвалидов "Маяк" вышивальщицей кофточек. Периодические увольнения, долгие месяцы безработицы, тяжелое материальное положение семьи, неоднократные выселения в худшие жилищные условия стои-

ли ей потери здоровья, тяжелой болезни сердца. Она стала инвалидом I группы и умерла в 51 год.

Для братьев отца, сестры — Людмилы Ивановны Котолыновой и ее мужа — Фрейдеифельда Серафима Эмильевича репрессии оказались покруче, а судьба — злосчастнее. Оба брата были арестованы. Николай — в Ленинграде 29.01.35 г., Павел — 22.12.34 г. по месту службы в г.Никольске-Уссурийском и поездом доставлен в Ленинград. Оба находились под следствием в январе-феврале 1935 г. по "Делу на участников Ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы". Знакомство с архивио-следственными материалами убеждает, что никакого расследования не было. Было облыжное нагромождение обвинений с целью развязываиия устрашающих репрессий в корыстных политических целях. В деле призиается отсутствие вещественных доказательств. Нет даже показаний-наговоров других лиц. Оба они свою связь с мифической террористической группой, естественно, отрицают. В какой-то мере против П.Котолынова могут свидетельствовать его письма к родным, в которых, как ои сам соглашается, можно усмотреть антисоветское содержание. Но на всех допросах П.Котолынов объясняет это своим недовольством службой в ОКДВА и материально-бытовыми условиями жизни семьи, решительно отрицая наличие у себя антисоветских, контрреволюционных настроений и уж тем более действий. Не может быть доказательством его принадлежности к контрреволюционной группе прозвучавший во время допроса факт — Павел Котолыиов дал ленинградский адрес родных демобилизованному из полка красноармейцу Ильюшину, поехавшему в Лениград поступать иа учебу в пединститут. Единствеино, в чем уязвима была позиция П.Котолынова, и то не в уголовном порядке, — так это в том, что у него были оппозиционные взгляды, и он выступал с их изложением иа партактиве гарнизоиа. В 1929 году во время чистки партии он был исключен из рядов ВКП(б). Против Николая Котолынова иикаких, даже самых надуманных, свидетельств иет.

Братья по-разному отвечали на вопросы об И.Котолынове. Павел никак не подтвердил возможность участия бра-

та в контрреволюционной деятельности. Николай, наоборот, сказал, что слышал от И.Котолынова высказывания, в которых звучали террористические настроения, и что у иего был браунииг с просроченным разрешеиием. И тем ие меиее, оба оии решеиием тройки Управлеиия НКВД СССР по Леиинградской области от 10.02.35 получили одинаковый приговор — 5 лет концлагерей, что еще раз свидетельствует о глубоко формальном, заранее предрешенном характере расследования и заключительного вердикта. О сфабрикованиости дела свидетельствует и абсолютная нестыковка дат на документах, входящих в архивно-следствеииые материалы. Так, согласио анкете, Н.Котолынов был арестован 29.01.35, 1.02.35 был допрошен, а ордер иа арест датирован 9.02.35, т.е. накануне заседания тройки. Еще хлеще у П.Котолынова. Арестован, согласио анкете, 22.12.34, квитанция о приеме вещей датирована 7.01.35, ордер на арест выписан 25.01.35 в Ленинграде, а постановление об аресте объявлеио 13.02.35, т.е. через три дня после приговора.

Так же решением тройки от 10.02.35 были осуждеиы еще 5 человек. В протесте прокурора г. Ленинграда от 17.08.57 г. отмечается,что трое из них, в том числе и Н.Котолынов, "не совершили иичего, что могло бы быть основанием для привлечения их к какой бы то ни было ответственности", а остальные четверо, в том числе и П.Котолынов, "совершили проступки антипартийиого характера, ответственность за которые предусмотрена уставом КПСС. Вопрос о возможности квалификации этих проступков осужденных как контрреволюционных преступлений органами следствия ни в коей мере не исследован. Партийиыми же органами вопрос об ответственности этих лиц за эту их антипартийную деятельиость был разрешен задолго до осуждения их по данному делу".

А вот дальнейшая судьба братьев была различиой, хотя в обоих случаях трагичиой. П.Котолыиов отбывал наказание в Верхнеуральской тюрьме. Там в апреле 1937 г. против него иа осиове только иичем и иикем ие подтвержденных агентурных данных было заведено новое уголовиое дело по обвинению в проведении среди заключеиных антисовет-

ской троцкистской пропаганды и призывах к террору против руководителей ВКП(б) и Советского правительства. Показательно, что во время первого допроса 13.04.37 следователь Зильберман требовал, чтобы П.Котолынов признал, что он "распространял среди заключенных злобную клевету на руководство ВКП(б) и одновременно **восхвалял фашистский** строй в Германии". Во время второго допроса 23.04.37 этот же следователь без тени смущения добивался, чтобы П.Котолынов подтвердил, что говорил заключенным: "Мы **жертвы фашистского** режима, остается одно — последняя борьба и в петлю". Ответ моего дяди и в том, и в другом случае, и по поводу других не менее нелепых обвинений был один: "Я категорически это отрицаю. Это явная ложь". Тем не менее, 26 мая 1937 г. он предстал перед Военной коллегией Верховного Суда СССР. Было принято решение "дело заслушать в закрытом судебном заседании, без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей, в порядке постановления ЦИК СССР от 1.12.1934 г." А как же иначе, если все строится на наглом, беззастенчивом подлоге! На заседании председательствовал все тот же В.Ульрих. Оно продолжалось с 18.03 до 18.42, т.е. 39 мин. и закончилось вынесением смертиого приговора. П.Котолынов был расстрелян в этот же день, 26.05.37 г., т.е. почти через 2,5 года после смерти младшего брата. И вся "вина" его состояла в этом родстве.

В заключении Главной военной прокуратуры СССР от 4.04.59 г. утверждается, что доказательств вины в деле П.Котолынова нет. Павел Иванович был реабилитирован по первому подложному делу президиумом Ленинградского горсуда 18.01.58г., по второму —Военной коллегией Верховного суда СССР 15.05.59 г.

Из архивно-следственных дел я узнал, что у Павла Ивановича была семья: жена — Нина Федоровна Котолынова, примерно 1907 года рождения, и сын Юрий, по-видимому, 1928 года рождения. Вероятнее всего, они тоже были репрессированы. Есть письмо от Н.Ф.Котолыновой, сообщающее о получении справки о реабилитации мужа по первому осуждению, датированное 23 мая 1958 г. и отправленное из г.Чарджоу Туркменской ССР. По этому же адресу

ей была выслана и вторая справка о реабилитации П.Котолынова, но документа о ее получении адресатом в архивно-следственном деле нет. Что это означает? У меня нет ответа.

Что касается старшего брата, Николая Котолынова, то мне до сих пор не удалось выяснить все перипетии его судьбы после получения пятилетнего лагерного срока в 1935 г., а они выглядят из его обращения в Генеральную прокуратуру от 19.11.57 г. неожиданными и труднообъяснимыми. В этом письме он сообщает, что был осужден на 25 лет (?). Когда, кем, за что? Отбывал заключение в Узбекской ССР и был освобожден досрочно, с применением зачета рабочих дней, через 20 лет 19 января 1955 г. Письмо было отправлено из Успенского района Краснодарского края, где в 5 отделении Кубанского мясомолочного совхоза Н.Котолынов работал скотником. Он был реабилитирован 18.01.58 г. постановлением президиума Ленинградского горсуда. Подтверждения о получении Н.Котолыновым справки о реабилитации в архивно-следственном отделе нет. Был ли он к этому моменту жив, как сложилась его дальнейшая жизнь, где он похоронен? — не знаю.

Теперь о том, какими "врагами народа" были супруги Людмила Котолынова, сестра отца, и ее муж — Серафим Эмильевич Фрейденфельд, и какие репрессии обрушились на их голову. В условиях непредсказуемой опасности, нависшей над всеми родственниками Ивана Котолынова, молодые люди, надо думать, в целях смягчения неминуемого удара по С.Фрейденфельду, пошли на формальное, как позже выяснилось, расторжение своего брака. В начале февраля оин оба были исключены из партии, затем Людмила 15.02.35, а Серафим — 20.02.35 отчислены с 4 курса Ленинградского индустриального института с формулировкой "за связь с членами контрреволюционной троцкистско-зиновьевской группы". Людмила Ивановна была выслана из Ленинграда, по-видимому, вместе с младшей сестрой Ольгой в город Рассказово Воронежской области. Серафим Эмильевич из Ленинграда не высылался, может быть, это явилось результатом официального развода. Ему удалось даже поступить на работу на Кировский завод в должности конструктора турбинного цеха. Через некоторое время он приезжает

в Рассказово, они с Людмилой снова оформляют свои супружеские отношения, причем в это раз она принимает фамилию мужа. Серафиму Эмильевичу удалось увезти жену на жительство к своим родителям на станцию Темный лес Западной железной дороги. Сам он вернулся в Ленинград. Очень возможно, что супруги больше не видели друг друга.

17.06.36, т.е. через полтора года после убийства С.М.Кирова, С.Фрейденфельд был арестован. Ему предъявлялись 2 главных обвинения: знал, что его жена Л.Котолынова и жена И.Котолынова Вера Долгих (моя мама) были в курсе готовившегося теракта, и не сообщил об этом; принимал у себя на квартире немецких шпионов и получал от них деньги. Если бы органы НКВД сами верили в эти нелепости, С.Фрейденфельд должен был бы быть арестованным раньше. О его родственных связях с семьей И.Котолынова было известно сразу, и вряд ли фиктивное расторжение брака могло по-серьезному его оборонить. Донос о проживании иностранцев в его квартире (это был двоюродный брат и его сослуживцы, приехавшие в Ленинград по делам из Риги) датирован 14.01.35 года. Видимо, через 1,5 года поступила сверху разнарядка на определенное количество новых арестов. Вот и брали тех, к кому хотя бы внешне можно было придраться.

Допросы продолжались целый месяц. Мужественный человек, Серафим Эмильевич, все наветы отрицал, наотрез отказался признать, что скрывает улики, изобличающие мою мать и его жену в знании о "преступных замыслах" И.Котолынова. Следствие обвиняло его в том, что он сначала подал парторгу факультета заявление, в котором утверждал, что Вера Долгих и Людмила Котолынова знали о преступных намерениях Ивана Котолынова и скрывали это, а потом якобы взял это заявление с тем, чтобы дополнить, но уничтожил его. С.Фрейденфельд решительно отрицал такой факт. Характерно, что за месяц допросов были проведены 4 очные ставки с разными знакомыми Фрейденфельда, которые, кстати, не дали следствию никаких изобличающих материалов. А вот, казалось бы, совершенно необходимой очной ставки с парторгом факультета, способного поддержать главный момент обвинения, проведено не было.

Видимо, следствие понимало ложность доноса о заявлении и его уничтожении и учитывало невозможность превратить его на очной ставке в "действительный факт". Показательно, что в архивно-следственном деле есть факт, справка, в которой однозначно констатируется: "вещественных доказательств по делу нет".

Если бы Серафим Эмильевич сломался, подчинился следствию, скорее всего для мамы 1936 год был бы последним и моя судьба была бы другой, гораздо более крутой. Вечная ему неоплатная благодарность.

Пример С.Фрейденфельда показывает в то же время, что в условиях массовой фабрикации подложных обвинений очень многое зависело от степени бесчестности следователей. Он получил по тем временам, пожалуй, мягкое наказание. Особое совещание осудило его 22.08.36 на 5 лет ИТЛ. Фрейденфельд начал отбывать наказание в Ухто-Печорском ИТЛ, затем был переведен в московскую спецтюрьму ОТБ НКВД СССР при заводе N 82 и закончил срок своего заключения в Казани, на заводе N 27. То есть его профессиональная квалификация была использована на спецзаводах НКВД, в так называемых "шарашках". Ровно через 5 лет в 1941 году он был освобожден.

С.Э.Фрейденфельд в июне 1956 г. обращается в Генеральную прокуратуру СССР с просьбой о реабилитации. В это время он работал начальником конструкторского бюро инструментального цеха на автомобильном заводе в Кутаиси. Реабилитация состоялась по постановлению президиума Ленинградского горсуда 19.03.57г. В 1963 г. Серафим Эмильевич был реабилитирован и в партийном порядке, восстановлен как член КПСС с зачетом всего партстажа с 1928 г. Последние сведения о нем, имеющиеся у меня, почерпнуты из заявления, с которым в 1964 г. Серафим Эмильевич обращается в ректорат Ленинградского политехнического института, выписку из которого мне прислали из архива этого вуза. В заявлении от просит изменить формулировку приказа об отчислении из института. Из этого документа стало ясно, что в это время С.Фрейденфельд жил в г.Одессе и работал на заводе им. Октябрьской революции начальником бюро технической информации. Излишне говорить,

что, получив такую информацию, я сразу же написал в Одессу, и на завод, и по домашнему адресу. С завода я никакого ответа не получил, а вот женщина, проживающая в бывшей квартире С.Фрейденфельда и помнившая его, рискнула прочитать мое письмо и, проявляя душевную отзывчивость, описала свои впечатления от С.Фрейденфельда и сообщила мне, что он действительно переехал в другой район Одессы. Из адресного стола Одесского городского управления МВД на мое обращение казенно ответили, что среди прописанных и выписанных С.Э.Фрейденфельд не значится. Так оборвались мои попытки разыскать или хотя бы обнаружить памятные следы человека, которому я обязан столь многим, может быть, даже жизнью.

По-иному сложилась судьба Людмилы Ивановны Котолыновой-Фрейденфельд. Источником сведений о ее дальнейшей жизни служит заявление Людмилы Ивановны от 13 августа 1936 г., в котором она просит о восстановлении в Ленинградском индустриальном институте. Как явствует из заявления, в это время она работала в г. Мурманске в канцелярии морского техникума. Как она там очутилась? Почему уехала от родителей мужа? Связано ли это как-то с арестом С.Фрейденфельда, который произошел за два месяца до даты, стоящей под ее заявлением? Приходится об этом только гадать. Протокол допроса Людмилы Ивановны, произошедшего почти два года спустя содержит ее фразу о том, что в Мурманске она оказалась по предложению органов НКВД. Что это значит? Как это нужно понимать? А в восстановлении в институте ей было отказано.

26 мая 1938 г. Людмила Ивановна, работавшая в это время статистиком жилищно-коммунального управления треста "Мурманскрыба", была арестована. Вначале ей предъявлено два обвинения. Как сестра И.Котолынова, она знала о его "преступных" намерениях (а прошло уже 3,5 года) и поэтому несет ответственность за теракт. Во-вторых, в период работы в Мурманском морском техникуме она была связана с военруком этого учебного заведения Малиновым, недавно осужденным за коитрреволюционную деятельность. В ходе очень, надо полагать, "активных" допросов и неуемного рвения следователя открылась новая, в высшей степе-

ии ударная возможность — обвинить Л.Котолынову в шпионаже в пользу Германии. Ведь в 1938 г. это был самый распространенный и беспроигрышный повод для осуществления разнарядок на масштабное расширение репрессий. На свет появляется второй ордер на арест от 13.06.38, когда она уже 18 дней как сидит, где в качестве основания указывается эта причина, а также участие в контрреволюционной деятельности.

Невероятно, но моя тетя согласилась с этими бредовыми инсинуациями, призналась в совершении всех "преступлений". Почему? В протесте Военного прокурора Северного военного округа отмечается, что "вина Фрейденфельд Л.И. по фактам предъявленного ей обвинения основана только на ее неконкретных и противоречивых показаниях". Действительно, сначала она признает, что слышала, как И. Котолынов критиковал политику Сталина и руководителя ленинградских большевиков С.М.Кирова, и не более того. В дальнейшем она говорит, что "прямых разговоров с И.Котолыновым о готовящихся тогда террористических актах у меня не было, но по его тону я замечала, что он принимает в этом направлении практические меры". Многое скрывают лаконичные строки стенограммы допросов. Но иногда почти явно читаешь между строк. Вот отрывок из допроса от 30.05.38. Вопрос: "Вам было известно о подготовляющемся убийстве С.М.Кирова? Отвечайте". (Стало быть, подследственная ответила не сразу). Ответ: "О подготовке и совершении террористического акта над С.М.Кировым я знала только из террористических **высказываний** Котолынова". И сразу за этим совсем иное. Вопрос: "В какой период времени Вам стало известно, что Ваш брат Котолынов **готовил убийство** С.М.Кирова?" — ответ: "Я знала это задолго до убийства С.М.Кирова". (?!) Чуть ниже стенограмма фиксирует предельно однозначный ответ Л.Фрейденфельд, сформулированный на языке, уж очень характерном для стилистики профессиональных следователей и удобном для быстрого вынесения обвинительного приговора: "О готовящемся убийстве руководителей партии, в частности С.М.Кирова, я знала, но никому об этом не сообщила исходя из того, что я разделяла взгляды Котолынова и, кроме

того, боялась с его стороны по отношению к себе репрессивных мер. Вместе с этим я считала, что мой донос на Котолынова повлечет за собой его арест, а также и меня, как разделяющую его контрреволюционные убеждения".

И еще один красноречивый в своей сумасшедшей абсурдности пример наглого профессионального бесчестия. Вопрос: "Следствие располагает данными (?), что Вы проводили шпионскую работу в пользу иностранной разведки. Дайте показания". Ответ: "В этом предъявленном мне следствием обвинении виновной себя признаю. Я — Фрейденфельд являюсь агентом германской разведки, по заданию которой проводила контрреволюционную шпионскую деятельность против Советского Союза". Дальше стенограмма повествует, что резидентом германской разведки, которому Людмила Ивановна передавала секретные сведения, был ее муж С.Е.Фрейденфельд. В 1932 году она в устной форме сообщила ему, сколько рабочих на фабрике "Красный треугольник". Через 2 года, в 1934 г. тоже в устной форме сообщила, что на "Красном треугольнике" есть секретный цех, производящий противогазы для Красной Армии. Фарсовая смехотворность этих фактов не помешала Особой тройке УНКВД по Мурманской области 3.11.38 вынести смертный приговор, и Л.Котолынова-Фрейденфельд была расстреляна 22.11.38 г. О гнусном подлоге, ставшем причиной трагической смерти безвинного человека, дополнительно свидетельствует и пункт в обвинительном заключении, гласящий, что вещественных доказательств по делу нет. Сенсационное признание в шпионаже никак не отразилось (И слава Богу!) на судьбе "резидента" С.Фрейденфельда, который в это время отбывал свое наказание в "шарашках" НКВД. Значит, следователям было ясно, что это чушь. Кроме того, в деле есть справка, появившаяся уже в ходе прокурорской проверки на предмет реабилитации, которая гласит: "по документальным материалам КГБ при СМ СССР и Государственного Особого Архива МВД СССР Фрейденфельд Серафим Эмильевич и Фрейденфельд Людмила Ивановна как агенты иностранных разведок не значатся". Столь же облыжным было обвинение в причастности к контрреволюционной деятельности Малинова. Есть документаль-

ные подтверждения, что, во-первых, Людмила Ивановна по делу Малинова не проходила, а, во-вторых, постановление по этому делу отменено в связи с недоказанностью обвинения.

Фото 2. Людмила Ивановна Котолынова-Фрейденфельд

Сестра отца была реабилитирована в судебном порядке почти день в день через 20 лет после расстрела определением военного трибунала Северного военного округа. А 14.04.64 была решением бюро Ленинградского обкома КПСС восстановлена в партии благодаря обращению Серафима Эмильевича Фрейденфельда. Но ложь вокруг ее имени продолжалась и после перемен, начатых XX съездом КПСС. В феврале 1958, отвечая за запрос Елизаветы Ивановны Котолыновой, начальник уголовно-архивного отдела УКГБ по Мурманской области подполковник Кубышкин написал, что Л.Котолынова была осуждена на 10 лет ИТЛ и в заключении умерла от туберкулеза легких. И даже указал дату смерти — 11.06.44 г.

У меня нет полной информации о жизненной судьбе всех моих родственников. Но я точно знаю, что из числа

моих родственников по отцовской и материнской линии три человека (может быть, больше?) были расстреляны, два (может быть, больше?) прошли лагеря, 11 были сосланы или высланы, часть из них ушло из жизни раньше времени из-за подорванного здоровья. В 24 года я лишился матери, никогда осознанными глазами не видел отца, ни разу за всю свою жизнь не произнес слова "папа". Горькая доля большой семьи. Казалось бы, я должен испытывать жгучее неприятие советской истории, ненависть ко всему коммунистическому. Но этого нет. Почему?

Фото 3. Мама - Долгих Вера Яковлевна

Я преклоняюсь перед своей матерью. Мы редко говорили об отце, о трагической участи нашей семьи, родственников — я чувствовал, как это тяжело маме, и избегал расспросов. Но с детства в самую глубину моего существа вошли ее слова: отец ни в чем не виноват, он честный коммунист, но избави тебя Бог от озлобления к людям, народу, советскому строю, нашим идеалам. После XX съезда

она обратилась в Комиссию партийного контроля при ЦК КПСС с просьбой о реабилитации и восстановлении в партии, но ответа получить не успела. Эта материнская позиция стала для меня ее духовным завещанием. Ее завет, пример ее жизни уберег меня от ослепленного ненавистью и потому искажающего угла зрения на происходящее, позволил мне не впасть в односторонний, уплощающий реальность антикоммунистический раж.

Во-вторых, не позволяет мне предавать размашистой анафеме социалистическое бытие собственный непредвзятый опыт житейского общения с нечиновными советскими людьми на протяжении десятилетий, начиная с самого раннего детства.

II. Жизнь под "сенью" первого клейма.

Детская память цепко хранит смутные ощущения повышенного, любопытствующего, иногда настороженного внимания окружающих к нам с матерью, но не было враждебности. Когда маме приходилось на день-два уезжать из Шадринска (как потом она мне объясняла, ее вызывали на допросы в областной центр), всегда среди соседей находились люди, которые заботились обо мне, кормили и приглядывали.

Но все-таки было тоскливо одному в комнате, особенно в позднее время. Усиливалось неясное чувство нашей непохожести, какой-то странности, выпадения из общего ряда, которое очень рано вошло в мою душу и беспокоило. И поныне я слышу где-то в глубине моего существа неоднократно повторяемый в далеком детстве вопрос: "Мама, почему мы не такие, как все?" Материнских ответов из того времени я не помню. Скорее всего, до поры до времени мама уходила от прямых объяснений. И это было совершенно естественно. Во мне же постоянное ощущение некой неполноценности совершенно спонтанно вело к развитию психодинамического состояния тревожности и неуверенности в себе. Эти самоощущения продолжали усиливаться и в подростковом возрасте,когда я уже от матери знал о траге-

дин, перевернувшей нашу жизнь и сделавшей нас женой и сыном "врага народа", потому что продолжал чувствовать чрезмерное внимание к необычности нашей судьбы со стороны самых разных, часто совершенно незнакомых людей. Помню эпизод. Я иду по улице, догоняю маму. Приближаюсь к двум мужчинам, идущим в нескольких метрах позади нее, и слышу, как они негромко, но горячо спорят: кто идет впереди, жена Котолынова или жена Николаева. А было это году в 1943. Прошел десяток лет после убийства С.М.Кирова, а шадринцы продолжали выделять нас как выпадающих из общего ряда людей, помеченных связью с уже сравнительно давним трагическим, потрясшим всю страну событием.

Что касается властных инстанций, то они не оставляли нас без притесняющего внимания. Я уже писал о многочисленных увольнениях мамы с работы, о переселении семьи в более худшие жилищные условия. Подобные факты не могли не вызывать самоощущения официальной отверженности, обездоленности, которые, конечно, усиливали тревожность и неуверенность в себе. Но не наступило отчаяние, не сложилась озлобленность. И все благодаря людям, с которыми сводила жизнь. Их любопытствующее, порой настороженное отношение было естественным в связи с атмосферой нелепых слухов, какой-то таинственной, многозначительной запретности, которая окружала нас. Но поскольку оно не было враждебно предвзятым, бездумно заемным, тенденциозным, то настороженность рассеивалась на основе собственной оценки наших с мамой человеческих и деловых качеств, и в конечном итоге складывалось благожелательное, доброе отношение.

Шадринцы знали и уважали маму как очень хорошего преподавателя физики и математики. За высокие профессиональные качества и доброжелательность ценили коллеги. Не очень давно мне даже стал известен случай, когда одна учительница набралась решимости отказаться от предложения компетентных органов сообщать о настроениях и разговорах, которые ведет В.Я.Долгих. Маму искренне уважали ученики, а их, наверное, была пятая часть Шадринска. В зимние и летние каникулы к нам домой обязательно приходили выпускники, уже ставшие студентами. Хорошо пом-

ню, как я забивался куда-нибудь в угол и слушал их разговоры с мамой обо всем на свете. Позднее мои сверстники, учившиеся у мамы в старших классах, неизменно с восхищением говорили об ее учительских качествах. Поэтому неудивительно, что неоднократно руководители учебных заведений, рискуя как минимум своим служебным положением, после очередных увольнений В.Я.Долгих снова приглашали ее учительствовать. С благодарностью помню таких честных и мужественных людей, как директор школы фабрично-заводского ученичества Христина Матвеевна Симакова. Своим решением она подвергала риску не только себя, но и служебную карьеру мужа —Ивана Елизарова, который был редактором городской газеты. Под стать ей был директор сначала средней школы N 10, а потом школы рабочей молодежи Дмитрий Вениаминович Орлов. В этих школах учился и я и хорошо помню этого замечательного, довольно крутого и резкого, но справедливого человека.

Свидетельством того, что официальное отношение к членам семьи "врага народа" не воспроизводилось механически в сознании обычных людей и поэтому не совпадало с ним, является требующий немалой гражданской смелости поступок Александра Федоровича Панпурина, который не только женился на вдове Котолынова, но и усыновил его сына. Это был глубоко порядочный, благожелательный, достойный человек. Я никогда не слышал от него ни одного грубого слова. Ровно и спокойно он нес на себе основную тяжесть забот, обеспечивающих быт большой семьи. Он по-отечески обеспечивал мою жизнь в детские и юношеские годы.

И все-таки я должен честно признать, что душевной близости у меня с отчимом не было. И виноват в этом я. С высоты возраста мне сегодня это абсолютно ясно. Сказывалась моя психическая конституция: замкнутость, настороженность, закомплексованность. Александр Федорович в высшей степени заслуживал отзывчивости, ответной теплоты. Я глубоко виноват перед ним. Единственное, что я смог принести на алтарь его светлой памяти уже в зрелые годы,— сохранить верность дарованной им фамилии. Обратившись в органы ЗАГСа с просьбой разрешить мне носить фами-

лию Панпурин-Котолынов, я получил отказ по причине того, что российские законы запрещают установление двойных фамилий. Мне было предложено, если я желаю, сменить фамилию Панпурин на Котолынов. Но как я ни хотел материализовать память об отце, пойти таким путем считал невозможным. Это было бы предательством по отношению к благороднейшему и честнейшему человеку — Александру Федоровичу Панпурину, вложившему много душевных сил в становление моей личности.

Еще пример реального отношения шадринцев к сыну "врага народа". 1947 год. В городе организуется экскурсия школьников в Москву. Я хорошо учился и активнейшим образом занимался спортом: футболом, легкой атлетикой, был чемпионом Курганской области по лыжам среди школьников средней возрастной группы. Организаторы во главе с директором городского Дома пионеров Татьяной Васильевной Бобровой включили меня в состав экскурсантов. Как стало позднее известно нашей семье, на организаторов поездки оказывалось давление, предлагалось не брать меня. Кстати, тоже характерно, что не было прямого запрета. Но Татьяна Васильевна взяла на себя смелость проигнорировать рекомендации какой-то властной инстанции, и я вместе со школьными друзьями побывал в Москве. В столице я впервые встретился с живущей здесь маминой сестрой Ириной Яковлевной. Она фронтовичка, после демобилизации вышла замуж за Владимира Никольского, слесаря высочайшей квалификации, работавшего на авиапредприятии, руководимом Туполевым. Помню их искреннее удивление по поводу моего участия в престижной экскурсии и в связи с тем, что я был принят в комсомол. Для столичных порядков и нравов было характерно более жесткое, более "бдительное" отношение к членам семей "врагов народа".

О моем вступлении в комсомол нужно сказать несколько слов особо. Я мечтал об этом. Когда во время учебы в седьмом классе был назначен первый прием, мне не хватало нескольких месяцев до 14 лет, потому что я пошел в школу семи лет, а не восьми, как в то время было принято. Все мои ближайшие друзья-одноклассники начали готовиться к этому событию. Мне очень не хотелось отставать. Я тоже

подал заявлеие н очень волновался, боялся, что две вещн могут стать препятствнем для прннятия меня в комсомол: неполный возраст и обвнненне в полнтическом терроризме, тяжелым грузом лежащее иа моем отце. На собрании при обсуждении моего заявления вопросов н высказываний ни по тому, ни по другому поводу, к моему изумлению, ие последовало. Не зиаю, как так получилось, ио я иеожиданно для самого себя сам рассказал о нашем семейиом горестном кресте, о расстрелянном отце. Я сразу же почувствовал, что для присутствующих мое сообщенне не было новостью, а секретарь школьиого комитета ВЛКСМ, кажется его звали Игорь Васильев, сказал, что это не может быть препятствием для моего вступления в комсомол. Голосование было единогласным. С тех пор я всегда, когда речь заходила о биографии, об анкетных данных, иесмотря на то, что моя фамилия была Панпурни, писал, говорил об отце , о том, что ои был обвинен в соучастии в убнйстве С.М.Кирова н расстрелян. Это не было расчетливым ходом. Скорее, так спонтанно, неотрефлексированно, выражалась у меня внутрення честиость и вера в людскую справедливость. Оглядываясь назад, следует, пожалуй, признать, что такое поведение вызывало дополнительное доверие у ие иастроенных предвзято людей н в большинстве случаев благопрнятно сказывалось иа моем жизиенном пути.

Шадринская жизнь дала много примеров доброго отношения к иашей семье, ко мне со стороны взрослых. Что касается сверстников, то не было ни единого случая, чтобы кто-нибудь когда-нибудь попрекнул меня отцом. Вообще школьные годы живут в моей душе как воплощение самой светлой, самой щедрой на человеческую отзывчивость полосы моей жизни. Несмотря на то,. что это было время военного лихолетья н тяжелейшего послевоенного восстановления. И прежде всего благодаря удивительной насыщенности жизни большой группы подростков, затем юношей н девушек, связанных многими формамн совместной деятельиости и соответственно общнми переживаннямн, интересами, заботами. Здесь не только общение на уроках, но н захватывающие жесткие мальчишескне игры военного характера, требующие бесстрашия н самоотдачн. Позднее

они переросли в увлечение спортом. Тренировки до седьмого пота, участие в соревнованиях, поездки в Курган на областные чемпиоиаты, коллективные победные достижения — все это естественным н иепринужденным способом объединяло нас, делало друзьямн, что называется "не разлей вода". Плюс к этому подготовка н проведение совместных вечеров учеииками мужской н жеиской средних школ города, каждый из которых превращался в радостное н волнующее событие. Встречн в тоже объединенном литературном клубе, которым руководила замечательиая учительница Тамара Витальевна Митина, обсуждение иовинок современной прозы и поэзии, жаркие споры и дискуссии. А летом танцы в городском саду под чарующне звуки духового оркестра. И во всех этих перипетиях н событиях становящегося юиошеского бытия сверстники отиосились ко мне как к равиому, свойскому, не обособляли и не чурались, что для меия, для моего самочувствия было чрезвычайно важно. Я через всю жизнь проиес к ним глубокую благодарность н самые сердечиые, теплые чувства за это.

Главиым иашим увлеченнем был футбол. Выделяю это особо, потому что эта часть иашей жизни постепенно стала ярким, захватывающим событием для шадринцев всех возрастов, поистине центром культурной жизни города. Дело в том, что когда иам, футболистам из детской спортивной школы, исполнилось по 15—16 лет (это было после окончания 8 класса в 1948 году), уровень иашей игры достиг столь значительиой высоты, что руководители города пошли иа беспрецедентиый шаг — допустили иашу команду для участия в первеистве города среди взрослых. Город ведь был иебольшой, детская спортивная школа одна, других, дворовых команд, хоть в какой-нибудь мере прнближавшихся к нам по силе, не было. Стоит ли говорить, что весь город болел за иас, подростков, болел истово, от всего сердца. В розыгрыше первенства участвовало три команды заводов, железнодорожникн и училище воеиных летчнков —все дяди во цвете лет. Нам, по существу еще детям, удавалось в течение трех лет занимать вторые места. Мы уступали только команде "Торпедо" Шадринского автоагрегатного завода. Это была очень сильная команда. В годы

войны в Шадриинск была эвакуирована часть московского ЗИСа. Здесь жили и играли некоторое время игроки из прославленной команды московского "Торпедо". Воспитанники торпедовской школы оставались в Шадринске и в послевоенные годы. Несмотря на это, был случай, когда мы, встретившись в финале кубка города с "Торпедо", после первого тайма вели со счетом 3:0. Что делалось на трибунах стадиона, не передать. Но во втором тайме нам не хватило сил. Сначала торпедовцы сравняли счет, а в дополнительное время забили победный гол. Прошло 46 лет, а весь матч, все его перипетии, свои ощущения, чувство силы, безграничных возможностей свежи и ярки, как будто это происходило вчера.

Мы были любимцами города. За нами ходили всегда восторженные стайки малолеток. С нами вели уважительные разговоры взрослые, и не только на футбольные темы. Прекрасный стадион "Торпедо" с вместительными трибунами стал любимым местом встречи горожан. Сюда приходили семьями задолго до начала матча, после его окончания нескоро расходились. Футбол мирил разные по образу жизни группы молодежи, включая полуприблатненных, объединяя различные социальные и профессиональные слои горожан. Став эпицентром городского досугового быта, он выходил далеко за рамки чисто спортивного события. Стадион стал своеобразным общегородским клубом, где создавалась и царила атмосфера не однобокого, нетерпимого фанатства, а дружелюбия, товарищества, единения щедро открытых навстречу друг другу душ, облагороженных радостью от зрелища захватывающей, высококлассной и честной спортивной борьбы и окрыленных изумлением от роста силы и мастерства совсем еще безусых юнцов, представляющих только что входящее в жизнь новое поколение шадринцев. Происходящее на стадионе фокусировало умонастроения людей, победивших в войне благодаря единению, сопричастности, из самого сердца идущему "чувству локтя". Концентрировало оптимизм, уверенность в завтрашнем дне, достижимость счастья, т.е. те душевные переживания, которые были рождены успехами в налаживании мирной жизни и, говоря шире, тем, что принес с собою социализм. В

советское время, несмотря на "странные" происки врагов, вызывающие ответные карающие шаги властей, люди обретали чувство личного достоинства, не зависимого от происхождения и размера кошелька, основанного на всеобщем уважении к человеку труда, его умелости и образованности. Угрюмых, обездоленных, цепенеющих от постоянного страха людей не тянуло бы к общению, к многолюдности, наслаждению от спортивного зрелища. Особенно яркими свидетельствами светлого мировосприятия, умиротворенного душевного состояния были настоящие праздничные часы, когда на стадионе проходили состязания по летним видам спорта сборных команд двух постоянно и во всем соперничающих городов —Шадринска и Кургана, незадолго до этого ставшего областным центром. На них стекалось все население города, нарядное, улыбчивое, открытое к добру. Как правило, соревнования открывались футбольным матчем юношеских команд — нашей и курганской. Все загадывали: кто победит у юношей, тот одержит победу и по итогам всех спортивных поединков. До сих пор горд тем, что чаще одерживали верх мы, к великой радости земляков.

К сожалению, вскоре для меня возникла реальная перспектива выпасть из этого максимально насыщенного, полнокровного, яркого бытия, проживаемого бок о бок, душа в душу с моими замечательными друзьями-сверстниками. После очередного увольнения мамы с педагогической работы пришлось начинать трудовую жизнь мне. Старшие хотели, чтобы я пошел в ремесленное училище, там было обмундирование, бесплатное питание и быстрое получение рабочей специальности. К этому времени (окончание 8-ми классов) у меня уже совершенно определенно сложились гуманитарные, прежде всего литературоведческие интересы. Поэтому я настоял на том, чтобы идти на производство и продолжать получение среднего образования в школе рабочей молодежи. Устроиться на работу пятнадцатилетнему подростку было непросто. В очередной раз я ощутил сочувственное отношение шадринцев. Мы с отчимом обратились к начальнику инструментального цеха Шадринского завода "Полиграфмаш" Максимову. Он выслушал, по-видимому, проник-

ся положением семьн н спросил только у меня, какой профессней я хотел бы овладеть, слесаря, токаря, фрезеровщнка. Мие, гуманитарию по иатуре, вынужденному идти на завод по необходимости было все равно. Я растерялся н сказал наугад — токарем. Так я стал сиачала учеником, а через пару месяцев токарем-инструмеитальщиком. Моим иаставником был Бодунов, рабочий сравнительно молодых лет, не очень разговорчивый, сдержанный в чувствах, но толково обучавший меня азам профессии.

С сентября забот прнбавилось. Я начал учнться в девятом классе вечерией школы рабочей молодежи. В то время рабочне смены у подростков были, как и у взрослых, по восемь часов. Цех работал в три смены. В связн с учебой мой график складывался так. Одну неделю я работал с 8 утра до 5 вечера, потом спешил в школу, где занимался с 6 до 11 часов. Следующую неделю, после занятий в школе с 12 иочи выходил на работу до 8 утра, потом несколько часов спал и опять в школу. Было очень тяжело. На подготовку уроков времени не хватало. Я постоянно иедосыпал. Когда работал в деиь, приходил домой обедать. Завод был близко. Быстро ел уже стоящую иа столе еду и в промасленной рабочей одежде ложился на пол иа постланные газеты, чтоб минут 20-25 соснуть. Литературный клуб остался для мёня только в воспоминаниях. С друзьями виделся нечасто, хотя очень тянуло к ним. Иногда удавалось побывать иа школьных вечерах. Но спортивную форму старался поддерживать. Знмой, когда работал в день, после школы ночью заставлял себя ходить на лыжах по освещеиным улицам города. В канавах между проезжей частью н тротуаром снег в Шадринске не убирался. Летом, после окончания учебного года, было проще. Я продолжал тренироваться н играть за родную ДСШа еще два года, хотя на заводе меня усиленно уговаривали выступать за местную команду "Машиностроитель". И был счастлив оставаться в гуще досуговой, открытой к душевному общению жизни шадринцев, ощущать иеподдельиое уважение и доброе отношение людей. Во внерабочее время обязательно бывал в прежней компании моих закадычных друзей, сложившейся с первых школьных лет.

Подобных тесных человеческих отношений в новых коллективах — на заводе и в вечерней школе — у меня не сложилось. Хотя никакой даже тени дискриминации не было, наоборот, неизменно ко мне относились по-доброму. Ломоносов, секретарь заводского комитета ВЛКСМ, был очень настойчивый человек. Он умудрялся даже меня, сверхзанятого в связи с учебой, привлекать к комсомольской работе. Хорошо помню в дни зимних каникул лыжные походы по подшефным деревням с выступлениями, с лекциями и беседами.

К моменту окончания школы маме удалось снова вернуться к педагогической работе. Моя сводная сестра — Людмила — закончила пединститут и вышла замуж. Жизнь вроде бы снова поворачивалась к нам своей благосклонной стороной. Встал вопрос о возможности учебы в вузе. В семье все оценили правильность моего решения —предпочесть два года назад работу и получение среднего образования учебе в ремесленном училище. Правда, было одно "но", которое явственно сказалось через несколько лет. Физические и умственные перегрузки, работа в ночные часы, постоянное недосыпание легли тяжелым дополнительным грузом на мою тревожную, предрасположенную к комплексам психику. В дальнейшем это привело к появлению время от времени невротических расстройств и к устойчивому и многообразному нарушению сна, которое характеризует мою жизнь уже около 40 лет, снижает ее полноценность, работоспособность, требует мучительного постоянного преодоления этого недуга.

А тогда, в 1950 году, нужно было выбрать вуз. Мне очень хотелось поехать в родной Ленинград, поступить в университет. Но мама с отчимом считали, что единственно возможный вариант — Уральский государственный университет. Близко от Шадринска, небольшие расходы на дорогу, можно бывать дома, подвозить продукты. С Ленинградом возможны сложности с компетентными органами. Так и порешили. Заканчивался шадринский период моей жизни. Он высветил два нестыкующихся потока моей жизни. Один обуславливался официозным отвержением и ущемлением, делающим меня изгоем. Второй основывался на чистосер-

дечном отиошении людей самых разных, ио лишенных изв-ие внушеиной пристрастности, оцеиивавших меня по реальным деловым и человеческим качествам. Наличие этого, гораздо более мощиого, течения ие только позволяло держаться иа плаву, ио и будило иадежды, помогало радоваться жизни, давало силы плыть в будущее. Шадринск породил во мне веру в иеизбывность и победоносиость глубокой порядочности, душевной щедрости основной массы советских людей, в их иеподвластиость примитивиому своекорыстию и заурядному шкурничеству. И в дальиейшем я ощущал двойственное отношение к себе: подозрительиоиастороженное и чистосердечное с постепенным и все большим ослаблеиием первого.

Сложности возиикли с моим поступлеиием в Уральский университет, хотя их не должно было бы быть. Я закончил школу рабочей молодежи с серебряной медалью. Докумеиты отвозила уже упомииавшаяся мною Христина Матвеевиа Симакова. Ее сын, Женя Елизаров, и еще одии иаш общий друг — Юра Мокеев (мы позиакомились еще до школы и все эти годы были вместе) тоже решили поступать в университет в Свердловске иа историко-филологический факультет. Только оии иа отделение журналистики, а я на филологическое. Для ребят без проблем выдали вызовы иа вступительные экзамены, а со мной стали тянуть иепонятную волынку: то докумеитов техиический работник ие может иайти, то вдруг онн оказываются в приемной комиссии исторического отделення, то еще что-то. Христина Матвеевиа была в Свердловске в служебной командировке, и ей иесколько раз пришлось обращаться в приемную комиссию Уральского университета. Только благодаря ее решительиости и иастойчивости удалось преодолеть все искусствеииые препоны и получить документ о моем зачислении в Уральский государствеииый университет.

В университете подозрительиое и недоброжелательиое отиошеиие ко мне проявлялось в сфере общественной жизни, со стороны партийно-комсомольских функционеров и только в первые годы учебы. В начале первого курса при выборах курсового комсомольского бюро кто-то предложил и мою фамилию. Собрание вели иесколько пятикурсииков и

умело и ненавязчиво провели мысль о том, что мы, первокурсники, еще не знаем друг друга, онн по личным делам познакомились с нашими биографиями, деловыми достижениями каждого — и предложили свой состав бюро. Меня в нем не было. Предложение было убедительно, н его единогласно приняли.

Иначе события развернулись через год при выборах факультетского бюро ВЛКСМ. Теперь все мы уже хорошо знали друг друга и в определенной степени старшекурсников. Я снова был выдвинут ребятамн. По заведенной процедуре начали по каждой кандидатуре принимать решение, включать ли в список для тайного голосования. Председатель собрания, а им был Юра Мокеев, произнес среди других мою фамилию. "Оставить", — хором ответило собрание. Но тут поднялся представитель партийной организации, студент-историк, постарше нас возрастом (не хочу называть его фамилию, много позднее он переменил ко мне свое отношение) и жестко, со страстью, обличающе произнес: "А вы спросите у него, кто его отец?" В просторном помещении читального зала, где проходило факультетское собрание, воцарилась напряженная тишина. Не знаю, как мне удалось взять себя в руки и довольно спокойно, лаконично, четко, не называя, разумеется, отца "врагом народа", сказать, что он был в декабре 1934 года обвинен в соучастии в убийстве Кирова и расстрелян. Эффект нашего противостояния для партийца, да и для меня оказался неожиданным. Лес рук поднялся за включение меня в список. Но на этом противоборство комсомольской массы и президиума по моему поводу не закончилось. Когда завершилось обсуждение списка для тайного голосования н Юра Мокеев его зачитал, меня там не оказалось. Давление партфункционера, по-видимому, оказалось таким категоричным, что мой шадринский земляк н друг пошел на откровенный подлог. Было очень обидно, и я решил промолчать. Но в это время сразу раздалось несколько голосов: "А почему нет Панпурина?". Пришлось и мою фамилию включать в бюллетень для тайного голосования, и я был избран в факультетское бюро. Шел 1951 год. Наше собрание было зримым свидетельством того, как по-разному относились к клейму "сын

врага народа" официальные лица, властные приспешники, для собственного преуспевания использовавшие советскую систему, и рядовые граждане, непосредственно знакомые со мной. Кроме того, оно показало, как наши люди не любят, чтобы им навязывали, да еще в категоричной форме, официальные оценки, расходящиеся с их собственным опытом. Я на всю жизнь запомнил все перипетии этого собрания, что вполне естественно. Оно сфокусировало в себе те два, леденящий и отогревающий, потока в моей жизни, о которых я писал выше и которые постоянно омывали меня. Но недавно я убедился, что то комсомольское собрание не только волнующий эпизод моей личной биографии.

В июне 1995 года мы, выпускники филологического отделения 1955 года, встретились, чтобы отметить 40 лет со дня окончания университета. Во время застолья были рассказы о прожитой жизни, о детях и внуках и бесконечные воспоминания о студенческой юности. Кто-то заговорил и о комсомольском факультетском собрании 1951 года. К моему изумлению, оказалось, что о нем, о произошедшем противостоянии в связи с попыткой моей дискриминации и состоявшейся победы помнят все мои сокурсники. Этот факт очень согрел душу и показал, что памятное для всех собрание, пожалуй, можно считать характерным штрихом мировосприятия поколения.

В университете я продолжал заниматься спортом. Только здесь футбол ушел из моей спортивной жизни. В студенческом спорте он не развит — летом все разъезжаются. Для меня на первое место вышла легкая атлетика. Занимался также лыжами, баскетболом. В связи с этим, естественно, что и в комсомольском бюро факультета мне было поручена организация спортивно-массовой работы. Через год, когда я уже был третьекурсником, перед университетской отчетно-выборной комсомольской конференцией состоялся у меня разговор с Володей Тихоновым, будущим академиком ВАСХНИЛ и председателем Союза кооператоров. Он учился параллельно со мной на историческом отделении, был членом партии, очень активным, деятельным общественником. Он спросил, не соглашусь ли я избираться в комитет комсомола тоже на спортивный сектор. Я

сразу напомнил ему об официальном представлении о моем отце. Тихонов убеждал, что это не может быть препятствием, и был очень настойчив. На конференции мы были избраны в комитет. Володя стал его секретарем. Позднее я узнал, что ему пришлось выдержать нелегкую борьбу в парткоме и ректорате университета, отстаивая мою кандидатуру. Состав комитета оказался очень дружным, работоспособным. Нам удалось организовать немало добрых дел, обогащающих студенческую жизнь. Это было несложно. Студенты нашего поколения легко шли на то, чтобы тратить себя, свою энергию, свое время для изобретательной подготовки и оригинального проведения многочисленных массовых акций, культурных, спортивных, досуговых. Не только в учебе, но и в совместной активной работе в интересах всех происходило личностное саморазвитие и самоутверждение молодых людей. В университете процветала многожанровая художественная самодеятельность, включая прославленный хоровой коллектив, через несколько лет ставший лауреатом Венского фестиваля молодежи и студентов, знаменитую эстрадно-сатирическую "Живую газету", талантливыми участниками которой были ставшие впоследствии известными кинорежиссерами Валерий Усков и Владимир Краснопольский. Кроме многотиражки, выходило много стенных газет, содержательных, ярких, остроумных, задиристых. На всех факультетах успешно работали научные студенческие общества, проводились конференции, диспуты, обсуждения. Многие студенты участвовали в лекционно-пропагандистской работе и в городе, и в области. Спортивный клуб объединял большое число секций, включая такие экзотические для того времени, как альпинистскую, фехтовальную. Часто проводимые спортивные соревнования привлекали в качестве участников и болельщиков чуть ли не весь коллектив университета. Вечера отдыха, обязательно с изюминками, с сюрпризами, проводились каждую субботу. Жизнь в университетские годы была сверхнасыщенной, кипучей, оставила, несмотря на отдельные напоминания о моем "недостойном" происхождении, ощущение окрыляющего единения, товарищеской сопричастности, студенческого братства. Мне кажется, практически все мы, студенты разных

факультетов, занимавшиеся в трех учебных корпусах, хорошо знали друг друга.

Очень дружным был наш курсовой коллектив. Все пять лет господствовала атмосфера доброжелательства, уважительности, соучастия. Мы стали друг для друга очень близкими людьми. Не было ни одного случая недоброго отношения ко мне. На курсе я встретил замечательную девушку, красивую и очень серьезную, глубокую, душевную — Валю Талалаеву. Мы вместе работали в комитете ВЛКСМ университета. Помню, как нас поражало, что в различных ситуациях, по разным поводам нам одновременно приходили один и те же мысли, оценки, чувства. Мы полюбили друг друга. Валю нисколько не смущали извивы моей биографии, она согласилась стать моей женой. Не передать словами, какую удивительно теплую комсомольскую свадьбу, сверкающую выдумками, остроумными находками, неожиданностями сотворили для нас однокурсники с привлечением моих земляков-шадринцев, учившихся в разных вузах Свердловска. Мы и сейчас, по прошествии 42 лет, с Валей вместе и не мыслим жизни друг без друга.

Последнее, на что мне хочется обратить внимание, рассматривая студенческие годы в аспекте моей казенной клейменности, так это отношение ко мне университетских преподавателей. За пять лет учебы на лекциях и семинарских занятиях, на экзаменах и при защите курсовых и дипломной работ я представал перед глазами не одного десятка из них. В таких условиях не составляло труда любому преподавателю выразить негативное отношение к сыну "врага народа", хотя бы снижением оценки на один балл. За пять лет учебы я только дважды не получил отличной оценки.

Коллектив университетских преподавателей не выстраивал свою педагогическую деятельность с оглядкой на официозные ярлыки, был внутренне свободен, самостоятелен и справедлив в своих учительских действиях и поступках. Некоторые из моих наставников и до сих пор трудятся в Уральском университете: Лев Наумович Коган, Иван Никанорович Чемпалов, Елена Антоновна Шпаковская, Вера Петровна Кругляшова. Низкий, признательный поклон им. Так мой по преимуществу положительный, благодатный

шадринский жизненный опыт был помножен на не менее позитивный и обнадеживающий студенческий, университетский.

Начался новый этап моей жизни. Мы с Валей по распределению были направлены в г. Серов на севере Свердловской области для работы в школах города. Обстоятельства сложились так, что через две недели после начала учебного года мне пришлось стать завучем средней школы. Вообще серовское бытие складывалось так же, как в университете. В профессиональном плане оно было очень успешным. Через три года я стал директором школы рабочей молодежи, потом был назначен директором средней школы N 20, самой большой в городе. Находил общий язык с учителями, с учащимися. Удавалось организовать не только эффективный учебный процесс, но и многообразную внеклассную, кружковую, художественно-самодеятельную, спортивную работу, очень увлекавшую ребят, летние трудовые лагеря во время каникул. Дважды выступал с докладами на Всесоюзных педагогических чтениях. В течение нескольких первых лет серовской жизни тренировал легкоатлетическую команду общества "Локомотив" и сам продолжал участвовать в соревнованиях. Очень много выступал по линии общества "Знание" с лекциями на предприятиях города и в районе. Активно сотрудничал с газетой "Серовский рабочий".

Сложности и даже случаи откровенной дискриминации начинались, когда дело касалось сферы сугубо политической. Через год после начала моей работы в Серове меня пригласил на беседу первый секретарь горкома партии Григорий Филиппович Важенин. Он предложил мне перейти на работу в горком комсомола. Номенклатурная карьера меня не прельщала и потом, следуя моей установке всегда сразу ставить все точки над и, я спросил у собеседника, знает ли он особенности судьбы моей семьи, и рассказал об отце. По тому, как он смешался, было ясно, что он не был в курсе дела. Будучи человеком сугубо номенклатурного склада, Важенин быстренько свернул разговор и не только никогда к нему не возвращался, но и тормозил принятие меня в партию, хотя все это происходило, когда уже состо-

ялся XX съезд КПСС и Н. С. Хрущев произнес свой доклад на закрытом заседании, в котором большое место было уделено пересмотру до сих пор существовавших официальных версий Кировского дела.

А стать членом КПСС я хотел. И, конечно, не из карьеристских соображений. Университет помог мне стать убежденным марксистом. Я глубоко осознал, что как объективно и неизбежно ни противоречив и труден исторический путь человечества, он приведет его к общественному устройству, когда становление и самоосуществление каждой человеческой индивидуальности не будет зависеть от сословной принадлежности или кошелька родителей. И стремился быть среди единомышленников, готовых трудиться не покладая рук для осуществления этой самой гуманистичнейшей идеи, отвечающей внутренней сути коммунитарности, этого определяющего качества человеческой природы. Кроме того, я ощущал себя идейным наследником и продолжателем жизненного дела отца и матери. И мне хватало здравомыслия не смешивать, не отождествлять цель с неудачным, бездарным, искажающим, дискредитирующим исполнением, являющимся результатом сложного переплетения объективных и, что особенно прискорбно, субъективных причин.

В практическую плоскость мое желание перешло после того, как у нас с Валей в Серове побывал в гостях Володя Тихонов. Он ездил по области, изучал организацию сельскохозяйственного производства. Володя настоятельно советовал не откладывать вступление в партию и тут же написал мне первую рекомендацию. Вторая была комсомольской, третью дал один из коммунистов нашей школьной первички. Но собрания с вопросом о моем приеме не состоялось. В горкоме партии посоветовали пока воздержаться от его рассмотрения. Позднее мне стало достоверно известно от нескольких лиц, что у Важенина состоялся по поводу меня разговор с А. П. Кириленко, который был в то время первым секретарем Свердловского обкома КПСС. Кириленко произнес очень красноречивую фразу, точно характеризующую всевластие и бездушно-формальный стиль действий обюрократившегося партчиновничества, при котором

не различалась и не принималась во внимание живая, конкретная личность: "А что у вас там, в Серове, принимать больше некого?". Проблема надолго была закрыта.

Я неоднократно обращался в Центральную контрольную комиссию КПСС, в Высшую коллегию Верховного суда СССР, в Генеральную прокуратуру с просьбами о реабилитации отца в судебном и партийном порядке. Ответов или не получал, или мне сообщали, что дела осужденных в связи с убийством тов. Кирова находятся в стадии дополнительного расследования. Так продолжалось до 30 ноября 1990 года. В этот день, наконец-то, Пленум Верховного суда СССР реабилитировал Котельнова Ивана Ивановича. А 27 марта 1991 года решением Президиума ЦИК Компартии РСФСР отец был реабилитирован и в партийном порядке. Но принят в партию я был значительно раньше, хотя и лет через 7-8 после первого обращения. И опять вопрос решался не столько в зависимости от моих деловых и человеческих качеств, сколько от воли случая и личного мнения главного коммуниста в Свердловской области. Теперь первым секретарем обкома был Константин Кузьмич Николаев, по оценкам многих, не отличавшийся столь начальственной отстраненностью от судеб реальных людей, как его предшественник. Рядовые коммунисты — мои коллеги, знакомые, соседи — да и работники городских партийных и советских органов Серова недоумевали и считали несправедливым консервацию по указанию из области вопроса о моем приеме в партию. Поэтому, когда Николаев приехал в Серов, один из них, мой сосед по квартире, учитель математики, человек по возрасту намного старше меня, Иван Иванович Поносов по собственной инициативе, не ставя меня в известность, обратился к первому секретарю обкома с рассказом о моей истории. Когда-то в прошлом они с Николаевым вместе работали в Красноуфимском районе нашей области и хорошо знали друг друга. "Ты можешь за него поручиться?" — спросил Николаев. — "Как за себя," — кратко ответил Поносов. И тут же на собрании городского актива, инструктору горкома было высказано полярно противоположное мнение по сравнению с кириленковским — надо проводить обычную процедуру рассмотрения заяв-

ления о приеме в партию. Поскольку в школьиом коллектнве и в городе я пользовался уважением, прием иа уровне всех инстанций прошел быстро и при самом благожелательном отношении всех участников. В январе 1966 года, 30 лет иазад, я стал члеиом КПСС. Все перипетии этого сюжета демоистрируют во-первых, как не хватало иадежного демократизма во внутрнпартнйной жизни н, во-вторых, еще раз показывает, сколь не совпадали, были противоположны отношения к сыну "врага иарода" представителей властвующих верхов и подавляющего большинства людей, с которымн сводила меня профессноиальная деятельиость н жизненная судьба. Способность последних преодолевать возможное предубеждение, навеянное офнциальной точкой зрения, и относиться ко мне адекватно моим личным качествам согревала меня н была определяющей в собствеином самочувствии и в серовский пернод моей жизни.

Я всегда мечтал заниматься научно-нсследовательской работой. Как это и ни было трудно, работая в Серове директором школ, постепеино сдал кандидатские экзамеиы по специальности "русская литература". Но в Уральском университете в то время ие было аспирантуры по этой специальностн. Я сдал еще один кандидатский экзамен — по эстетике, тем более, что меня со студенческих лет привлекал теоретический подход к рассмотрению литературоведческих проблем, и с октября 1967 года был принят в аспирантуру по кафедре эстетики Уральского университета. Рискнул в 34 года, имея троих детей, круто измеиить свою судьбу, устоявшийся образ жизни в Серове. Позднее мие стало известно, что были противники зачисления меня в аспирантуру. И опять же по прнчиие моей клейменностн. В положительном разрешении проблемы большую роль, повидимому, сыграл заведующий кафедрой эстетикн Аркадий Федорович Еремеев. Ои меня хорошо знал еще со студенческих лет. Одно время мы даже жилн в одной комиате общежития. После окончання уннверснтета Еремеев тоже работал иесколько лет в Серове в редакцин городской газеты. Он-то н пригласил меня в аспирантуру. Так начался иовый, сиова университетский этап в моей жизни, продолжающийся по сей день. За весь этот 29-летний срок я

больше ни разу не сталкивался в университете с фактами дискриминации или недоброжелательства по политическим, вздорным в своей сути мотивам. Правду сказать, и время менялось, и официозные оценки становились другими. Появлялись люди, желающие выгодно использовать, учитывая новую конъюнктуру, те несправедливости, которые в трагически-противоречивое, лихое время творили. Но здесь было иное. Все определял университетский дух, подлинно интеллигентный, глубоко порядочный, сопротивляющийся недостойным флюгерским поветриям. Он оказался тем психологическом микроклиматом, который окружал меня в 70-80 гг. Коллектив Уральского университета стал для меня понастоящему родным, желанным. Я очень дорожу добрым отиошением ко мне коллег. В высшей степени признателен за дружеское расположение преподавателей и сотрудников взрастившей меня кафедры.

Итак, мой многолетний жизненный опыт — веское, неоспоримое доказательство того, что казенные ярлыки бесславно опадали, переставали действовать, определять поведение, когда приходили в противоречие с собственными наблюдениями большинства советских людей, не разучившихся отличать оклеветанного от действительного недруга и злоумышленника. Об этом сегодня предпочитают умалчивать многие историки, публицисты, политики. Между тем, нельзя отождествлять донельзя заформализованную, догматизированную, официально преподносимую идеологию и реальное сознание и умонастроение широких слоев подлинных созидателей новой социалистической жизни.

Часть вторая.
Идеологический пролог переворота

Оглядываясь иа советское прошлое, необходимо отдавать ясный отчет в том, что требующая огромных усилий и соответствующих матернальных предпосылок идея достижения социального равенства н справедливости отливалась в две нестыкующиеся, противоречащие друг другу формы. В творческий, увлеченный труд честных н благородных людей, избавившихся от стяжательского ннстинкта, увлеченных этой идей, помогавшей нм полностью раскрыться. И в малоэффективную, во многом забюрократизнрованную деятельиость партгосчинуш, стремящихся блюсти прежде всего свой корыстный интерес, прикрывая его велеречивыми разговорами о коммуннзме, паразитируя на вере в него н бескорыстных иадеждах людей, на деле преступно нскажая его суть и тем самым умножая ряды потерявших себя, разуверивших ся во всем обывателей, иждивеицев и лодырей. По такой же стимулированной индивидуалнстическими амбициями и властолюбием логике злоиамеренного обмана н беззастенчивой спекуляцин на чнстой вере в идеалы коммунизма свершалнсь от их имеии иеобоснованные политические репрессии, уносившие жизни, калечившие судьбы н отравлявшие ложью души не знавших истины людей. Начавшееся после XX съезда КПСС очищенне было непоследовательным, медленным и малоэффективным. Необходимость демократизации всех противоречиво сложившихся в советском обществе сфер н форм жизнн становилась все более насущной, настоятельной задачей. Но случилось иное, совершенно неожиданное. Постепенно, крадучись, нсподволь, игнорируя и опошляя огромные и прежде всего духовные и социальиые завоевания советских лет, верх начало брать движение вспять, отказ от задачи достижеиия благосостояния, матернального н культурного, для всех члёнов совет-

ского общества, оживление и целенаправленное культивирование частнособственнического инстинкта. Совесть, убеждения не позволяли с этим мириться. Что я мог сделать реального и существенного? Только писать, протестуя, доказывая, обосновывая гибельность и историческую преступность совершаемого перестройщиками и псевдореформаторами. Но, несмотря на оглушительно провозглашаемый плюрализм и якобы завоеванную свободу слова, независимые печатные органы отказывались меня печатать. И не только меня. Создавалось впечатление почти всеобщей, единодушной интеллектуальной и моральной поддержки курса на изменение общественно-политического строя страны.

Развеять обман умолчания, подвергнуть сомнению осуществленность лозунга свободы слова, гласности и плюрализма мнений — одна из целей помещения в этой книге некоторых не опубликованных ранее моих статей. Кроме того, можно предположить, что они представляют интерес как своеобразная летопись, запечатлевшая динамику умонастроений немалого числа советских людей от первоначального наивного убеждения в том, что раздающиеся призывы к отказу от социалистических принципов жизни не более чем стихийное наваждение, которое не может не развеяться при вдумчивом, объективном анализе, до постепенно все нарастающей тревоги за происходящее в Отечестве, переросшей в сознание трагизма случившегося. Представляется, что содержащиеся в них общегуманитарные оценки и анализ с этих же позиций причин случившегося попятного, разрушительного горереформаторского действа сохраняют свою значимость и в сегодняшней общественно-политической и социально-психологической ситуации. Знаменательно, поучительно и горько, что многие из высказанных в прежние годы тревожных ожиданий оказались мрачной реальностью.

I. Может ли червонец заместить совесть? (Раздумья наивного человека)

Эта статья, выражающая всю степень моего неприятия происходящего в годы так называе-

мой "перестройки", была написана в начале 1990 года и была предложена журналу "Урал". Редакция не приняла ее к публикации. Фактическая сторона статьи во многом устарела, да и оценки выглядят еще более наивными. И в заголовке по сегодняшним меркам надо бы поставить вместо червонца миллион. Но во имя выше обозначенных целей она печатается без изменений. Включено только несколько небольших комментариев.

1. Вопросы, вопросы, вопросы...

Начавшаяся с апреля 1985 года практическая перестройка нашего общества не имела и не имеет до конца продуманной и общепринятой теоретической основы. Концепция общественного устройства, способного разрешить все наши беды и проблемы, рождается на ходу. Поэтому для идейной атмосферы сегодняшних дней характерны интенсивное теоретическое брожение, взрывная круговерть в области социальной мысли, активная законотворческая деятельность. Происходит переоценка ценностей, возникают взаимоисключающие концепции. Народные депутаты СССР наталкиваются на неопределенность ряда социально-экономических понятий. Многие трактовки вызывают порой недоумение, растерянность и даже оторопь и, казалось бы, детские, наивные вопросы. Их много. Вот некоторые из них.

Уже десятки раз встречались в публицистической, да и в научной литературе восторженные описания того, как то или иное убыточное предприятие, взятое в аренду его коллективом, образовавшим кооператив, при той же технике, с тем же директором во главе, ставшим председателем кооператива, сразу становится высокоприбыльным, приносящим большой доход. У меня эти факты вызывают не восторг, а горечь и недоумение: почему эти люди, специалисты своего дела, не трудились до аренды в полную силу, по способностям, как повелевает профессиональная честь, достоинство мастера и долг советского гражданина? И почему на государственном предприятии плата за равный труд не может быть такой же, как в кооперативе?

Многие авторы связывают будущее сельскохозяйственного производства с семейным крестьянским хозяйством, с воодушевлением пишут об очень заинтересованном и поэтому более эффективном, чем в колхозах и совхозах, труде пионеров крестьянского фермерства. С уважением относясь к этим настоящим труженикам, все же нельзя не обратить внимания на то, что хорошие экономические результаты достигаются здесь за счет совместного семейного труда от зари до зари. А когда читать, играть с детьми, общаться с друзьями? Этот же вопрос можно адресовать людям, трудящимся в кооперативах после основной работы. Таких немало. Профессор С. Федоров, например, с одобрением говорил о своих молодых коллегах по объединению "Микрохирургия глаза", которые организовали кооператив и работают в нем в вечернее время. А В. В. Григорьев, председатель Свердловского областного кооперативного производственного объединения, поставил в газете вопрос о том, что человек, работающий на госпредприятии и в кооперативе, впоследствии должен иметь двойную пенсию, получая тем самым общественное одобрение своей ежедневной двухсменной работе. Между тем такой авральный труд является оправданным только в чрезвычайных обстоятельствах и не может продолжаться постоянно. Он несет вред здоровью, человек поневоле на одной из работ начинает трудиться не в полную силу, а то и с ошибками, серьезными упущениями. Не трудно догадаться, что это происходит с основной работой, где зарплата значительно ниже, чем в кооперативах. Но, может быть, самое печальное заключается в том, что человек лишает себя свободного времени — подлинного богатства, которое в состоянии обеспечить возможность расти не только профессионально, но и человечески, многогранно. Спрашивается, зачем упорно боролись многие поколения трудящихся за сокращение рабочего дня?

Самыми ругательными словами в устах многих публицистов и политиков стали "государство", "огосударствление". В них вкладывается только отрицательный социальный смысл. Так, может, его отменить? На это не отваживаются самые отчаянные ниспровергатели. И верно, разве не является в принципе государство замечательным изобре-

тением человеческой цивилизации, эффективной формой концентрации общественных устремлений? Не правильнее ли и перспективнее для практики обновления социализма различать бюрократические извращения, порождающие отчуждение, и подлинную суть социалистического государства, способного выражать и осуществлять интересы и волю трудящихся?

Еще один вопрос — проблема экономической самостоятельности регионов. На первый взгляд, она привлекательна демократизмом хозяйствования, возможностью лучше, с большим знанием дела решать все местные экономические проблемы, чем это делалось из центра. Еще одно преимущество. Я свердловчанин. Как и все мои земляки, считаю несправедливым, что наша индустриальная Свердловская область не занимает подобающего ей места в ресурсном балансе страны. Величину вклада области в промышленный потенциал государства мало с каким регионом можно сравнить. Но в то же время область не обеспечивает себя из-за природных условий сельскохозяйственной продукцией, отправляя львиную долю производимых товаров народного потребления за свои пределы, не получает по государственным поставкам потребительской продукции в количестве, адекватном своему трудовому вкладу. Да и запланированные фонды зачастую поступают не полностью. Есть надежда, что в условиях хозяйственной самостоятельности такое положение будет исправлено. Но совесть сразу подсказывает вопрос: мы можем решить свои беды, потому что наша область богата. А как быть, например, кировчанам? Ни большой промышленности, ни продуктивного сельского хозяйства на бедных землях. Не спасет же дымковская игрушка. Вот и задумайся, несет ли прямолинейный региональный хозрасчет высшую справедливость? Не нужно ли сохранение центра, осуществляющего с учетом трудового участия и всего спектра особенностей всех регионов социально справедливое перераспределение благ? Непременно при условии демократичного, гласного, контролируемого представительными органами характера его работы. И еще. Дисциплина государственных и договорных поставок и сейчас низка. Не приведет ли экономическая самостоятель-

ность регионов при наших дефицитах к жесткому местничеству и распаду хозяйственных связей?

Сегодня все сходятся на том, что у многих советских людей отсутствует чувство хозяина собственного достояния, оно воспринимается в лучшем случае как ничье. И это на самом деле так. Вопрос вопросов: как возродить хозяйское отношение? Для этого предлагают денационализировать общенародную собственность и на этой базе создать кооперативные, акционерные, семейные, индивидуальные предприятия и хозяйства и ввести свободные рыночные отношения. Став собственником и участвуя в рыночной конкуренции, человек, считают сторонники этого крутого поворота, обретет чувство хозяина, подлинную свободу, наконец-то сможет проявить предприимчивость, творческое отношение к делу. Только экономическая самостоятельность личности может быть основой демократии. И названные меры смогут быстро наполнить магазины продовольствием и товарами.

Вот только с этим последним можно согласиться. Предлагаемое действительно способно в короткий срок увеличить товарную массу.

> **Вот уж действительно настоящая наивность. Наши либеральные реформаторщики не смогли осуществить даже этого. Возрожденный частник ушел в торгово-спекулятивный бизнес. Спад промышленного производства достиг 50-60%. На прилавках товары есть, во-первых, потому что их может купить только незначительная часть населения, во-вторых, потому что они в большой мере импортного происхождения.**

Обещание скорого потребительского эффекта делает эти предложения очень привлекательными, активно формирует ряды сторонников. И людей можно понять. Устав от дефицита и бесконечных очередей, они не хотят задумываться о дальних последствиях предлагаемого шага. Но не задумываться нельзя, он слишком кардинален и сулит не один быстрый житейский выигрыш.

Сначала о рынке как регуляторе затрат общественного труда. Трудно поиять, как может быть стихийное предпочтнтельнее сознательному, тем более сегодня, когда оно вооружено новейшей вычнслительной техникой. Игра рыночной коньюнктуры, разумеется, ведет к определению общественно необходимых затрат, цен на товары, покупательского спроса. Она выявляет предприятия, в которые стонт опережающим образом вкладывать средства. Но все это через кризисы перепроизводства, безжалостную конкуренцию, разорение, т. е. спонтанно, фиксируя экономический итог уже произведенных собственником с риском, путем проб н ошибок затрат живого н овеществленного труда. Неужели только биржевой спекулянт может "предупреждать о возникновении дисбалансов в экономике", "указывать путн капиталовложенний для предпрнннмателей"? И поэтому "легализовать спекуляцию, признать закономерность спекулятивных доходов — значнт признать, что с экономическими диспропорциямн можно бороться только экономнческнмн, а не административными методами[1]." Что же — спекуляция точней н предпочтнтельней, чем научное прогнозирование? Не говоря уже о нравственной стороне дела. Разве отрицание некомпетентного администрнрования должно прнводить к полному отказу от сознательной волн н беспрекословному подчинению слепым действиям экономнческих законов рыночного толка? Разве оии единственно возможные в экономике? Неужели освобожденный от всяких преходящих обстоятельств, обогащенный знанием действия объектнвных принципов производства, обмена н потребления человеческий разум не способен организовать планомерную, эффективную работу экономики, освободив ее от расточительностн н построенной на эгоистической выгоде конъюнктурности рыночного регулирования? Высокопрофессиональная плановость н разумный, не тотальный централизм управления экономикой способны обеспечить гибкую маневренность ресурсамн, быстрое сосредоточение их для решения важнейших стратегнческих проектов. Именно этн организационные основы нашей экономики решающим образом сказались на высоких темпах индустриализации страны, на перестройке за считанные месяцы экономики на воен-

ный лад в 1941-42 гг., на создании в короткие сроки ядерного оружия и достижение военного паритета с США и блоком НАТО, на успехах советской космической программы.

Далее, давайте назовем вещи своими именами. Отказ от общенародной собственности, переход средств производства в руки коллективных или индивидуальных владельцев есть возврат к частной собственности, ибо для группы собственников или индивидуального собственника исходным мотивом и определяющей целью производства становится личное обогащение. Следует сказать, что одни, предлагая указанную реформу, стыдливо не употребляют понятия "частная собственность". Другие говорят: "Не надо бояться термина. Только наша идеологическая зашоренность мешает нам его принять." Но дело не в боязни термина, а как раз в неприятии той системы экономических и социальных отношений, которые за ним стоят. Умеренные реформаторы делают акцент сегодня на арендных, государственно-кооперативных, смешанных формах собственности, но это дело времени. Законы рыночных отношений и логика саморазвития частной собственности приведут к ее безграничному распространению. Уже сейчас съезд арендаторов заявляет, что их конечная цель — выкуп предприятий у государства. В Закон о земле предлагается внести положение, разрешающее ее куплю-продажу.

Порождает ли частная собственность чувство хозяина? Несомненно, но своей фермы, своей доли в коллективном предприятии, своей лавочки. Это устраняет отчуждение человека от условий своего труда и произведенного продукта. Они принадлежат товаропроизводителю и обеспечивают его материальную заинтересованность в производительном труде. Но существование частной собственности полностью сохраняет отчуждение по отношению к другому человеку, выступающему в качестве конкурента или потребителя продукции. Это противоречие находит свое отражение в игре рыночной конъюнктуры. Собственник будет вежлив и улыбчив с вами, как с потенциальным покупателем, но при всяком удобном случае не упустит сорвать с вас втридорога. Он ни перед чем не остановится в конкурентной борьбе. В

нашей печати уже сообщалось о фактах вероломства и промышленного шпионажа в отношениях между кооперативами. Если же частная собственность соединяется с эксплуатацией, а логика ее развития обязательно ведет к этому, то здесь отчуждение человека от человека достигает самых резких, антагонистических форм.

Разве в формировании такого чувства хозяина нуждается наше воспрянувшее к гражданской жизни общество? Г. Х. Попов, похоже, считает,что да: "...важно, чтобы выходящие на сцену активного исторического действия массы одновременно связывались бы новыми экономическими отношениями собственности. Чтобы человек в сфере политической демократии думал о своей земле, своем хозяйстве, своем кооперативе, своих акциях[2]." Перед нами недвусмысленная программа превращения советского гражданина в частного и частичного человека. Неужели это даст счастье нашим людям? Получается парадоксальная вещь: сегодня справедливо критикуется бюрократический аппарат за своекорыстие, забвение интересов трудящихся, а в качестве альтернативы предлагается переход к экономической системе, всецело построенной на личной материальной выгоде.

Есть все основания полагать, что появление групповой и индивидуальной частной собственности и введение рыночных отношений в несколько раз усилит и обострит социальное неравенство. Сторонники рыночного социализма, как правило, вместо аргументированной полемики презрительно третируют саму постановку вопроса о социальной справедливости как проявление зависти, как защиту уравниловки, как стремление к равенству в нищете. Но почему же обязательно в нищете? Это опять не аргумент, а эмоциональное приписывание оппоненту позиции, удобной для последующей критики. Недостаточная степень развитости производительных сил, характерная для социализма, делает неизбежным требование распределения по труду, буржуазное по своей сути, ибо "здесь господствует тот же принцип, что и при обмене товарными эквивалентами: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой". Этот принцип односторонне, только в определенном отношении выступает выражением социальной

справедливости, именно "в том, что измерение производится равной мерой — трудом[3]" и поэтому за количественно и качественно больший труд человек должен получить больше. Но ограниченность этой меры справедливости заключается в том, что она не учитывает в своем действии людей честных и работящих, но обладающих физическими недостатками, или многодетных родителей, кормильцев больших семей, что непременно ведет к неоправданному имущественному неравенству.

Рыночные законы многократно умножают эти противоречия. Ограниченная справедливость оплаты по труду особенно явно обернется полнейшей социальной несправедливостью, если иметь в виду неравный жизненный старт молодежи. Ничего еще самостоятельно не совершив в жизни, один, может быть даже бесталанный, оказывается обладателем неограниченных возможностей и абсолютного материального достатка, а другой, может быть очень одаренный, должен во всем начинать с нуля. Это аномалия, калечащая молодые души тех и других, выразительно представлена, например, в кинофильме "Соблазн". Или вопиющее неравенство перед болезнью. С олимпийским спокойствием некоторые экономисты говорят о том, что зажиточные люди смогут получать платное лечение у особо хороших врачей. Разве не являются элементарной социальной справедливостью и гуманностью равные возможности людей в поддержании и укреплении своего здоровья? Негативные следствия принципа оплаты по труду в какой-то степени могут сглаживаться справедливым распределением из общественных фондов, учитывающим все реальные житейские обстоятельства каждого члена общества. Но сегодня все чаще раздаются голоса о необходимости и общественные фонды распределять по труду. Как убедить советских людей согласиться с резким экономическим неравенством, порождаемым многоукладной собственностью и рыночной экономикой? Кроме поддержания надежды каждого оказаться среди преуспевающих, в качестве неотразимого аргумента приводят следующее: рост материального неравенства будет сопровождаться повышением уровня жизни малообеспеченных слоев. И такой аргумент не может не действовать, не

завораживать в условиях, когда люди измучились из-за недостатка продовольствия и товаров первой необходимости. Человек готов принять подачку от хозяйских щедрот, готов посчитать сытость в результате имущественного и общественного неравенства воплощением социальной справедливости.

Идеологи перехода к рыночной экономике ссылаются на пример благоденствия некоторых капиталистических стран. Действительно, там высок жизненный уровень и есть немалая социальная защищенность трудящихся. Но это не следствие выявления внутренней сути капитализма, а результат многих факторов. Здесь и борьба наемных работников за свои права, и объективная нужда в квалифицированных рабочих для современного высокотехнологического производства, и трезвый расчет, говорящий, что создание хороших жизненных условий для трудящихся сегодня экономически выгоднее, чем безжалостная, откровенная эксплуатация. Здесь и защитная реакция на сам факт существования социалистических стран. Знаменательны слова старого американского шахтера, которые привел в своем выступлении на II съезде народных депутатов академик Ж. И. Алферов: "Я начал работать в 1909 году, знаю, в каких жутких условиях мы жили, работали под землей по 10-12 часов. Потом был Октябрь, и наши буржуи стали перестраиваться, так как испугались, что мы сделаем то же самое". Не случайно сегодня расчетливые капиталисты, не бросающие денег на ветер, идут на оказание большой безвозмездной экономической помощи странам Восточной Европы, совершающим поворот к рыночной экономике. ФРГ даже предоставила продовольственное пожертвование Советскому Союзу.

Между тем в капиталистическом мире сохраняются многие проявления социальной несправедливости. Существует большой процент безработных, получаемое пособие не устраняет социальной униженности человека. Возникающие экономические трудности разрешаются за счет трудящихся вплоть до закрытия предприятий. Значительно занижается оплата труда выходцев из развивающихся стран. 37% молодых людей в ФРГ высказались за изгнание из страны всех иммигрантов. Эта цифра более чем на 12% процентов

превышает результаты аналогнчиого опроса, проведеииого 9 лет назад. Развитые капиталистическне страны получают огромные деиежные поступления в качестве процентов в связн с триллионным долгом стран третьего мира. И самое главное: частнособственнническая основа общественного устройства с неизбежностью формирует утилитаристский тип мышления, систему прагматических ценностей, допускающих истинную человечность в виде аномальиого нсключения. В созиании человека прочио поселяется товарио-деиежный фетишизм. Сегодня не хотят этого замечать. Если раньше нашн ученые н публнцисты изображали Запад только в темных красках, то сейчас, наоборот, многие из них поддалнсь безудержной эйфорни по поводу социальных достижений капиталистического мира. Встречается даже утверждение, что там осуществлен принцип "каждому по потребностям". Следовало бы прнслушаться этим авторам к трезвым голосам людей, ие понаслышке знающих буржуазную действительность. Арнольд и Лореи Локшины удивлены тем, как в советской прессе слишком приукрашивается западный образ жизни. "Мы обеспокоены тем, что здесь усилнвается влияние буржуазиых и мелкобуржуазных элементов, включая спекулянтов, бюрократов и тех, кто умалчивает об империалистическом господстве и сверхэксплуатации сотеи миллионов людей в других странах[4]." Редактор журнала "Контииент" В. Максимов, которого трудно заподозрить в апологетике социализма, иа ряде фактов показывает, что "в последнее время мифомания, мифотворчество сделалось бичом советского общества". Много говорят о подлинном социализме скандинавских стран, но этн примеры ие убедительны, считает он. "В этих странах социалистическая форма перераспределения, а экономика почти полностью рыночная. Гораздо "рыночнее", чем в США. Да н форма такого перераспределения в самих этих странах сегодня подвергается пересмотру, нбо резко снижает производительность труда н способствует "утечке кадров" н квалифицированной рабочей силы". В. Максимов убедительно показывает, что представление о западной демократии ведущего программы "Взгляд" Д. Захарова, выраженное им в журнале "Огонек", не более чем "нас возвышающий об-

ман[5]." А вот что говорит Катрин Самари, преподаватель Парижского университета: "Судя по прессе, у вас сейчас некоторые экономисты говорят о том, что модель социализма неверна изначально. Во всем виновата, мол, Октябрьская революция, которая ввергла страну во все последующие бедствия. Утверждают даже, что не было альтернатив сталинизму, основанному, дескать, на идеях социализма. Эти суждения базируются на невежестве людей, не знающих глубоко собственной истории". Стыдно, но и поучительно слышать такое о нас от западного интеллигента. К. Самари считает, что рынок не может быть панацеей от всех бед. "Трудящиеся не имеют никаких оснований принимать как нечто само собой разумеющееся неравенство, навязываемое диктатурой рынка, вместо неравенства, навязываемого диктатурой бюрократии. У них нет никаких оснований считать справедливым (вследствие якобы "универсальных экономических законов") то, что их рассматривают как вещь, как "товар", которым можно пользоваться, а можно и выбросить за ворота в зависимости от рыночных критериев." Сегодняшнее положение в капиталистических странах она оценивает так: "Новые технологии ориентированы исключительно на критерий прибыльности. Они уничтожают больше рабочих мест, чем создают. В этих условиях можно с уверенностью сказать, что капитализм не может устранить классовую борьбу, заменив ее корпоративным духом: этому помешают волнения неимущих и безработных[6]." Да, взгляд на достижения и пороки капитализма, на возможности рыночной экономики должен быть трезвым и взвешенным.

Продолжим раздумья о последствиях появления частной собственности и свободного рынка. Служит ли материальный интерес собственника самым эффективным условием для проявления инициативы и творческих способностей человека? По сравнению с личной зависимостью и экономическим принуждением он эффективнее несравненно. Но все-таки он ограничен узким горизонтом личной материальной выгоды и восходит к достижениям человеческой культуры только тогда, когда это сулит экономические барыши. Сомнение во всесилии материальных стимулов, допущение возможности бескорыстия в отношении человека к труду

вовсе не означает, как считает А. Нуйкин, иезаинтересованности в ием[7]. Высшим мотивом, вызывающим безграиичную созидательиую эиергию человека, является стремление служить людям и в общественно ориентированном творчестве видеть способ всестороннего осуществления своей человеческой индивидуальности, т. е. нравственные и эстетические ценностные ориентации личиости.

Именно эти мотивы лежат в осиове свершеиий гениев и пророков человечества. Наша нужда - в замеие экономической иеобходимости трудиться, существующей как единственный стимул для многих, ие иа прагматический материальный интерес, а на увлеченность творческим созиданием добра. При этом отиюдь ие отрицается зиачение в условиях социализма материальиого возиаграждения за труд. Все дело в акцентах. Представляется, что субъектом осуществления принципа "каждому по труду" должно быть общество, а не личиость. Долг общества беспокоиться о том, чтобы количество и качество труда его членов было оплачено во всем объеме, без упущений и иедосмотров и справедливо, без потолочиых ограничеиий. Это благо, социалистическая иорма. Такое положение дел способио давать человеку увереиность в своей материальиой обеспечеиности и уводить личный материальиый интерес с первых ролей в структуре его цеииостных ориентаций. Если же материальиая выгода стаиовится домииирующим мотивом жизиедеятельиости коикретиого человека, да еще если она подкреплена владением частиой собствеииостью, то это ведет к различным иегативным социальиым последствиям.

Трудно согласиться с тезисом о том, что только личиое владение средствами производства обеспечивает свободу человека. Во-первых, этого явно иедостаточио. Экоиомическая свобода сама по себе может быть величайшим благом и непоправимым злом. Принципиально важно, иа что тратится свободная, частиая предприиимательская активность: на выгодную продажу за рубеж танков, победительниц коикурсов красоты, невосполнимых даров родной природы или идет иа решение иасущиых проблем народной жизни. В первом случае свобода человека призрачна, он покорный раб своей корысти. Людские потребиости для иего замечае-

мы и принимаемы во внимание постольку, поскольку они могут выступать как потенциальный рынок, поскольку сулят возможное обогащение. При недостаточном уровне гуманитарной культуры, характерном у нас для многих, свобода частной собственности непременно приведет к взрыву безжалостного прагматизма. Так первые же шаги экономической реформы дали разгул группового эгоизма. Самонадеянно думать, что отказ от производства дешевых детских товаров, резкое завышение цен на ту же самую, неулучшенную продукцию и другие проявления своекорыстного сознания, предсказать которые заранее даже невозможно, можно обуздать с помощью тех же экономических методов. Они только укрепят прагматический взгляд на мир, меркантильный строй души. Лишь обретение экономически самостоятельным человеком истинной духовности делает его подлинно свободным, позволяет выявить свое человеческое призвание. Чем масштабнее коллектив людей, чьи праведные заботы и чаяния, нравственные и творческие устремления становятся глубоко личными жизненными интересами и целями деятельности данного человека, тем выше уровень его духовности и его свободы. Свобода в добровольном принятии на себя высокой социальной ответственности, осуществление которой создает максимальные возможности реализации своей индивидуальной человеческой неповторимости. Во-вторых, экономическая свобода, основанная на частной собственности, непременно приводит одного человека к противоречию с другим лицом, претендующим на такую же свободу. Только инициативная, творческая деятельность в рамках общественного владения собственностью может быть экономическим основанием подлинной свободы человека.

Точно так же обстоит дело и с вопросом о демократии. На частнособственническом фундаменте она может быть только буржуазной. Не умаляя ее достижений, нельзя не сказать, что она остается формальной. Пользование ее плодами во многом зависит от материальных возможностей человека. Как удивительную нелепость можно воспринимать утверждение, что появление частной собственности (а поэтому и возникающего на ее основе индивидуального и

группового эгоизма) есть переход к демократическому, гуманному социализму, а сторонников восстановления частной собственности считать "левыми". Настоящее народовластие возможно только на основе общенародной собственности.

Бесспорно, современное состояние нашего производства требует применения экономических методов управления. Они антиподы пассивности, равнодушию, уравниловке. Но они же антиподы бескорыстию, основа прагматического, утилитаристского типа мышления. Только как невообразимую аберрацию можно рассматривать утверждение о том, что ввод развитых товарно-денежных отношений представляет собой духовную революцию[8]. По-видимому, должны внедряться только такие из экономических методов управления, меркантильные, антидуховные последствия которых не чрезмерны.

Да, духовность нынче не в чести у некоторых философов, ставших плодовитыми публицистами. Их статьи полны издевок над самоотверженностью, энтузиазмом, бескорыстием, на которые способны только люди, ничего не имеющие (И. Клямкин). Подвижничество называется не иначе как "пресловутым", а "идеологи", не предающие его, оказывается, не идеалы отстаивают, а свои шкурные интересы[9].

Как это с головой выдает, что же является символом веры автора и как ему для собственного душевного спокойствия надо обязательно извести, принизить, замарать жадной корыстью идейного человека. Неужели стараниями подобных мыслителей удастся внедрить в общественное сознание в качестве высшей ценности вместо творческого служения людям неуемную страсть к личному обогащению, торгашески-рыночные вожделения?

Еще одна мишень идеологии прагматизма — вера человека в будущее, стремление своим трудом способствовать счастью последующих поколений. Это качество объявляется "низкопоклонством перед будущим". Оно источник всяческого зла. Ему противопоставляются утверждение буржуазного прагматизма, расчета, погруженности в настоящее, в быт, повседневные радости жизни как непреходящие ценности. "Нас, страну, очень сильно подвела антибуржуазность, антипозитивность русской интеллигенции[10]." Слов нет,

ничем иным, как недостойным фарисейством, являются попытки обанкротившихся руководителей оправдывать провалы в обеспечении народного благосостояния ссылками на неизбежные трудности во имя будущего. Но этой позорной спекуляции, достойной решительного осуждения, противопоставляется бескрылая приземленность самого человека, добровольно не желающего ничего видеть дальше подножного корма. Она-то и поднимается на щит идеологами сиюминутного, безмятежного счастья, которые с категорической одномерностью ставят вопрос: "или чистота идей или хлеб к столу" (А. Любимов. "Взгляд").

Логическим завершением всего этого антидуховного, стяжательского крестового похода является высмеивание коммунистической идеи как совершенно фантастической, несбыточной, как выдумки безудержных мечтателей, вымышленного постулата безответственных утопистов. Идеал чистого человека — абсурд, коммунистическая фраза, зло. Он вреден [11]. "В хозяйственной и социальной жизни взаимная эксплуатация и стремление к обогащению, увы, неизбежны[12]."

Но в таком случае и о строительстве социализма, понимаемого как первая фаза коммунистического общества, говорить излишне. Проводившиеся в нашей стране преобразования рассматриваются как "движение к невозможному, к тому, что противоречит природе человека[13]". Утверждается, что сталинские репрессии являются закономерным следствием Октябрьской революции и, если идти вглубь, — первородного доктринального греха марксизма. На мой взгляд, это явно тенденциозное вульгаризаторство, предельное огрубление, выпрямляющее сложный и противоречивый процесс.

После всех поставленных выше вопросов и недоумений встает главный из них — чем объяснить резкий отказ от общенародной собственности и поворот к рыночной экономике в сознании немалого числа людей, а также удивительно легкое и быстрое идейное отступничество некоторых профессоров философии? Объяснений этому, на мой взгляд, три. Леденящий ужас от ставшего достоянием гласности кровавого сталинского насилия, бередящий совесть позор бездарного брежневского прозябания, унизительно пустые

полки в магазинах ввергли в мировоззренческую панику людей, для которых подлинный марксизм никогда не являлся незаемным знанием, вызвали резко выраженное эмоциональное ожесточение. И то, и другое никак не способствует трезвому анализу кричащих противоречий открывшихся социальных фактов, ведет к аберрации социального зрения, мешает объективной переоценке ценностей, приводит к забвению принципов историзма. Безграничное отрицание, отказ от социалистических идеалов, от идей Октября — самый простой и ближайший выход из этого сложнейшего теоретического и практического положения. Это во-первых. Во-вторых, нигилистический крен и идейный разброд был усилен тем, что для манифестов начавшейся перестройки было характерно решительное преобладание отрицания предшествующего этапа и по существу отсутствие сколько-нибудь разработанной, целостной позитивной программы. Благодаря этому для общественного сознания становится все более привычной метафизически понятая альтернативная логика: экономика, базирующаяся на общественной собственности, дает один сбой за другим — долой общественную собственность; в федерации советских социалистических республик возобладали унитарные тенденции — долой федерацию; духовная жизнь общества подменялась примитивным идеологическим диктатом — долой идеологию и так далее. А в-третьих, новая конъюнктурщина. Если раньше конъюнктурщики догматически твердили к месту и не к месту прописные истины марксизма, пригодные якобы на все случаи жизни, то сейчас легче всего оказаться на коне, обвиняя марксизм и социалистическое общественное устройство во всех мыслимых и немыслимых грехах. Конъюнктурщики сменили знак на обратный.

2. Осмысляя заново

Крутая волна непременного отрицания всего того, что раньше утверждалось в качестве принципов марксистского мировоззрения и социалистического образа жизни, породила в полном соответствии с неписаными законами всякой

кампанейщины несколько затронутых выше тезисов, не очень-то считающихся с фактами реальной истории, но от многократного повторения ставших расхожими. Остановимся на рассмотрении некоторых из них. При этом придется обратиться к положениям марксизма, казавшимся до сих пор обоснованными и доказанными, что называется, азбучными, но которые сегодня не столько опровергаются, сколько замалчиваются, забываются, выхолащиваются из сознания людей.

А. Фантастична ли коммунистическая идея?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо правильно определить суть человеческой природы. Человеческое произрастает из биологического, но принципиально отличается от него. Важнее всего для понимания человеческой истории и сегодняшнего многострадального бытия точно осмыслить, в чем заключается родственное сходство и одновременно абсолютная неотождествленность между ними. Как и животное, человек — телесное существо, с вытекающими отсюда витальными нуждами. Но он становится человеком только тогда и потому, что совершенно иначе их удовлетворяет. Динамическое самосохранение на высшем биологическом уровне обеспечивается стадностью, с помощью которой инстинктивно осуществляется подчиненность особей "интересам" популяции в форме жесткого отбора физически сильнейших. Но остается один момент биологической жизни, где особь действует индивидно, самостоятельно. Это осуществляемый ею непосредственный обмен веществ между своим организмом и средой. Со временем здесь-то и обнаруживается ахиллесова пята биологического бытия. Организм высших приматов настолько усложняется, что особь уже не может справиться в одиночку с процессом насыщения своего организма. Поэтому эволюционное развитие на Земле с необходимостью порождает совместную, сотрудническую, орудийную деятельность сородичей, направленную на избавление от голода каждой особи. Из этого зерна произрастают невиданные ранее качества, составляющие специфическую новизну природы человека: созидательная, преобразующая, все в большей степени целенаправленная и

свободная от непосредственной власти телесных потребностей творческая деятельность и коммунитарный, т.е. невозможный вне сознательной связи с себе подобными характер бытия. Причем изначально это качество формируется как содружество, сопричастность, коллективность, социальное равенство.

Начатки творчества и коллективности, возникшие как объективно необходимые средства разрешения витальных нужд каждого и всех индивидов, приобретают самоценность, субъективную мотивированность, становятся внутренней сутью, проникают во все поры жизни, начинают определять смысл человеческого бытия. "Интересы" популяции все более осознанно реализовываются не через вожачество и подавление, а через лидерство и подражание, согласие и взаимовыручку. Таким образом, человеческое сообщество возникает как коммунистическое.

Почему же существование "первобытного коммунизма" было прервано? Как только древним людям удалось создать минимально избыточный по отношению к ежедневному потреблению продукт и он стал накапливаться, так факт их крайней материальной бедности и поэтому постоянно существующей угрозы самому физическому выживанию вернул на первый план в качестве главнейшей жизненной устремленности требования, диктуемые телесностью, и непременно порождаемый ею в этих условиях эгоизм, только уже не в инстинктивной зоологической форме, а в новом, социальном обличьи частнособственничества. Объективно неизбежное возникновение частного интереса с вытекающими из него жаждой наживы, алчностью, стяжательством есть победа животного начала (правда, часто пытающегося скрывать свою суть в благопристойных и напомаженных "цивилизованных" формах), снова обращающего истинно человеческие родовые качества — общественное единение и творческую потенцию — не более чем в средства достижения своекорыстных целей, и при этом уродуя и извращая эти подлинные свойства человеческой природы.

Частная собственность — основа имущественного неравенства, социальной несправедливости и несвободы личности. Сразу же возникший институт наследования делал владельцем частной собственности совсем не обязательно

достойного, способного человека. И наоборот, рожденный в неимущей среде одаренный человек зачастую не имел возможности реализовать, осуществить себя. Коммунитарная, общественная природа человека, возникшая как содружество социально равных, на тысячелетия принимает искаженную, отчужденную форму — форму непримиримых антагонистических связей. Иллюзорность новоевропейского идеала "разумного эгоизма" бесповоротно обнаружила первая мировая война. Социальный мир и благоденствие полутора десятков экономически развитых сегодня стран, во-первых, далеко не стопроцентны, а во-вторых, камуфлируют беззастенчивую эксплуатацию народов стран остального мира.

Частнохозяйский интерес предельно прост, очевиден, примитивен и поэтому легко доступен в качестве жизненного мотива каждому. На протяжении огромного исторического времени он является движущей силой материального прогресса, активизирует творческие потенции человека, способствует развитию самостоятельности и инициативности личности, правда, в пределах узких границ, очерченных своекорыстием, выполняя, тем не менее, важнейшую цивилизаторскую роль, стимулируя развитие производительных сил. Но непомерно велика плата за этот неизбежный объективный процесс — потеря исходного социального равенства и товарищеского соратничества, уничтожение бескорыстия и возобладание духа меркантилизма и стяжательства. И тем не менее, тысячелетиями разделяющая людей власть частной собственности не смогла искоренить объективную нужду их в человеческом единении, выхолостить внутреннюю тягу к сердечной отзывчивости, душевному пониманию. Трудно представить любящих родителей, желающих, чтоб мужем или женой их чада был холодный, расчетливый эгоист. Даже при объективно неизбежном господстве корысти всегда находились люди, духовная сила которых позволяла жить им по законам истинной человечности. Вся история человечества может быть рассмотрена как борьба своекорыстия и бескорыстия, частнособственнических и общенравственных устремлений. Выдающиеся достижения человеческой культуры, как правило, создавались бессребрениками, воодушевленными творческо-нравственными мотивами, а не корыстолюбием. Вековой народный опыт,

религиозная, художественная культура хранят и славят как высшие человеческие ценности, как духовную доблесть бескорыстие, доброту, самоотдачу в служении людям, общественному благу.

Эти духовные принципы, отвечающие изначальной, подлинной человеческой сути, могут стать всеобщими только с заменой частнособственничества на социальное устройство, где каждый человек владеет общественным богатством через ассоциацию свободных производителей.

Возникновение коммунизма неотвратимо, ибо определяется самодвижением исторического бытия человечества, ибо коммунизм — это человек, соразмерный своей природе. Будучи, по словам К. Маркса, "упразднением частной собственности — этого самоотчуждения человека", коммунизм есть "полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как к человеку общественному, т. е. человечному[14]". Наступление коммунизма знаменует установление уважительных, доброжелательных отношений к каждому человеку, его индивидуальной неповторимости и свободе, а также социального и материального равенства всех людей. Частная собственность, выполнив свою историческую роль, должна уступить место общенародной собственности на средства производства, являющейся экономической основой ликвидации социальных антагонизмов, своекорыстных эгоистических расчетов, людской вражды и ненависти. Отрицать коммунистическую идею может только тот, кто утверждает, что природа человека индивидуалистична, агрессивна, т. е. по своей сути не отличается от своего животного, звериного предка. Утопична не коммунистическая идея, а ставка на то, что возможна гармония частнособственнических интересов.

Б. Марксизм и насилие: высота нравственного выбора

Когда должен произойти этот коренной исторический перелом, переход от предыстории человечества к его подлинной истории? На первый взгляд ответ очевиден. Только на стадии высочайшей материально-технической развитости, исключающей бедность в масштабах человечества, ког-

да могучие производительные силы способны создать вещественные блага в таком количестве, которое необходимо, чтобы освободить от прозаических забот о хлебе насущном и обеспечить полноценную, насыщенную духовным содержанием, счастливую жизнь для всех людей. Но, во-первых, это значит, что до тех пор, пока на долгом пути к всеобщему материальному благосостоянию, единственной движущей силой которого будет оставаться частнособственничество, будут существовать социальное неравенство, обездоленность, голод, жесточайшая конкуренция и неостывающее стремление к переделу собственности, приводящее к войнам и криминальной преступности, будут накопляться глобальные проблемы, грозящие экологическими катастрофами. С этим трудно смириться. Во-вторых, сам дальнейший материальный прогресс в форме научно-технической революции не может осуществляться, если мотивом деятельности выступает сугубо частнохозяйский интерес, всегда стремящийся к быстрейшему и гарантированному результату. НТР требует в качестве массового созидателя человека, владеющего всем богатством культуры и побуждаемого творческо-нравственными устремлениями. Но такие люди могут появиться только когда созданы равные социальные условия для самоосуществления каждого человека, т. е. в коммунистическом обществе. Круг замыкается. Нужен его прорыв.

В марксизме разрабатывается теория социализма — первой фазы коммунизма. Достаточным условием для его возникновения является складывание общественного по своему характеру производства, отличающегося высокой степенью концентрации, формирование пролетариата, осознавшего свое место и роль в обществе. Наличие данных условий позволяет, благодаря созидательной, организованной, революционной деятельности людей, прервать, наконец, частнособственнический этап в развитии человеческой истории, осуществить мечту об освобождении от социального неравенства и эксплуатации, хотя общество еще не располагает необходимым для коммунистического общежития изобилием материальных благ. Социализм — очень сложная и противоречивая, переходная организация общества, основывающаяся на общенародном владении собственнос-

тью и поэтому способиая покончить с эксплуатацией человека человеком, но в силу недостаточности материальных благ осуществляющая распределенне по труду н, следовательио, сохраняющая имущественное неравенство н объективные основания для отчужденного отношения к процессу, условиям н результатам своей профессиоиальной деятельиостн. На уровне созиания людей для социализма характерио прнчудлнвое н болезнениое переплетение коллектнвнстской и частиособственнической психологнн и морали, гуманнстнческих н авторнтарных снстем ценностей.

Упраздненне частиой собственности и переход к социализму не моглн быть, по крайней мере, в нсторнческих условиях, когда формнровался марксизм, добровольными со стороны эксплуататоров. Поэтому политическое учение марксизма включает в себя положение о революционном иасилии, о диктатуре пролетариата, но онн для него не самоцель, а вынужденные меры социального освобождения трудящихся, построеиия подлнниого гуманного общества, нсключающего всякое насилие. От диктатуры во нмя нитересов большииства к демократнческим органам власти для трудящихся н со временем через трудящихся, к самому шнрокому демократизму общества — таков объективио иеобходимый путь политического развития социализма. Марксизм есть теория деятельиого осуществления принципов высокой человеческой нравственности. Установление подлнниой социальиой справедлнвости, создание максимальных общественных условий для свободного развития каждого, являющегося, в свою очередь, необходимым условием свободного развития всех — суть коммунистического двнжеиия.

Для осуществлеиия перехода от диктатуры к демократнн без опозданий, синхронно складывающимся нсторнческнм условиям, для прнменеиия иасилия только в нсключительных случаях, когда иалицо контрреволюционная деятельность прямых противнков осуществляемого иародом социалистического строительства, коммунисты н, прежде всего, руководителн государства н партии должны, обязаны обладать безошибочным политическим чутьем и мудростью, и взыскующей чистой совестью, нравственной щепетильностью. Прнмером гуманной открытости марксизма навстречу

изменяющимся историческим условиям может служить происходящий ныне переход к новому политическому мышлению, приверженность идее ненасильственного мира.

Новое мышление, к сожалению, благодаря беспринципной, соглашательской позиции М. С. Горбачева и его окружения, обернулось изменой национальным интересам страны. Но это не отрицает возможности защищать интересы страны и ее трудового народа, решать все политические вопросы мирными средствами.

Следует назвать еще одно обстоятельство, делающее нравственную высоту для человека социалистического мира совершенно обязательной основой его жизнедеятельности. Социализм — общество, в котором резко усиливается роль субъективного фактора, сознательного начала в формировании людьми материальных и духовных условий своей жизни, что, в свою очередь, с необходимостью требует планомерности, объединенности с помощью интегрирующего центра в организации созидательных усилий миллионов. В связи с этим не только создаются условия для многократного целенаправленного увеличения человеческой энергии, но и возрастает возможность и цена субъективной ошибки, умножается социальная ответственность личности, становится обязательным всесторонний учет дальних, в том числе гуманитарных, последствий каждого жизненного шага. Социалистические идеалы требуют, чтобы любое решение было результатом не только политического, экономического, но и морального выбора.

Посмотрим с этих позиций на этапы нашей истории. В Апрельских тезисах Ленин выразил стремление большевиков к мирной победе социалистической революции. Эта возможность была расстреляна Временным правительством 4 июля 1917 г. Октябрьская революция и в центре, и на местах произошла с минимальным применением оружия. Показателен факт — генерал Краснов, начавший вооруженную борьбу с революцией, захвативший Гатчину и Царское Село, после пленения был отпущен на свободу под слово чести, что он никогда не будет воевать против Совет-

ской власти. Как известно, он свое слово не сдержал. Гражданская война и военная интервенция, унесшие миллионы жизней, были развязаны не большевиками. Молодое, только что родившееся рабоче-крестьянское государство вынуждено было защищаться. Те, кто ставит гражданскую войну в вину большевикам, забывают среди прочих и то обстоятельство, что она ставила их самих на грань жизни и смерти, требовала личного самоотречения и, надо сказать, получала его. Победа в гражданской войне — свидетельство народности Советской власти, ее единения с трудящимися массами. И хотя профессор М. Капустин с неподдельной радостью и воодушевлением сообщал в телепрограмме "Взгляд" о том, что уже в 1918 году были антиправительственные забастовки рабочих, это не может служить доказательством отсутствия народной поддержки у большевистского руководства страной. В экстремальных условиях военной блокады, экономической разрухи, хронической нехватки продовольствия да и неразберихи, вызванной неопытностью, а то и бестолковостью и ошибками руководителей, всегда были основания для недовольства и необдуманных, "несознательных" действий. Но не они определили судьбу страны в 1918 — 1921 годах.

Негативным политическим, идеологическим и нравственным итогом гражданской войны стала укоренившаяся за ее годы, свойственная как руководителям, так и рядовым участникам социалистического строительства, очень опасная привычка решать все вопросы методом "кавалерийской атаки". Строгая военная подчиненность казалась естественной и для организации партийных и всех общественных структур. Был необходим соответствующий завоеванному мирному времени постепенный переход от жесткой диктатуры к демократическим формам управления жизнью страны. Он было начался с введением нэпа, но приостановился во второй половине 20-х годов. Добровольный переход от диктатуры к демократии и всемерное ее развитие есть, кроме политической дальновидности и верности провозглашенным идеалам, высоконравственное деяние людей, сосредоточивших в своих руках всю полноту власти. На это был способен Ленин и не способны многие из членов Политбюро,

принявшие на себя после его смерти высочайшую ответственность за судьбы социализма. Личные амбиции занимали слишком большое место в их сознании и практической деятельности. Борьба различных точек зрения на возможные пути социалистического строительства все чаще поглощалась борьбой за личную власть. Ленинская тревога, выразившаяся в Политическом завещании, оказалась пророческой. Что касается широких масс, поднявшихся в годы революции к активной политической жизни, то ни их собственный очень краткий опыт, ни отсутствие в стране развитых демократических традиций не могли способствовать формированию сознательного стремления к утверждению в государстве народовластия.

Борьба за власть в руководстве страной закончилась победой Сталина, наиболее беспринципного и коварного из ее участников и в то же время волевого и талантливого организатора. С этих пор улучшающееся экономическое и внутриполитической положение страны не только не использовалось для развертывания демократических преобразований, но команда, насилие все чаще применялись как универсальные методы строительства социализма. Противоречие между самой гуманной, высоконравственной целью и неправедными, не имеющими никакого исторического оправдания средствами ее достижения становилось кричащим, порочащим социалистические идеалы. Сегодня невозможно сказать, вылилось ли бы дальнейшее развитие нэпманской буржуазии и кулачества в серьезную опасность для существования Советской власти, но несомненно, что в конце 20-х годов они такой угрозы не представляли и их ликвидация была и злой жестокостью, и экономической и политической ошибкой. Но эти диктаторские меры были поддержаны широкими трудящимися массами, привычно и убежденно верившими в необходимость "кавалерийской атаки" для достижения идеалов социализма. Никакими соображениями о наличии постоянной внешней военной угрозы, о необходимости в связи с этим быстрыми темпами создавать крупную промышленность нельзя оправдать принудительных мер при организации колхозов и крепостническую по сути политику по отношению к крестьянству.

Значительные успехи в индустриальном строительстве, укрепление обороноспособности страны, отмена карточной системы, достигнутые трудом народа, несмотря на извращения социалистических принципов жизни общества, создали к середине 30-х гг. еще более благоприятные объективные возможности для широкой демократизации всех общественных структур. И формальные шаги в этом направлении были сделаны. В 1936 году была принята новая Конституция, очень демократичная по своему содержанию, но остававшаяся такой только на бумаге. Власть Сталина все больше перерастала в личную диктатуру, опирающуюся на непомерно разросшиеся карательные органы. Эта "раковая опухоль", развившаяся на теле ненормально растущего во враждебных международных условиях социалистического организма, все явнее обнаруживала свою несовместимость с самой его исконной сутью, растущей, невзирая ни на что, за счет своих животворных потенций. Вызовом этому злокачественному антидемократическому образованию было появление все большего числа хорошо образованных, творческих, критически мыслящих, граждански активных людей. Их горделиво переполняло ощущение собственной причастности к трудовым достижениям социалистической родины. Сознание свершившегося, на себе испытанного перехода от жизни бесправной, подневольной к социальной полноценности, человеческой значимости рождало искренний энтузиазм, росло чувство личного достоинства, ощущение хозяина своей судьбы. В условиях гигантского подъема творческой энергии народа нужно было веское оправдание бюрократическому централизму, командно-административному стилю руководства. И оно было придумано. Спекулятивно оживляя в революционном поколении опыт классовой борьбы, неизбежной в годы Октября и гражданской войны, констатируя во многом спровоцированные классовые столкновения в период коллективизации, Сталин и его соратники выдвинули теорию обострения классовой борьбы по мере строительства социализма и успешно внедряли ее в сознание людей, тем более, что отдельные факты антисоветской деятельности реально имели место. Так была подведена теоретическая "социалистическая" база под кровавый тер-

рор 30-х годов, сформирован синдром "недремлющего врага". Безнравственное переросло в преступное. Многие люди, в силу своей одаренности и самостоятельности представлявшие угрозу режиму личной власти, объявлялись " врагами народа" и репрессировались.

В сегодняшних оценках этой трагической страницы нашей истории часто звучит упрощенная и по сути неверная трактовка содержания общественной психологии трудящихся масс той поры. Утверждается, что страх за жизнь свою и своих близких существовал не только на уровне сознания, но и подкорки, спинного мозга и парализовал волю людей[15]. Якобы именно он стимулировал трудовые порывы, которые были "самообманом новобранцев заводов и строек", а никаким не высшим проявлением сознательности. Воспринятая людьми идеология однозначно и категорично оценивается как "идеологическая психотерапия, смутившая народную душу", как гипноз и самогипноз, дававшие нравственное обезболивание[16]. Чтобы охарактеризовать будто бы ложное, пронизанное двойной моралью существование советских людей в 30-е годы, их беспринципное притворство, нередко сталкивают рассказ о расстрелах, о заключенных ГУЛага с какой-нибудь строкой из любимых песен тех лет, например: "Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек". Что и говорить, контраст получается разительным, убийственным. Но это очень похоже на насильственное хирургическое вмешательство, когда безжалостный скальпель режет по живому и не с целью удаления злокачественного, а усекновения, калечения и в конце концов умерщвления самого организма уже ушедшей в прошлое эпохи, с тем, чтобы без помех позлорадствовать над ней, надругаться над усопшим, исполнить "пляску на костях". В результате возникает и внедряется в общественное сознание картина искаженная, далекая от подлинной правды.

Были, конечно, двурушники, но не это определяло сознание большинства людей. Массовый характер арестов был умело скрыт от глаз народа, истинных масштабов репрессий люди не знали. А те факты, которые становились известными, воспринимались как справедливое возмездие, направленной против действительных противников успешного дви-

жения советских людей к бесклассовому обществу. Этому способствовали публичные признания своей вины обвиняемыми на открытых судебных процессах. О незаконных методах следствия большинство и догадываться не могло. Именно поэтому героиня Л. Чуковской Софья Петровна, выстаивающая вместе с другими людьми мучительные часы в очередях к окошку различных учреждений НКВД, долгое время остается уверенной, что, в отличие от других, ее-то сын арестован безвинно, по недоразумению. Непросто было поверить рядовым советским людям в виновность того или иного бывшего руководителя партии или государства, но совершенно невозможно было усомниться в Сталине. Он искренне воспринимался всеми как символ желанного социализма, живое воплощение его притягательных идеалов, как гарант успешного созидания новой, счастливой жизни, к великому сожалению, созидания, включающего в себя элементы вынужденного принуждения. Это была не замутненная никаким расчетом роковая ошибка, а не лукавый самообман, не самогипноз, якобы творимый с тем, чтобы уйти от ответственности и успокоить душу. С именем Сталина естественно соединялись все достижения страны, вера в него была верой в себя, в свои убеждения и чувства. Трагическая парадоксальность происходящего заключалась в том, что бывшие на поверхности репрессий спровоцированные судебные процессы укрепляли веру в социализм, будили созидательную энергию советских людей, вызывали стремление вопреки вражеским проискам построить общество социальной справедливости. Чрезвычайная противоречивость жестокой реальности тех лет в том, что социалистический энтузиазм и в принципе несовместимое с ним, бессмысленное, преступное насилие существовали не рядом, не параллельно, а в невообразимом переплетении, в чем-то даже обусловливали друг друга.

Хотелось бы возразить против еще одного нынешнего расхожего тезиса, трактующего коллективистские начала сознания советских людей как заурядную психологию винтика. Есть авторы, которые даже индивидуализм возводят в ранг высокой духовной добродетели. Это опять одностороннее упрощение сложного общественно-психологического

явления. Коллективизм — вершина в развитии человеческого духа, бесценное нравственное достижение, поднимающее человека на уровень подлинного духовного существа, дающее вдохновляющий смысл его индивидуальной жизни. Конечно, не менее важна и вторая сторона. Коллективизм богат и духовен, когда складывается из единения ярких, неповторимых личностей, воодушевленных общим человеколюбивым замыслом, творчески осуществляющих его жизненную реализацию, расширяя и приумножая при этом его содержание. Замкнутый на себя индивидуализм, по большому счету, творчески мертв и глубоко безнравствен. Коллективизм нуждается в уникальных личностях и безгранично раздвигает горизонты их самореализации. В 30-е гг. общественное владение собственностью, единая социальная устремленность, грозящая стране военная опасность создавали необходимые социально-экономические основания для формирования коллективистского сознания и одновременно открывали широкие возможности для творческого самораскрытия личностных индивидуальностей. Но эти возможности далеко не всегда реализовывались. Извратившийся до преступного произвола режим Сталина боялся, как уже говорилось, неизбежно происходившего на ниве социализма роста неповторимых личностей. Этот процесс не стимулировался сверху, не поощрялся идеологически, всячески сдерживался и прежде всего тем, что не происходила демократизация политической жизни. Поэтому были и винтики. Исторический грех сталинизма не в формировании коллективизма, который в наших социальных условиях не мог не быть социалистическим, а в противодействии и, самое страшное, в подавлении уникальности личностей.

Многообещающая возможность обретения наконец социализмом своей демократической сущности была создана критикой культа личности Сталина на XX съезде партии, инициатором которой был Н. С. Хрущев. Но порыв к очищению, к сожалению, коснулся только разоблачения личностей Сталина и его окружения, а не сталинизма, не командно-бюрократической системы и поэтому не отлился в реальные демократические формы организации партийной и общественной жизни. Это незамедлительно сказалось и

на судьбе самого автора оттепели. Не спас и внешний демократизм натуры. А глубинных нравственных устоев, способных противостоять искушению неограниченной власти, у Хрущева не было. Начав с мужественной реабилитации живых и мертвых жертв репрессий, он кончил трагикомическим "кукурузным наваждением" и самодурными гонениями на художественную интеллигенцию. Благодаря сохранению прежних бюрократическо-централистских структур широкой демократической реакции на эти авторитарные проявления не последовало. А состоявшаяся реакция была еще более консервативной, пришедшей из глубин партийного аппарата.

Л. И. Брежнев очаровал поначалу контрастирующей с бесцеремонной грубостью Хрущева спокойной, доверительной манерой обходительного отношения к людям, приверженностью к коллегиальности, но это оказалось только внешней формой и скоро вылилось в попустительство, отсутствие необходимой требовательности, беспринципность и равнодушие, проявлявшиеся при ведении государственных дел. Принимавшиеся правильные решения, в том числе такие важнейшие, как постановления XXIV съезда КПСС об усилении социальной направленности развития экономики, об опережающих темпах роста промышленности группы Б, оставались на бумаге. Не было массовых репрессий, но были столь характерные для любой авторитарности боязнь инакомыслия и безразличное отношение к реальным проблемам людей. Скрытый отрыв верхних эшелонов власти от жизни народа стал очевидным. Все это не исподволь, как в сталинские времена, а прямо, наотмашь било по социалистическим идеалам социальной справедливости, трудового единения и свободы, вытравляя их из сознания многих людей, превращающихся в обывателей, равнодушно, а бы как выполняющих свои профессиональные обязанности. Социализм все в меньшей и меньшей степени реализовывал свои внутренние возможности, пока окончательно не опустился в гниющее болото застоя. Честные, идейно стойкие люди стремились продолжать ответственно и творчески трудиться на своих рабочих местах, но не нашлось у них на протяжении двадцатилетия политической воли, чтобы не со стороны, не

извне, а через существующие структуры, наполнив их подлинным демократизмом, заставить руководство страны перейти к всеобъемлющему социалистическому народовластию. Это непреходящая вина, неискончаемый стыд всех нас.

Вывод. Марксизм признает насилие только как момент революционного перехода от несправедливого частнособственнического общества к социалистическому и только если не срабатывают мирные формы такого перехода, если эксплуататоры оказывают военное сопротивление трудящимся массам. Дух марксизма предполагает и требует высокой нравственности, выступающей залогом отказа при малейшей возможности от насильственных действий и постепенного и неуклонного движения к всемерной демократии. В условиях социализма, особенно на начальных этапах, когда осуществляется диктатура пролетариата, огромное значение в деле обретения новым обществом своей истинной сущности имеют личности первых руководителей, их нравственные качества и приверженность к подлинному, творческому марксизму. В истории советского социализма после Ленина не было руководителей, в полной мере обладающих такими качествами. Воистину, власти достоин только тот, кто лично ее не домогается и поэтому никогда ею не злоупотребляет. В этом, а также в политической пассивности широких масс причина того, что в нашей стране социализм не обрел адекватную ему форму развитого, подлинного народного демократизма и в силу этого не реализовал своих богатейших экономических и социальных возможностей. Перестройка требовала и требует прежде всего политического реформирования нашего общества.

В. Сторонник ли В. И. Ленин концепции рыночного социализма?

Обратимся к экономическим проблемам. Остановимся и здесь на расхожих мнениях, кочующих сегодня из статьи в статью. Некоторые из них связаны с неверным, на мой взгляд, толкованием ряда положений из ленинских работ, посвященных НЭПу. Поэтому придется обратиться к пер-

вонсточнику, к цитированию. Стало общим местом обвинять Ленина н руководство страны в проведении ошибочной экономической политикн военного коммунизма. Но дело в том, что она не была результатом свободного выбора большевиков. Леннн прямо об этом говорил в 1921 г.: "Мы жили до сих пор в условиях такой бешеной, неслыханно тяжелой войны, когда ничего, кроме как действия по-военному, нам не оставалось н в области экономнческой[17]". Более того, Ленин подчеркнвает, что еще в конце 1918 г. был издан декрет о натуральном налоге, т. е. " вопрос этот перед сознанием коммунистов стоял, но... мы не моглн осуществить его, благодаря военным обстоятельствам[18]". Потому он отмечает, что в НЭПе "больше старого, чем в предыдущей нашей экономнческой политике[19]".

Имеет широкое хождение тезнс о том, что Леннн не считал НЭП отступленнем, что его слова о "коренной перемене всей точки зрения нашей на социализм[20]", имеют в внду новую экономнческую политику, что формнруемая НЭПом реальность н есть подлнннный социализм. Подобная ннтерпретация последних ленинских работ диктуется желаннем сегодняшних сторонников перехода к рыночной экономике сделать его своим союзником, опереться на ленинский авторитет. Так возникает вольное или невольное нскажение существа леннnской познцин. Между тем, Ленин совершенно однозначно счнтал, что "то положение, которое создала наша новая экономическая политнка — развитне мелких торговых предприятий, сдача в аренду государственных предприятий н пр. — все это есть развитие капиталистических отношений, и не видеть этого — значнло бы совершенно потерять голову[21]". Совершенно естественно поэтому, что НЭП для него является вынужденным объективными условиями (экономическая разруха, неразвитость промышленного производства, преобладание мелкокрестьянского хозяйства) отступленнем. "Скрывать от себя, от рабочего класса, от массы, то, что в экономической областн н весной 1921 г., н теперь осенью — знмой 1921 — 22 г. мы еще продолжаем отступленне, — это значило бы осуждать себя на полную бессознательность, это значило бы не нметь мужества прямо смотреть на создавшееся по-

ложение[22]". Что касается положения о коренной перемене точки зрения на социализм, то у Ленина речь отнюдь не идет об изменении представлений об экономической основе социализма, как это сплошь и рядом подают многие авторы сегодня. Сказав о конкретной перемене точки зрения на социализм в статье "О кооперации", Ленин сразу, недвусмысленно поясняет, что он имеет в виду: "Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную, культурную работу[23]". Выдвижение на первый план задач экономического строительства, овладения культурой хозяйственной деятельности в условиях, когда политическая власть завоевана, — вот в чем заключается коренная перемена точки зрения на социализм, если не предвзято следовать за ленинской мыслью.

Далее. Более всего сегодня цитируются ленинские слова о том, что строй цивилизованных кооператоров и есть социализм. В них ищут поддержку организаторы современных кооперативов, сторонники создания вместо не оправдавших себя колхозов и совхозов фермерских хозяйств, арендаторы, ставящие своей конечной целью выкуп предприятий у государства, — одним словом, все, кто считает необходимым переход от общественной собственности к частной (групповой или индивидуальной). Поразительно, как при этом, в угоду своим целям, вопреки честности и научной добросовестности, происходит искажение ленинской мысли. Из цитируемого предложения выбрасывается его середина, его важнейшая смысловая часть. У Ленина так: "Строй цивилизованных кооператоров **при общественной собственности на средства производства,** при классовой победе пролетариата над буржуазией — это есть строй социализма[24]" (подчеркнуто мною — В. П.) Следовательно, по Ленину, социализмом можно назвать не любой строй цивилизованных кооператоров, а непременно основывающийся на общественной собственности на средства производства.

Ленин не отождествляет кооперацию с НЭПом. Кооперацию он рассматривает как следствие НЭПа и средст-

во нейтрализации его частнособственнических проявлений. "В НЭПе мы сделали уступку крестьянину, как торговцу, принципу частной торговли; именно из этого вытекает (обратно тому, что думают) гигантское значение кооперации... Мы перегнули палку, переходя к НЭПу, не в том отношении, что слишком много места уделили принципу свободной промышленности и торговли, но мы перегнули палку, переходя к НЭПу, в том отношении, что забыли думать о кооперации, что недооцениваем теперь кооперацию...[25]". Между тем, по Ленину, кооперация — это "переход к новым порядкам путем возможно более **простым, легким и доступным для крестьянина**". "Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения[26]". Таким образом, и НЭП, и кооперацию Ленин рассматривает как вынужденные хозяйственными реалиями Советской России начала 20-х гг. этапы на пути формирования социалистической экономики. НЭП — контролируемое оживление капиталистических отношений. Кооперация — средство перехода в деревне от НЭПа к социализму. И неверно считать их непременными атрибутами социализма, восстанавливать в совершенно иных, сегодняшних социально-экономических и политических условиях, да при этом еще и брать Ленина в свои союзники. У него совершенно определенно: "...эту политику мы проводим всерьез и надолго, но, конечно, как правильно уже замечено, не навсегда[27]".

Когда писались эти строчки, Ленин еще не был распят "демократическими" мыслителями и низведен до положения ничтожного политика, единственным жизненным мотивом которого была неуемная жажда личной власти (Д. Волкогонов). Его авторитетом еще пытались прикрываться в деле разрушения социализма.

Кстати, на наш взгляд, так же неправомерно звучащие сегодня требования о передаче земли в собственность крестьян подкреплять ссылками на "Декрет о земле", на Октябрьский лозунг "Земля — крестьянам". Декрет недвусмысленно провозгласил: "Вся земля обращается во всена-

родное достоянне и переходит в пользование всех трудящихся на ней". "Право частиой собственности на землю отменяется навсегда, земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, нн сдаваема в аренду, либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема[28]".

Что можно сказать о судьбе НЭПа? Хотя объективен факт, что крестьяне все неохотнее продавали хлеб, потому что иа вырученные деньгн иельзя было купить нужные товары — промышленность ие производила их в нужном колнчестве. Хотя очевидно, что НЭП ие решал задачи создания крупиой индустрии. Хотя было бы самонадеяиио безапелляциоиио утверждать, что единоличное ведение сельского хозяйства — лучший путь решеиия продовольствеиных проблем (в Польше, например, оно их не решило). Тем ие менее, свертываиие НЭПа в коице 20-х гг., когда еще ие до конца были нспользованы его позитнвные возможностн, было преждевременным, а признание колхоза естественной формой организации крестьянского труда и силовое проведение коллективизации — ошибочным.

Не является ли таким же необоснованным бросанием из крайности в крайиость, без удержания положительиого, имеющегося в существующих экоиомических структурах, сегодняшнее стремлеиие радикалов от экономики свести до мниимума общеиародное владенне средствами производства? Не является ли это шараханье в противоположную сторону результатом поспешного н неглубокого анализа, когда коистатируются видимые и иевооружеиным взглядом ошнбки и провалы, вызванные иекомпетеитиым н бездарным осуществлением экоиомических принципов социализма, и нгиорнруются достижеиия н ненспользованиые сущиостные возможностн экоиомики, основанной иа общественной собственности, не нсследуются причины этого?

3. Общественная ли собственность виновата в экономическом кризисе?

Сторонникн перехода к свободным рыиочиым отношениям широко используют аргумент — практика 72 лет по-

казала бесперспективность экономики, основанной на общественной собственности. Так ли неотразим этот довод? Во-первых, 72 года включают в себя не только мирные периоды, благоприятные для ритмичного экономического развития, но и многие годы военных и послевоенных экстремальных ситуаций, когда невозможно спокойное экономическое созидание, но в которых, кстати сказать, общественная система социализма показала свою жизненную устойчивость. Во-вторых, у социалистической экономики есть не только провалы, но и достижения. Отчасти о них мы уже говорили, сейчас добавим, что в стране есть успешно работающие промышленные предприятия, сильные колхозы и совхозы. Их не было бы, если бы все дело заключалось в порочных принципах самой экономической системы. Такие специалисты, как Т. С. Мальцев, В. А. Стародубцев, не считают, что переход к индивидуальному крестьянскому хозяйству является магистральным путем развития сельскохозяйственного производства, видят большие возможности коллективного крестьянского труда. В-третьих, если причина всех бед в общественном владении собственностью, почему не отказываются от нее в принципе? Какой тогда смысл сохранять государственные предприятия? Тем более, что оплата труда на негосударственных предприятиях сегодня выше, поэтому произойдет отток работников из государственной сферы.

Прежде чем привести четвертое возражение, я должен назвать основополагающий, по моему мнению, принцип социалистического общественного устройства. Социализм может в высшей степени эффективно функционировать, если его экономической основе — общественному владению собственностью, —во-первых, отвечает соответствующий тип сознания всех его членов, доминантой которого является коллективистское, нравственное, общественное начало, когда каждый ощущает себя рачительным хозяином общего достояния, когда служение людям выступает определяющим интересом личности и способом ее развивающегося самовыражения. В этом смысл первой части формулы социализма — каждый по способностям. Во-вторых, когда на основе общественной собственности и коллективистского

сознания формируется глубоко демократическая политическая структура, подлинное народовластие, обеспечивающие реальное участие каждого человека в управлении всеми делами общества, в том числе и экономическими процессами. По существу у нас еще не было практики развития экономики в условиях широкого демократизма общественной жизни. Необходимое для социализма соединение общественной собственности и демократии еще не проходило практическую проверку. И в этом заключается мое четвертое возражение.

В-пятых, что касается нравственной, а также эстетической мотивации, то, наоборот, преимущество ее побуждающей силы в сравнении с соображениями материальной выгоды доказала тысячелетняя практика творчества лучших представителей человеческой культуры. Гуманистическая миссия социализма заключается в том, чтобы способствовать обретению нравственно-эстетической мотивации к труду всеми трудящимися. Это трудный и долгий путь, на котором возможны и неудачи. А разве просто было человеку научиться летать? Разве в своем возвышенно-трагическом движении к небу он не давал поводов обывателю раздраженно насмехаться и улюлюкать?

Главная трудность заключается в том, что при переходе к социализму формирование общенародной собственности происходит раньше складывания соответствующего этому акту коллективистского сознания всей массы трудящихся. Этот процесс идет тяжко, противоречиво, имеет под влиянием различных исторических обстоятельств свои взлеты и падения, отступления от достигнутого. Разрыв между юридически закрепленной общенародной собственностью и мас-

Отсутствие должной демократии, действенного контроля трудящихся за государственными структурами сначала привело к абсолютизации и непомерному расширению сферы действия плановости и централизма — в разумных пределах необходимых и высоко эффективных начал социалистической экономики, — а затем обратило их в командно-бюрократическую систему, породило всесилие узковедомственного диктата, полное подчинение ему производственных коллективов и в итоге отчуждение от социалистической собственности и общественных интересов и министерских уп-

равленцев, и трудящихся. Следствием этого является работа спустя рукава, потеря профессионализма, низкая производительность и исчезновение творческого отношения к делу. Данные негативные проявления в значительной степени усиливаются благодаря отрицательной метаморфозе, происходящей с еще одним завоеванием социализма — высокой социальной защищенностью права трудящихся на работу, гарантированностью занятости. Это благо отчужденные стороны сознания человека способны обратить во зло, в безынициативное, пустопорожнее пребывание на рабочем месте, в потерю чувства ответственности за свое дело. В результате упадок обязательности и производственной дисциплины на всех уровнях. В свою очередь, это ведет к постоянным сбоям экономического ритма, к штурмовщине, авральной организации производства. К этому следует добавить стратегические ошибки высших директивных органов, по вине которых недопустимо затянулся процесс экстенсивного развития экономики, оказался не востребованным по-настоящему научно-технический прогресс, безраздельно господствовали количественные плановые показатели.

Все сказанное приводит к появлению второй группы причин, усиливающих отчуждение человека от общественного производства. Наша экономика все в большей мере становилась дефицитной, что не могло не проявиться в неуклонно обостряющейся нехватке продовольствия и потребительских товаров. Хронический дефицит материальных благ породил теневую экономику, преступную коррупцию, процветание порочного принципа "ты мне — я тебе". Эти обстоятельства не замедлили сказаться, с одной стороны, на росте недовольства жизнью и социальной апатии, с другой, — на усилении частнособственнических, меркантильных, стяжательских настроений, исключающих хозяйское радение о социалистической собственности. Проводившееся в течение долгого времени повышение зарплаты, не обусловленное соответствующим ростом производительности труда и не обеспечивавшееся адекватным увеличением производства товаров народного потребления, еще больше усилили дефицитный характер материальной стороны жизни советских людей, инфляционные процессы и вытекающие

отсюда указанные выше негативные явления. Немалую лепту в формирование и широкое распространение потребительского отношения к жизни внесли односторонняя топорная пропаганда и неуклюжая практическая реализация принципа материальной заинтересованности. Руководители на местах вместо кропотливой воспитательной работы — это всегда трудно и хлопотно — прибегали к названному безотказному принципу. Дело доходило до того, что нормой становилось платить рублем за участие в смотре художественной самодеятельности, спортивном соревновании, за дежурство в добровольной народной дружине. Излишне говорить, как это развращает и уродует сознание людей, внедряет меркантильное отношение к жизни.

Следующая и весьма существенная, а может быть самая значительная причина отчуждения людей от социалистической собственности и основанного на ней труда — это социальные привилегии, которыми обладают руководящие партийные и советские работники. Спецснабжение, спецлечение, спецдачи, санатории и гостиницы, внеочередное получение жилья и злоупотребление этим, строительство новых административных зданий в условиях, когда не хватает больниц, детских учреждений, превращают прослойку партийных и советских работников в избранную касту, отгороженную от народа, не связанную с ним общими житейскими проблемами и бедами. Обладание социальными привилегиями для их владельцев стало настолько привычным и естественным делом, что они не замечают его неестественности для социализма и социальной вредоносности. Даже М. С. Горбачев не мог долгое время понять всей остроты и общественной значимости этой проблемы и ссылался на то, что привилегиями у нас обладают многие категории граждан, например, академики, — так исторически сложилось. Действительно, привилегированных у нас немало. Так, все крупные предприятия за высоким забором производят продажу своим работникам дефицитных продуктов и импортных товаров. А как быть трудящимся небольших предприятий, учителям, врачам? Несправедливость? Конечно. И тем не менее ни эти крупнозаводские, ни тем более академические привилегии (труд высшей квалификации академиков окру-

жеи всеобщнм уважеиием) ие вызывают столько возмущения, как привилегии партийно-государственные. Хотя надо призиать, что работа честных н ответственных секретарей парткомов и председателей исполкомов не знает временных границ, очень напряженна н изнурительна. Так в чем же дело? Коиечио, ие в том, что качество спецполучаемых продуктов, товаров, жилья здесь наивысшее, ие сравнимое с другими видами льготного распределения. Все дело в том, что в данном случае привилегии оказываются у людей, обладающих всей полнотой власти. Эти льготы не делегированы народом, они присвоены посредством использования своего бесконтрольного положения в целях личного благополучия. А ведь речь идет о представителях советской власти н коммунистической партии, первой целью которых является создание общества социальной справедливости н равных возможностей для развития каждой личности. Такой разрыв слова н дела, такая подмена заботы о благе эгоистическим расчетом на создание собственного рая обращает звучно провозглашаемые прн этом коммунистическне принципы в пустую демагогическую фразу. Трудно придумать более сильиое средство дискредитации наших идеалов, насаждения и укрепления позиций потребительства и собственничества в психологии людей, чем безграничные привилегии партийного н государственного аппарата, особенно разросшиеся в годы застоя, обнаружнвая взаимосвязь этих явлений. И ие зависть двнжет критиками этих привилегий, а боль за чистоту социалистических идеалов, тревога, вызванная их исчезновением из реального сознания многих людей. Качество н количество принесенного обществу труда должно вознаграждаться только соответствующим размером заработной платы. Пользование другими благами, в том числе общественными фондами потребления, не должно зависеть от меры труда н давать преимущество только многодетным семьям н малоимущим слоям населения. Наступление социальной справедливости в отношении привилегий дается неимоверио трудно. Доклад председателя парламентской комиссии по этому вопросу Е. М. Примакова иа II сессии Верховного Совета СССР в очередной раз продемонстрировал попытку сгладить остроту данной про-

блемы. А в своем недавнем интервью "Аргументам и фактам" он снова повторял тезис — есть же ведомственные поликлиники, больницы у ЗИЛа, Академии наук, творческих союзов. Но, кажется, партийные массы взялись за проблему властных привилегий. Произошедшие по требованию коммунистов отставки первых секретарей и бюро ряда обкомов партии были вызваны в том числе и фактами злоупотребления служебным положением.

Еще одним фактором, усиливающим практическое и психологическое отчуждение человека от социалистических основ жизни является какая-то сторонняя, бесшабашная, экстремистская, осуществляемая без сыновней боли, критика нашего противоречивого исторического пути, о некоторых проявлениях которой говорилось выше. Есть люди, для которых такая нигилистическая критика становится самоцелью. Они купаются в упоении ею, как будто речь идет не о болезни матери-Родины, и разлагают неокрепшие души. Существенную роль в нагнетании атмосферы общественного недовольства и разочарования играет хроническая нерешаемость многих социальных проблем. В результате совокупного действия всех этих причин массовое сознание не только не приближается, но все больше удаляется от социалистичности, а общественное владение собственностью не реализует своих богатейших возможностей. Кроме того, потеря веры в социалистические идеалы является одной из важнейших причин падения нравственности, лавинообразного роста преступности и неожиданной эскалации межнациональной розни.

4. Где же выход?

Приведенные размышления приводят нас к выводу: решающим условием устранения экономического и политического отчуждения является не дробление общественной собственности и передача ее в руки индивидуальных и групповых владельцев, а возвышение сознания всех трудящихся до уровня коллективистской нравственности, адекватной общенародной собственности и способной оптимально реа-

лизовывать все богатейшие возможности последней. Объективными факторами решения этой задачи могут и должны быть последствия всеохватной демократизации общества, в том числе демократизации управления экономикой. 1. Обретение Советами всей полноты власти. Постоянный и широкий контроль представительных органов за деятельностью подопечных им исполнительских структур поставят заслон непрофессионализму, ведомственности, бюрократизму, коррупции. Важнейшее демократическое значение имеет соблюдение нормы — человек может занимать ответственный пост не более 10 лет. Тем не менее это разумное установление, несмотря на горький исторический опыт, с трудом входит в нашу политическую жизнь. Так, XIX конференция КПСС принимает правильное решение: выборные посты в партии человек может занимать два срока. Этого вполне достаточно, чтобы отдать все свои возможности общему делу, вместе с тем это гарантия против новых культов личности. И тут же, вопреки этой логике, партконференция отступает от своего решения, постановив, что это требование должно вступить в силу только с момента предстоящих выборов в партии, намного увеличивая, таким образом, время пребывания в руководящих партийных органах некоторых нынешних членов Политбюро и ЦК КПСС. Вызывает беспокойство также поспешно проведенное установление в стране института президентского правления. 2. Отмена всех привилегий у представителей власти. Когда руководителями на всех уровнях являются люди совестливые, честные, глубоко нравственные, живущие и в быту одной жизнью с трудящимися массами, возрождается вера в идеалы социалистической справедливости, общество очищается от скверны стяжательства. 3. Ограничение централизованного планирования решением стратегических задач, общегосударственных программ, проблем научно-технического прогресса. 4. Предоставление максимальной самостоятельности всем производственным единицам, которая создаст условия для творческой, поисковой деятельности и независимого определения размера ее достойного вознаграждения, позволит коллективно решать принципиальные вопросы экономического и социального развития предприятия,

но при сохранении общенародной собственности иа основные средства производства. Достойным вариантом решения этой проблемы является проект Закоиа о земле, по которому она может передаваться в индивидуальное или коллективное владение и пользование, но без права купли-продажи, при сохранении ее статуса как общеиародного достояния и права распоряжения ею за Советами. 5. Вызванный названными мерами экономический подъем, позволяющий снять потребительский дефицит, разрешить острые социальные проблемы. 6. Взвешенная, принципиальиая, правдивая оценка противоречивой истории нашего общества и на этой осиове реабилитация коммунистической идеи в глазах самого широкого общественного мнения.

Коиечно, названные объективные факторы ие приведут автоматически к обретению массовым сознанием качества социалистичиости. Нужно встречное желаииое движеиие людей к едииеиию, братской общности, душевной отзывчивости. Реально ли оио? Несомнеиио, эта задача иеизмеримо более трудная, чем формирование чувства хозяина на частнособственнической осиове. Миогое упущеио, в том числе и в годы перестройки. Особеино это касается мировоззрения молодежи. И все-таки ряд обстоятельств, исторических и современных, питает веру в возможность возвышения коллективистских начал в сознании советских людей. Ведь есть в иашей истории взлеты народного духа, когда все как один. Память обращается к Великой Отечественной войие, так ярко обиаружившей способность нашего иарода к спасительному душевному единению, победившему германский фашизм, перед которым в считанные дни вставали на колени европейские демократии. Речь идет и о ратиом подвиге, и о героическом труде в голодном тылу. Причем советские люди оказалнсь в состоянии это совершить, иесмотря на 1937 год и иасилия по отношению к крестьянству. Та же коллективная эиергия позволила в кратчайшие сроки поднять разрушенное войной хозяйство. Новое поколение молодежн, живущее интересами страны, как своими, осуществляло себя в поднятии целины. Вы скажете, что это все экстремальиые ситуации. Верно, а разве сегодня у иас ие экстремальиая ситуация, разве для выхода из кризиса не

требуется нашей всеобщей самоотдачи? А потом разве народ, зримо проявляющнй в экстремальиых ситуациях свою коллективистскую, соборную природу, ие в состоянии, так сказать, в мирных, но обязательио демократических условиях соответствовать ей и реализовывать ее в спокойных, ритмичных и долговременных формах?

Дает надежду и то обстоятельство, что есть немало людей, для которых общественная собственность ие стала ни чужой, ни ничьей. Для многих моих коллег характереи увлеченный и ответственный труд, не подверженный никаким привходящим материальным и идеологическим обстоятельствам, основаниый иа гражданской и профессиоиальной чести. Его инициативиости никогда не мешало отсутствие частных форм собственности. Причем каждый из них ие считает свое отиошеиие к труду, к общественному достоянию чем-то исключительным. Это естественная норма, доступная каждому советскому человеку, тем более в новых условиях, открывающихся благодаря демократизации всех сфер жизни.

Миогие экоиомисты, от американского В.Леонтьева до советского С.С.Шаталина, с тревогой говорят о неготовности созиания наших людей принять жесткие правила рыиочиой игры на выживание, безжалостную психологию удачливого бизиесмеиа. А стоит ли ломать этот антимеркантильный строй души советского человека? Не в ием ли иаше бесценное духовиое богатство? Не в том ли все дело, чтобы создать общественные условия для безграничного созидательного проявления творческого бескорыстия народа? Думается, именно антистяжательская позиция, свойствениая миллионам советских граждан, вызвала иедоверчивое, иасторожеииое отношение к появлению кооперативов. И дело, коиечио, в большинстве случаев ие в зависти, как о том с хитроумным умыслом, представляя сложное явленне в выгодном для себя свете, пишут идеологи кооперативного предпринимательства. Завистиики просто пошли в кооператоры и все. Дело в принципиальном неприятии своекорыстных мотивов, лежащих в основе организации большинства кооперативов. Среди них едва различимы честные, трудовые кооперативные объединеиия, продающие свою продукцию по государствениым цеиам. В кооператоры пошли до

10% рабочих с крупных промышленных предприятий Свердловска. Это много. Но, с другой стороны, 90% устояли перед искусом получения во много больших заработков. И это тоже много. Откровенно рваческая деятельность многих кооперативов, считающих спекуляцию нормальным бизнесом, доказала, сколь безошибочным оказалось народное чутье. За 1989 г. число кооперативов возросло вдвое, а число уголовных преступлений, совершенных кооператорами, увеличилось в 5,2 раза. Прозорливость народной мудрости подтвердилась и политическим лицом руководства Всесоюзного союза кооператоров. Характерный факт. Когда во время предзимней забастовки шахты Воргашорской даже все шахтерские коллективы страны, признавая справедливыми требования воргашорцев, осуждали саму забастовку, только союз кооператоров и прибалтийские народные фронты, известные своей деструктивностью по отношению к союзной власти и социализму, политически солидаризировались с забастовщиками. А телепрограмма "Взгляд", всегда привлекавшая стремлением объективно-аналитически ставить острые социальные вопросы, опустилась до дешевой инсценировки, представив вице-президента союза кооператоров Артема Тарасова в шахтерской каске, обнимающегося с забастовщиками в одном из помещений Воргашорской.

Вселяет надежду и трезвость мышления миллионов людей, не поддавшихся призыву шести популярных политиков провести общесоюзную забастовку накануне открытия II съезда народных депутатов СССР. Это было бы все равно, что обливать простуженного человека холодной водой. Органическая забота о благе страны взяла верх над сиюминутными политическими расчетами.

Что еще? Хочется верить, что и агрессивный нигилизм одних молодых людей, и апатичность других — явления неглубокие, еще не иссушившие душу. Она остается способной вобрать в себя духовность предшественников, увлечься общим созидательным делом. В обществе нужен доверительный, откровенный разговор, нужен обращенный к сердцу каждого проникновенный призыв сплотиться вокруг социалистической идеи, выражающей подлинную социальную справедливость и свободу личности. Не верю,

что такой призыв ие дойдет до сердца советских людей. Мы решим все проблемы, если каждый из иас будет всегда трудиться профессионально н творчески, активно участвовать в политической жизни страны, внося свой вклад в решение всех управленческих проблем, иачииая со своего предприятия н кончая федерацией. Ну что иам мешает отдать себя работе, служенню общнм целям? И такое пробуждеиие совести нужно сейчас, как можно раньше, пока живы еще поколения солдат н детей войны, способные показать высокий пример рабочей чести н гражданской зрелости. Наше коллективиое трудовое единение позволит сиачала сиять насущнейшую проблему потребительского дефицита, разрешнть другне острые социальные вопросы и затем обратиться к последовательному иаращиванию созидательных усилий по выполнению долговременных задач, связанных с повышением качества жизни советских людей.

Таким образом, смысл перестройки - в кардинальных политических реформах, ведущих к подлинному иародовластию, и во всемерном укреплеиии и развитии экоиомики, базнрующейся иа общественном владенни собственностью. Только такой путь прнведет не к замене существующей формы отчуждения на иную, осиовывающуюся иа частиой собственности, а к его постепенному и окоичательному упразднению. Социалнстический идеал станет содержанием потребностей, интересов, ценностных орнентаций каждого человека, его верой, надеждой, любовью. Именно он, а не корыстиый интерес, будет окрыляющим мотивом, мобилизующим все возможности, все творческие силы людей. При этом созидательный труд каждого будет достойно оплачнваться обществом. Раскованная эиергия масс приблизит час осуществления принципы "каждому по потребиостям". Социализм выполнит свою историческую роль.

Сегодня ие только иаша страна, все коммуннстическое двнжение пережнвает трудный час самого ответствеииейшего в своей нсторни политического выбора. Авторитетиость властных режимов, существовавших в социалистических странах, и как следствие этого иеэффективность их экоиомик разуверили многих людей в социалистических идеалах, повернули их к социал-демократической платфор-

ме и социальио реформированному капитализму. Коммунистическое движение стоит на перепутье: или, отказавшись от социалистической идеи, пойти вправо, к обществу, основанному иа свободе частиой собствеииости и рынка, или продолжать идти вперед, очищаясь и освобождая через широчайшую демократию творческую эиергию социальио равных, свободных личностей. Новые политические силы в странах Восточиой Европы выбирают первое, убирая слова "коммунистическая", "социалистическая" из названий партий и республик. По этому пути идет руководство итальянской коммунистической партии. Сильны аналогичные иастроеиия в иашей стране. Каким будет иаш выбор?

P.S. Пока готовились иастоящие раздумья к печати, Верховный Совет СССР принял Закои о собственности, практически разрешающий ее частную форму. Шаг иа пути к обществу, осиованному на частнособственнической, рыночиой экономике, сделан. Это забвение памяти революциоииых поколений, солдат, погибших на полях Отечествениой, партийных и беспартийных коммунистов, расстрелянных или умерших в сталинских лагерях. Слова о вериости социалистическому выбору, произиосившиеся многими, оказались пустой декларацией. Потеряв социалистические условия, благоприятные для формирования коллективистской духовиости и широчайшего гуманизма, мы будем отброшены далеко иазад.

Надежды, выражеииые в этом материале, ие сбылись. Казавшаяся мне бесспорной очевидиостью правомерность социалистического выбора как лучшего способа достижения гумаиистического бытия помешали оцеиить потенции антисоциалистических сил в иашей стране.

II. Борьба идеологий — иаша сегодняшияя реальиость

После извращающей интерпретации лениского иаследия следующим шагом в деле интеллектуального обеспечения размываиия социализма

была идея деидеологизации всего и вся. Данная статья написана в мае 1990 года как ответ на приглашение редакции "Комсомольской правды" принять участие в обсуждении публикации А.Изюмова. Статья не была напечатана.

Требования деидеологизации общества, всей нашей жизни раздаются со всех сторон. Об этом и статья А.Изюмова в "Комсомольской правде" за 25.04.90. Не знаю, чего больше в подобных рассуждениях — наивного заблуждения или хитроумного расчета. Скорее последнего.

Отрицать идеологию — значит отрицать у людей, принадлежащих к одним и тем же социальным группам, национальным общностям, политическим организациям, общности определенных жизненных интересов, сквозь призму которых они осознают и оценивают окружающий мир. Идеология — это политическое и правовое самосознание, которым непременно обладают каждый класс, каждое сословие, партия, нация, другие социальные общности и принадлежащие к ним люди. Другое дело, что конкретная идеология в зависимости от характера лежащих в ее основе интересов может искаженно или адекватно отражать действительность, вредить или помогать практической деятельности человека.

А.Изюмов в качестве свободных от идеологии людей называет шведов. Вышедший в те же дни, что и его статья, N 17 "Аргументов и фактов" приводит данные о шведах, опровергающих это мнение. В партиях состоят более 1,5 млн. человек, т.е. почти треть электората; в выборах участвуют около 90% избирателей; главный признак, определяющий, за кого голосует избиратель, — его классовая принадлежность (8 из 10 рабочих отдают голоса социалистическому блоку, 8 из 10 предпринимателей голосует за три несоциалистические партии).

Показательно, что во второй половине статьи А.Изюмов уже сам говорит о необходимости идеологического обеспечения жизни, о нужде в идеологии здравого смысла. Следовательно, подлинная суть его позиции вовсе не в отказе от идеологии вообще, а в замене одной идеологии на другую. Под идеологией здравого смысла имеется в виду сугу-

бо прагматической подход к жизни с позиций личной материальной выгоды, который наиболее точно выражается известными словами "своя рубашка ближе к телу" и который, в частности, по мнению Изюмова, убеждает, что "приятнее" подвергаться частной эксплуатации за высокую плату, чем государственной — за низкую.

В этих утверждениях А.Изюмов не одинок. Его статья вливается в мощный поток газетной и журнальной публицистики, осуществляющей идеологическую подготовку перехода к частнособственническому обществу. Авторы ратуют за приватизацию общественной собственности, развитие частного предпринимательства, введение стихии свободного рынка. И хотя все эти выступления сопровождаются призывами к деидеологизации общественной жизни —это не более, чем фиговый листок. Они сами являются ничем иным, как самоутверждением и активным распространением идеологии своекорыстного, меркантильного прагматизма, прикрывающего свою откровенную бездуховность псевдонимом "здравого смысла". Причем идеологическая полемика с коммунистическим мировоззрением зачастую ведется без стеснения в приемах и выражениях. Достаточно послушать Н.И.Травкина, чтобы увидеть в его стиле идеолога ждановского толка. Произносимым им хлестким оценкам позавидовал бы любой антикоммунист периода холодной войны. Судите сами. Всех несогласных с его "здравым смыслом" Н.И.Травкин скопом считает бездельниками и шкурниками, из всех сил цепляющимися за насиженные места. Голосование, лишившее его слова на съезде народных депутатов РСФСР, он трактует как "оскал, который... наблюдал с трибуны бывший рабочий Травкин". (Кстати, вроде бы в нашей истории только Сталин позволял говорить о себе в третьем лице). Травкин очень сомневается в принципиальности коллег-депутатов:"В числе тех 499, которые голосовали против, были и те, кто, допустим, сидит рядом с секретарями обкомов. Они, возможно, в душе "за", но секретарь рядом, смотрит[29]". И в этом же интервью бывший коммунист, переходя к предельным обобщениям, утверждает, что из так называемых коммунистических идеалов были сложены стены тюрьмы, которые сейчас разрушены. Но

остался тюремный дворик с забором, колючей проволокой из псевдосоциалистических ценностей. "Сломать этот забор — задача новой партии", — заявляет демократ Н.И.Травкин.

Яростные выступления против социалистического выбора, к сожалению, имеют веские объективиые осиоваиия. Бесконечиое зло сталинской тирании не только в отнятых жизнях и изломанных судьбах миллиоиов людей. Вина хрущевского волюнтаризма ие только в лихорадочиой чехарде иеобоснованных реформ. Грех брежиевского прозябания ие только в анемичиой, беспомощиой иекомпетентности. За этими тоталитарными извращениями социализма, являющими собой разрыв между велеречиво провозглашаемыми идеалами и реальным попранием их в практических делах, тянется смертоиосный шлейф безверия и духовиого распада. Прибавьте сюда догматическую топориость, характериую для массовой идеологической работы, отсутствие реальиого демократизма во всех сферах жизни, следствием чего явилось перерождение плановости ведения экономики в командно-бюрократическую систему и бесстыдное злоупотребление служебным положеиием многих представителей власти. В итоге иаметившееся с иачала 60-х гг. иеуклонное и иарастающее снижение социальиой активности миогих людей привело страну к сегодняшиему экономическому и политическому кризису, к глубоким идейным и иравственным деформациям. В этом объективиый источник возникновения в умах людей, для которых марксизм всегда был заемным знанием, метафизически понятой альтериативиой логики, требующей просто-иапросто совершить поворот иа 180 градусов и отказаться от социалистического выбора.

С этих позиций советская история страны рассматривается однозначно как цепь намеренных злодеяиий, как бездушный эксперимент большевиков, а не вдохновеиный и искрениий поиск миллиоиами социальио справедливой организации человеческой жизни, имеющий ие только иепоправимые беды и роковые ошибки, ио и свои взлеты и достижеиия. Даже о трагической победе иад иацизмом, поставившем перед тем на колеии европейские демократии, победе, неопровержимо выявившей экоиомические возможности социализма и безграничиые духовиые силы советских лю-

дей, предпочитают забывать, не говорить. Одним словом, в основе идеологической позиции, называющей себя левой, демократической со всеми разнообразными оттенками, лежит отождествление конкретно-исторических извращений социализма с его сутью, перерастание закономерного неприятия бездарного и безответственного исполнения в отрицание самих марксистских идей.

"Демократы" считают, что идеологически противостоят им все без разбору партийные и государственные аппаратчики (это слово стало в их устах таким же клеймом, как "враг народа" в 30—40-е годы, и трафаретно применяется без всякого учета особенностей личности человека) и связанные с ними люди. Это плоское упрощение. Я никогда не работал ни в партийном, ни в советском аппарате, не был директором какого-либо производственного предприятия ("жирным котом", по терминологии П.Г.Бунича), но коммунистические идеи остаются для меня единственно обоснованной теоретической моделью практической реализации социальной справедливости и подлинной свободы человека. И аппаратчик аппаратчику, хозяйственник хозяйственнику зачастую рознь. Вряд ли демократично всех их огульно валить в одну кучу. Не признак ли это пристрастного, черно-белого, догматического, тоталитарного по своей сути мышления?

Демократизм в смысловом контексте конца XX в. — это не только приверженность к определенному типу государственного устройства, но и строй души, качество миροотношения, в которых воплощается признание прав и интересов, уважение к достоинству и жизненной позиции самых разных людей, групп и слоев, составляющих демос, народ. Демократичность — всегда толерантность, терпимость, неприятие, отбрасывание, недопущение огульности, размашистости оценок, ожесточения, тенденциозности. Как же можно, выступая против коммунистической идеологии, повторять все худшее, бесцеремонное, примитивно однозначное, оголтелое, что, к сожалению, было в практике ее топорной пропаганды? Как можно не считаться с тем, что миллионы честных, порядочных, активно деятельных людей, отнюдь не лодырей и шкурников, являются искренними привержен-

цами социалистической идеи? Подобная позиция, несомненно, питается личиой, корыстной заинтересованностью и в силу этого противостоит подлинному демократизму и человечиости.

Мие представляется, что среди людей, заявляющих о своей привержеииости социалистическому выбору, можно выделить 3 группы. Во-первых, это действительио партийные и государственные чиновники, для которых коммунистическая фразеология всегда была только средством достижения безмятежного номенклатуриого бытия и которые всем своим иеправедным существованием только дискредитируют социалистические идеи. Демократизация и гласность должны быть направлены на предметную, конкретную борьбу с каждым из этих конъюнктурщиков от марксизма.

Ко второй группе нужно отиести людей, глубоко верящих в идеалы социализма, ио ие способных, к сожалению, критически оценить его трагическую, противоречивую реальную историю, осудить насильственные методы его строительства. Они достойны уважительиой полемики.

Накоиец, третью группу составляют марксисты, убежденные в животвориой силе социализма и видящие свою задачу в критическом анализе догматических и тоталитарных извращений его теории и практики, в творческом поиске путей и форм подлинно социалистического развития, в идеологическом противостоянии попыткам перевода советского общества иа частнособственнические рельсы, что лежит в основе программ самых различных политических группировок, именующих себя демократическими.

Не проходит дня, чтобы идеологи рыночной экономики, особенно Н.И.Травкин и П.Г.Бунич на телевидении, по радио или в печати, не убеждали иас в том, что человек, получив в частную собствеиность (индивидуальиую или коллективную) средства производства, будет трудиться ие покладая рук своих, во много раз производительиее сегодняшиего иаемного работника, для которых общественное достояние выступает как ничье, и полки магазинов будут заполиены товарами. Какая зряшная трата энергии! Это же очевидно, и действительио находится в границах досягаемости для элементарного здравого смысла, и, предлагая удиви-

тельно простое решение ненавистной проблемы дефицита, отвечает самым насущным чаяниям замученных бытом людей. Но всегда ли лежащее на поверхности решение оказывается самым глубоким? История знает немало случаев, когда здравый смысл посрамлял себя примитивностью и недальновидностью своих умозаключений. Приватизация общественной собственности способна накормить людей, да и то с большой дифференциацией реальных возможностей, но она не в состоянии разрешить многих сложнейших проблем социального и духовного бытия человека. Опыт же отечественной культуры свидетельствует, что наш соотечественник не умеет удовлетворяться сытостью.

Несколько лет последующей деятельности Н. И. Травкина убеждают, что это действительно так. Став главой администрации Шаховского района Московской области, занимая одновременно пост министра без портфеля в правительстве Черномырдина и будучи энергичным, толковым хозяйственником, Николай Ильич много сделал для улучшения материального положения жителей района. Но на недавних местных выборах проиграл (?), непостижимым образом не был избран в своем районе главой администрации.

Размеры газетной публикации не позволяют вступить в развернутую полемику с оппонентами. Попробуем только обозначить точки мировоззренческого противостояния в названном, главном, на мой взгляд, направлении современной идеологической борьбы.

1. О мотивации деятельности. Является ли личный материальный интерес самым сильным стимулом человеческой деятельности, как считают идеологи "здравого смысла"? По сравнению с личной зависимостью и экономическим принуждением несомненно. Но все-таки, он проистекает из телесности человека, из его витальных нужд, озабочен достижением собственного, в лучшем случае семейного, экономического благополучия и поэтому всегда не выходит за узкие рамки своекорыстного успеха. Частнособственнический интерес может способствовать высоким достижениям

человеческой культуры только тогда, когда это сулит собственнику материальные выгоды. Высшим мотивом, вызывающим безграничную понсковую энергию человека, является стремление бескорыстно служить благу людей и всесторонне, творчески осуществить н этом свою человеческую индивидуальность. Гении и пророки человечества, как правило, были бессребрениками. Предприниматели же тиражировали их свершения н наживались на этом. Этим я на хочу умалить социального значения частного предпринимательства, но утверждаю только, что личная матернальная выгода не является главным двигателем социального и духовного роста и не в ее всемерном культивировании заключена наша сегодняшняя задача. Трагически противоречивые годы советской истории породили проходящее через все слои нашего общества разделение людей коллектнвистской нравственности, по-хозяйскн болеющих за общественное достояние, и временщиков, угрюмых, казенных исполнителей или бесшабашных летунов. Трудно сказать, каково между ними количественное соотношенне, но первых больше, чем кажется рыночным реформаторам, сводящнм всех нас ко вторым н поэтому считающнм выдвнжение на первый план собственнического интереса единственным путем дальнейшего социального развития.

2. Форма собственности н духовность человека. "Человек должен быть поставлен в условия,— говорит Н.И.Травкнн,— когда забота о себе и своей семье в результате приносит благо всем". Это во многом иллюзия. Не может общественное благо во всем его объеме, во всех его сторонах быть спонтанным, автоматнческнм следствнем единоличной заботы человека о себе и своей семье. Конкурентная борьба частных собственников, конечно, обеспечивает рост товарной массы и ведет к повышении ее качества. Но разве эти задачи не могут быть обеспечены честным и высоко профессиональным трудом свободных производителей, объединенных во всеобщую ассоциацию на основе общественного владення собственностью? Развитие частного предпринимательства через налоги повышает бюджет государства, который может быть направлен н на помощь малоимущим гражданам. А не лучше ли решать этот вопрос так, чтобы таковых вообще не было?

Появление частной собственности устраняет отчуждение хозяина от условий труда и его продукта. Но сохраняет возможность отчуждения от содержания процесса труда, который, как правило, начинает для владельца выступать только как средство получения прибыли. Поэтому неважно, чем заниматься: что производить,чем торговать, последнее предпочтительнее,— важен размер барыша, который приносит данный бизнес. Его выбор чаще всего обуславливает не перспектива самоутверждения своей человеческой индивидуальности, а близлежащие, наиболее доступные обстоятельства, ситуативные условия, обещающие скорый материальный успех.

Что касается отчуждения в отношениях между людьми, то переход к частнособственническому бытию после социалистического образа жизни обострит его многократно. Оно выразится и в безжалостной конкурентной борьбе за экономическое выживание и вожделенную максимальную прибыль, и в стремлении, хотя часто и завуалированном внешней благопристойностью, нажиться за счет кошелька потребителя, и в форме жесткой эксплуатации людей наемного труда. Только общественное владение собственностью является экономической основой исключения из жизни социальных антагонизмов.

Переход нашей страны к частной собственности и рыночным отношениям усилит социальное неравенство. Особенно вопиюще оно выразится в несправедливости неравного жизненного старта молодежи, определяемого не личными дарованиями человека, а размерами состояния его родителей. А неравенство людей перед болезнью? Что может быть более антигуманным, бесчеловечным? Среди минимального числа программ, выполнение которых остается за государством, Н.И.Травкин называет "медицинское обслуживание необеспеченной части населения". Богатые же будут получать высококвалифицированную помощь у частно практикующих светил. Чем же виноват ребенок из многодетной семьи, лишенный лечения по последнему слову медицинской науки? Могут сказать, что такое случается и сейчас. Но это аномалия, результат все того же антидемократического нарушения принципов социализма. Нам же

предлагают сделать это естественной нормой для общества, резко дифференцированного по имущественному и социальному признаку.

Самый опасный подводный камень, который не способен предугадать здравый смысл и который протаранит нас в случае установления в обществе рыночных отношений, — это рождение и утверждение в жизни человека с доминированием меркантильного, узко прагматического отношения к миру, с утилитарным типом мышления, обеспокоенного больше всего тем, чтобы не продешевить. Это будет победа корыстолюбия над подвижничеством, духовной свободой, чуждой всякого расчета нравственной самоотдачей. Это будет торжество бездуховности. Критик многих сторон коммунизма, Н.Бердяев тем не менее писал: "Именно капиталистическая система прежде всего раздавливает личность и дегуманизирует человеческую жизнь, превращает человека в вещь и товар, и не подобает защитникам этой системы обличать коммунистов в отрицании личности и в дегуманизации человеческой жизни(30)". Первые же шаги приближения к рыночной экономике дали разгул безжалостного группового эгоизма. Несовместимость товарно-денежного фетишизма, коммерциализации с высокой духовностью наглядно показывает театральная, кино-, видеопродукция, эстрадные программы многих кооперативно-творческих объединений. Бесперспективно надеяться, что собственника можно удержать от безжалостного прагматизма экономическими же методами. Они только укрепят потребительский строй души.

3. Уровень производства и социализм. Нередко говорят, что существование социалистических общественных отношений, обязательным моментом которых является преобладание коллективных начал в сознании людей, сегодня нереально из-за низкого уровня развития производительных сил нашей страны. Мы должны пройти стадию, аналогичную первоначальному капиталистическому накоплению. Действительно, мы технически во многом отстаем от развития передовых капиталистических стран. Но далеко не во всем. Было бы примитивным упрощением ставить производственные и все социальные отношения в буквальную, прямую зависимость от количественного и качественного уровня

существующих производительных сил. В нашей стране они неровно развиты. Но передовой технический потенциал, природные богатства и профессиональные и культурные человеческие ресурсы таковы, что они способны быть, в отличие от 20-х гг., материальной основой социализма, обеспечить рост всех отраслей производства, выровнять технологический уровень всего хозяйства страны.

Таковы некоторые пункты идеологической борьбы, захватившей наше общественное сознание. Решение высшего политического и государственного руководства страны вводить рыночные отношения мне представляется ошибочным. Оно может быть объяснено двумя причинами. Инициаторы перестройки, хорошо понимая, от чего нужно отказаться, сосредотачивая все усилия на критике эпохи застоя, не имели тщательно проработанной положительной, в том числе и экономической, программы. Начавшийся отказ от административно-командных методов руководства не сопровождался одновременным введением хорошо продуманных новых способов экономического управления. Это привело к большим дисбалансам в экономике. Отчаявшись в своих попытках навести порядок на потребительском рынке, сиять проблему бюджетного дефицита, правительство поддалось на уговоры идеологов рыночной экономики. Вторая причина заключается в том, что руководители страны убедили себя в убеждают людей в том, что этот шаг не означает отказа от приверженности социалистическому выбору. Отсюда и появляются формулировки "планово-рыночная экономика", "регулируемый рынок". Все это утопия. Рынок с его конъюнктурными механизмами или есть как определяющий регулятор экономической деятельности общества, или его нет. Опыт капиталистических стран последних двух десятилетий показывает, что регуляция рынка не может заходить далеко, он противится ей, она противоположна его природе. Рыночная же экономика невозможна без развития частиой собственности, т.е. такого общественного отношения, когда средства производства служат индивидуальному или коллективному собственнику средством личного обогащения. Это первично, определяюще. А потом уже, опосредованно, при определенных условиях экономическая деятельность

частного собственника может быть полезна и другим людям. Какой уж тут социализм и единение трудящихся? Именно поэтому столь непоследовательны и половинчаты рыночные разработки правительства.

Хочется еще раз подчеркнуть в связи с проблемой рынка: дело прежде всего не в том, что платой за сбалансирование спроса и предложений станет резкий скачок цен, появление безработицы, хотя и это чрезвычайно острые, чреватые социальными конфликтами проблемы. В конце концов они могут быть в какой-то степени сглажены мерами социальной защиты. Но неизбежными и неустранимыми окажутся негативные гуманитарные и духовные последствия рыночно-прагматического бытия человека.

Альтернативы рынку нет — слышишь все чаще. Говорят это уже и в профсоюзных комитетах, и в рабочих коллективах. Представляется, что это результат воздействия идеологии "здравого смысла", мешающей трудящимся выразить иную, отвечающую их подлинным интересам мысль: нет командно-бюрократической системе, нет авторитарности и привилегированным социальным кастам, нет уравниловке и непрофессиональной работе спустя рукава. Нужны глубокие, политические и экономические, демократические реформы, обеспечивающие реальную власть представительных органов народа, снимающие противоречие между государственным и общественным, общенародным, дающие высокую степень хозяйственной самостоятельности производственным коллективам, создающие неограниченные возможности для раскрытия всех творческих потенций и инициативы каждого труженика, позволяющие предприятию достойно вознаграждать его за свой труд без каких-либо потолочных ограничений. Но без денационализации общенародного достояния, без возвращения к частной собственности, без стихии рыночных отношений. Примером решения экономических проблем в этом ключе может служить Закон о земле, по которому она может передаваться в индивидуальное или коллективное владение и пользование, но без права купли-продажи, при сохранении ее статуса как общенародного достояния и права распоряжения ею за Советами.

Суть общественной потребности времени в том, что нужен не просто инициативный, профессиональный работник, а ориентированный на общее благо, духовно богатый человек, рачительный хозяин не своей лавочки, а всего общенародного достояния. Рыночные отношения не породят его. У нас единственный путь — всемерное развитие сформированной социализмом духовности: еще сохраняющегося в народе органического неприятия стяжательства, алчности, почитания подвижничества, трудовой доблести, профессиональной чести, беззаветной преданности общему делу. Подлинная задача перестройки состоит в создании таких общественных условий, при которых, во-первых, названные общечеловеческие, подлинно гуманистические ценности становились бы определяющими жизненными мотивами людей, и, во-вторых, трудящиеся были бы твердо уверены в справедливой оплате обществом их не основанного на меркантильном расчете, инициативного, увлеченного труда.

III. МАНИФЕСТ ОТСТУПНИЧЕСТВА

Постепенно в либеральном сознании расчет на психологическую подготовку переворота путем внедрения тезиса о дендеологизаторстве сменился прямым теоретическим обоснованием необходимости замены социализма частнособственническим укладом. Статья написана в феврале 1991 года. Была не принята в "Вечернем Свердловске" и в "Уральском рабочем".

Эта статья вызвана прежде всего публикацией в "Литературной газете" за 30.01.91 беседы трех видных общественных деятелей, Ф.Бурлацкого, С.Алексеева и С.Шаталина, под заголовком "Альтернатива дроблению левых сил — движение к социальной демократии". Это выступление вызывает неприятие как с нравственной, так и с теоретической точки зрения.

Нравственный аспект. Мне меньше всего хотелось бы походить на тех многочисленных авторов в области сегод-

няшней публицистики, которые озабочены прежде всего не обретением правды, а стремлением похлеще обозвать оппонента. Но в данном случае употребленные резкие слова, мне кажется, точно соответствуют содержанию публикации. Судите сами.

Ф.Бурлацкий сегодня говорит, что "коммунизм во всем мире, социализм в нашей стране — пустые и опасные иллюзии". Между тем в вышедшей всего полтора года назад книге "Введение в марксистское обществознание", написанной группой авторов, в том числе и Бурлацким, обосновывается: "Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало утверждению нового общественного строя, наиболее адекватного потребностям конца XX века — социализма[31]". В книге содержится отдельный параграф, названный "Социализму принадлежит будущее". Каким словом назвать столь резкий, на 180 градусов, поворот во взглядах Ф.Бурлацкого?

С.Шаталин в 1987 году писал вместе с соавторами, что стратегический курс, разработанный апрельским (1985) Пленумом ЦК КПСС и XXVII съездом, "является органической частью концепции ускорения социально-экономического развития, базируется на анализе фундаментальных характеристик экономики социализма, объективных закономерностей ее перерастания в коммунизм[32]". Осуществление этого курса ведет к росту народного благосостояния, которое, по словам академика, "выступает как последовательно коммунистическая альтернатива идеалам "потребительского общества", культивируемым на Западе[33]". Сегодня же, три года спустя, он заявляет:"Я против коммунизма, против коммунистической идеологии". По-видимому, чувствуя нравственную уязвимость своей позиции, Шаталин в одном из своих выступлений в печати (число их в последнее время быстро растет, уступая по количеству разве что публикациям Н.Травкина и П.Бунича) заявил:"Я не "отщепенец", заквашенный на дрожжах антикоммунизма, и не диссидент. Я родом из сверхкоммунистической семьи....Я сиживал на коленях М.Ф.Шкирятова и Г.М.Маленкова, знал В.М.Молотова, А.А.Андреева, Н.М.Шверника". На деле эти картинки прошлого ведут только к углублению противоречия:

отступничество проявляется не только на мировоззренческом, но и на межличностном, семейном и дружеском уровнях.

С.Алексеев, в отличие от своих собеседников пытается сохранить связь с "марксистской идеей преодоления отчуждения работника от результатов его труда, идеей перехода к позитивному гуманизму —этой действительно общемировой идеей". Но в противоречии с этой посылкой, повторяя Бернштейна, он говорит, что не должно быть "некоей заданной свыше идеи, какой-то грандиозной конечной цели, к которой все одинаково должны стремиться. ...Мы должны обозначить в качестве основного пункта не строительство социализма, а созидание правового гражданского общества, которое вбирает сообразно реальным потребностям жизни те или иные элементы социалистического идеала". Эта сугубо прагматическая позиция разительно отличается от той, на которой стоял С.Алексеев три года назад:"Социализм уже добился высших идеалов свободы —свободы от эксплуатации, угнетения, насилия, реальной свободы людей, да и само движение человеческого общества по пути социального прогресса, к коммунизму есть переход, по словам К.Маркса, из царства необходимости в царство свободы. И жалкой насмешкой над истиной, фактами и историей выглядят попытки буржуазных пропагандистов и политиков изобразить в пышных и торжественных красках буржуазную общественную систему, погрязшую в эксплуатации, угнетении людей труда, нравственной деградации, в виде некоего свободного обществ[34]".

Таким образом, в каждом из трех случаев речь идет не об эволюции политических взглядов, осмысленной и поведанной авторами, а о скороспелом отречении от своих прежних марксистских позиций, которые, по-видимому, были для них не более, чем школьное знание. Отступничество сопровождается довольно-таки циничными откровениями политического плана. Все три собеседника определенно занимают антисоциалистические позиции. Они даже понятие социал-демократия раскрывают не как социалистическая, а как социальная демократия. И, несмотря на это, приходят к выводу, что нужно оставаться в рядах КПСС. Почему? По соображениям откровенно прагматическим. КПСС имеет

четкую организационную структуру, которую можно использовать для объединения своих сторонников, для создания социал-демократического течения внутри КПСС. "В то же самое время надо формировать и за рамками партии социал-демократию как более широкое общественное движение, к которому примкнут многие имеющиеся уже малые партии. Это движение позволит объединить усилия тех, кто остается внутри КПСС, с находящимися вне ее рамок". Такая вот "чистота" помыслов и принципиальность.

Особенно неприглядна позиция С.Шаталина. Заявлять себя противником коммунизма и не брать самоотвод, избираться в ЦК КПСС. В письме М.С.Горбачеву он просит его отказаться от поста генсека, и тогда КПСС развалится к пользе народной[35]. Член ЦК, мечтающий о развале своей партии. Это ли не цинизм![36]

Диву даешься, как С.Шаталин был привлечен Горбачевым, постоянно подчеркивающим свою приверженность социалистическому выбору, в качестве экономического советника. Неужели прав Ф.Бурлацкий, сказавший, что наш Президент говорит о социализме всуе?

Теоретический аспект. Здесь мы не ограничимся анализом публикации в "Литературной газете", постараемся обобщить, какое решение получают социально-экономические проблемы нашего общества в сегодняшней общественной мысли.

Сторонники самых различных идеологических ориентаций, да и сама объективная необходимость перестройки исходят из констатации отсутствия у многих советских людей заинтересованного, по-настоящему хозяйского отношения к общественному достоянию и вытекающего отсюда безынициативного, казенного осуществления своей трудовой деятельности. Общенародная собственность реально выступает как чуждая им, по крайней мере как ничья. Массовое отчуждение от труда — кардинальная причина экономического кризиса, переживаемого страной. Почему так произошло? Что делать?

Все разнообразие ответов на эти вопросы, в конечном счете, определяется тем, как решаются две кардинальные взаимосвязанные проблемы: каков тот побудительный мо-

тив, который обуславливает наиболее эффективную экономическую деятельность людей; ответ на этот вопрос, в свою очередь, зависит от того, как понимается сущностная природа человека.

При различии оттенков все политические деятели, называющие себя "демократами", исходят из того, что "общества "коммунизм" в истории человечества не было, нет и никогда не будет. Оно противоестественно[37]" (С.Шаталин). А как же быть с фактом, что социальное, человеческое возникает в эпоху верхнего палеолита как общинное, объединенное равенством, коммунистическое, хотя и в своей примитивной, первобытной форме? И просуществовало несколько тысячелетий. А как же тогда быть с тем, что вековую мечту о социальном равенстве, подчеркиваю, не о равенстве способностей, не о нивелировке личностей, а о социальном равенстве, о подлинном, действительном равенстве возможностей, об уважительном отношении к достоинству каждого честного человека, продиктованном его реальными делами, а не происхождением, или доставшимся ему по наследству богатством — эту вечную надежду народов воплощала на протяжении столетий фольклорная, религиозная, художественная культура человечества, всегда утверждал как высшую ценность нравственный народный опыт.

"Демократы" исходят из убеждения, что человек по своей природе существо единоличное, себялюбивое, стремящееся всегда "грести под себя". На культивировании этого качества, на развитии частнособственнических отношений, считают они, и должна строиться организация общества. Особенно прямодушно такая позиция выражена С.Н.Федоровым: "...никакими директивными призывами народ в атаку не поднимешь. Народ можно поднять в атаку только тогда, когда ему будет интересно туда бежать, если он знает, что, захватив (?) деревню, приобретет там хорошую одежду,— тогда он побежит. А так он будет по-прежнему в окопе сидеть[38]".

Отсюда требование перехода к рынку, не расширение действия товарно-денежных отношений в рамках социалистической экономики, что совершенно необходимо, а именно превращение рынка в определяющий регулятор, движущую

силу экономического развития страны. Вместо взвешенного анализа преимуществ и недостатков существующей экономической системы, выявления причин того и другого, сопоставления возможных вариантов выхода из кризисного состояния мы до последнего времени каждый день из уст комментаторов информационных программ телевидения и радио, со страниц газет и журналов слышали и читали одну и ту же, методически повторяемую, вколачиваемую в наше сознание фразу: альтернативы рынку нет. Сейчас средства массовой информации, окончательно превращая этот тезис в аксиому для массового сознания, не допуская сомнений в нем, целиком и полностью переключили наше внимание на вопрос о том, какая из программ перехода к рынку эффективнее, при этом, как водится, не знакомя сколько-нибудь подробно с содержанием обсуждаемых концепций. Парадоксально, но факт: в общественной мысли по существу не было глубокого и всестороннего анализа рыночной экономики, не обсуждались иные, альтернативные рыночному варианты экономического развития. Есть у этой пропагандистской кампании и традиционный атрибут всякой тотальной идеологической обработки — образ врага. Опять на свет вытаскивается этот дискредитирующий жупел. Сейчас врагами являются все без разбору партийные и государственные аппаратчики. Одно это плоское упрощение может вызвать законное сомнение в объективности и честности идеологов рыночной экономики.

Между тем, элементарная порядочность и научная этика требуют открыто признать, что существует два типа экономики: организация производства ради получения в руки собственника наибольшей прибыли, образования частного капитала и организация производства, преследующего задачу удовлетворения жизненных потребностей людей, образующих ту или иную общность. Такая цель делает экономику второго типа наиболее гуманной, человечной. Движение истории ведет к тому, чтобы производство, целью которого является человек, служило удовлетворению материальных и духовных потребностей все более масштабных общностей людей, переходило от простого к расширенному воспроизводству. Но этот переход не возможен без складывания и

завоевания доминирующего положения на большой период исторического времени экономики первого типа, производства ради производства, проникновения товарно-денежных отношений во все поры общественного организма. Только так, эксплуатируя узко личный инстинкт самосохранения, примитивное стремление к накопительству, можно в условиях планетарной материальной бедности развивать производительные силы , расширять производство, чтобы создать экономические условия, позволяющие человечеству вырваться из тисков нужды. В этом цивилизаторская роль рыночной экономики. Но признание ее объективной заслуги в деле развития материально-технических возможностей общества не дает право не видеть, что осуществляется это достижение в течение длительного исторического срока за счет ущемления жизненных возможностей большинства индивидов. Погоня за собственным богатством неустранимо выступает ограниченной и превратной формой развития созидательных человеческих сил. Капиталистическая организация экономического базиса человечества не может быть вечной, не может не уступить место экономике, при которой потребительская стоимость доминирует над меновой, стихийно складывающейся в рыночной конъюнктуре, а живой, творческий труд над овеществленным.

Социалистическая организация производства есть попытка в новых исторических условиях развивать экономику, ориентированную на человека. И как всякое первопроходческое движение, эта попытка вбирает в себя много упущений, недочетов, ошибок, к сожалению, усиленных субъективными причинами некомпетентного и безнравственного характера. Задача заключается в поиске возможностей для усиления, обогащения сильных эффективных потенций экономики, действительно социально ориентированной. А на деле социально ориентированная экономика не может не быть распределительной. Смешно и глупо вместо вдумчивого анализа обрушиваться в яростном критическом запале на данный тип экономики с позиции совершенно иной, мотивирующейся частной выгодой. Ехидное ерничанье по поводу социализма, не признающего объективных экономических законов, то же самое, что насмешка латифундиста эпохи

первоначального накопления над соседом, вознамерившимся тратить значительные ресурсы, фииансовые н духовные, на интернаты для больных детей и дома для престарелых.

Рынок в своем полном объеме, через конъюнктурную стихию осуществляющий регуляцию экономического развития, возможен только на началах частнособственнических отношений. Отсюда обязательное требование приватизации общенародной собственности, созданной трудом многих поколений, образование частных предприятий, где средства производства, прннадлежащне индивидуальному или коллективному собственнику, служат прежде всего задаче личного обогащения. Попыткн политического н государственного руководства страны представить предстоящую организацию хозяйства как "планово-рыночную экономику" или "регулируемую рыночную экономику" вызывали только нронические улыбки С.Шаталина, Н.Петракова н других орнентированных на Запад экономистов. Показательно, что в последние годы неоконсервативные правительства капиталистических стран резко сократили государственное регулирование рыночных отношений. Оно инородно самодвнжению частной собственности, двнжительной роли рынка, несовместимо с ним, у них разные группы кровн.

Кто заинтересован в переходе к частнособственническим отношениям, чьн интересы выражают идеологи рыночной экономнки? Существо их выступлений не оставляет сомнений, что они озабочены не благом страны, народа, а судьбой нынешних н будущих предпринимателей — людей энергичных, хватких, даже талантливых, но думающих только о собственном преуспевании, о подведении под него законных оснований. Разумеется, их деятельность через произведенные товары, уплату налогов приносит пользу н обществу, но спонтанно, как автоматическое следствне заботы о себе н в границах этой заботы. Согласитесь, что структура потребностей, где на первом месте стоит свой собственническнй интерес, делает зыбким н призрачным счастье всех. Устойчнвое общественное благо во всем своем объеме на основе частного предпринимательства построено быть не может. Да н потом, далеко не все смогут стать предпринимателями. О миллионах наемных трудящихся тоже надо

задуматься. Знаменательно, как сопоставлял два вида мотивации такой честный критик коммунизма как Н.Бердяев. "В отношении к хозяйственной жизни можно установить два противоположных принципа. Один принцип гласит: в хозяйственной жизни преследуй свой личный интерес, и это будет способствовать хозяйственному развитию целого, это будет выгодно для общества, нации, государства. Такова буржуазная идеология хозяйства. Другой принцип гласит: в хозяйственной жизни служи другим, обществу, целому и тогда получишь все, что тебе нужно для жизни. Второй принцип утверждает коммунизм, и в этом его правота[39]".

По мнению "демократов", в том числе и наших авторов из "Литературной газеты", обладание частной собственностью не только рождает мощный хозяйский интерес к жизни, но и является основой свободы человека. От собственности идет и настоящая демократия. Очень знаменательно, что, рассматривая социальную демократию как баланс между экономической свободой и социальной защитой, собеседники многократно подчеркивают, что социальная защищенность не должна душить личную свободу и инициативу (Алексеев), "социальная демократия — это прежде всего демократия, а уж потом социальная защита".(Бурлацкий). Из этих определений становится ясно, что свобода и демократия нашими авторами связываются с деятельностью предпринимателей, а социальная защита — с установлениями, выражающими интересы наемных работников. Причем данное экономическое противоречие рассматривается ими с точки зрения интересов предпринимателей. Перед нами оказывается не что иное как модель социально реформированного капитализма. Говорят, что понятия "капитализм", "социализм" мало что дают для понимания нашего мира, нужно отказаться от всяких измов. Отказаться от речевого употребления нетрудно, но остаются жизненные реалии, определяемые этими понятиями. И теоретический анализ действительности не может обходиться без них. Употребление вместо понятия "капиталистические" аморфного понятия "цивилизованные" страны — попытка уйти от прямого ответа и замаскировать характер социальных преобразований, происходящих в стране.

А идут они по пути развития частного предпринимательства. Является ли такая форма бытия единственным основанием и высшим проявлением столь желанной человеческой свободы? Вряд ли. Серьезная трактовка проблемы свободы требует обязательно ответов на вопросы "свободы от чего" и "свобода во имя чего". В свою очередь, дать этим вопросам разрешение, соответствующее сути человеческой природы, можно только на основе нахождения гармонии, обогащающей взаимодополнительность двух родовых качеств человека: коммунитарности (в пределе — нравственности) и творчества. С одной стороны, условием становления творческих, неповторимых личностей и, вследствие этого, нарастания, усиления созидательного, эвристического потенциала человечества являются автономность, самостоятельность, внутренняя обособленность индивида. Выделение из общего ряда порождает освобождение от неукоснительного следования общеизвестному, общепринятому, общепризнанному, от власти стереотипных штампов, расхожих мнений, от диктата государственных и общественных институтов, когда они направлены на ущемление индивидуальности личности. С другой стороны, творческое самоосуществление человеческой индивидуальности оправдано и становится вдохновенным, достигающим наивысших пределов, когда оно направлено на свершение добра, служит благу людей,сородичей, соотечественников, современников, и не опосредованно, не в конечном счете, а прямо и непосредственно.

Противоречие социум — личность, единение — обособление — вечное онтологическое основание человеческой истории, постоянно возникающее в ходе ее динамики и способное получать гармоническое разрешение. Частнособственничество по определению не может дать подлинного и кардинального снятия этого противоречия. Оно имманентно несет в себе своекорыстный расчет, леденящий потенциал отчуждения, непременно приводит одного собственника к противоречию с другим лицом, претендующего на такую же предпринимательскую свободу. Поверим предостережениям А. Зиновьева "Современное западное общество есть не сумма частников, а иерархическая структура с отношениями

подчинения и соподчинения... Мелкое и в значительиой мере среднее частное предпринимательство на Западе ие такое уж свободное, как думают в Россни. Сфера его действия ограничеиа многими условиями, включая других частников. Никакой "свободной игры цеи" тут вообще иет. Цены лимитированы и фактически ие завнсят от воли отдельных частников. Причем, цены неуклоино растут помимо воли предпринимателей и их клиентов. Из иачииающих частнников выдающихся успехов добиваются единицы. Большинство влачит унылое существование или прогорает. Мелкие н средние частники обречены иа риск и тяжелый труд[40]".

Названиое бытийное противоречие может получить иаиболее устойчивое и позитивиое, конструктнвное разрешение только иа осиове социальиого равеиства и бескорыстиой сопричастностн людей, объединеиных сотруднической деятельиостью и совместно владеющих вещным н духовным богатством. Таков единственный путь, ведущнй к беспредельному развитию нсторического творчества, озаренного высокой иравственностью, к мнру н счастью человечества.

Кстатн, эта мысль ие принадлежит исключительио марксистскому мировоззрению. Она достоянне общечеловеческого гуманитариого опыта, подлинио духовной культуры. Лет 15 иазад в рамках обсуждений проекта новой Коиституции СССР у иас, иа философском факультете Уральского госуниверситета выступал Сергей Сергеевич Алексеев. Если ие ошибаюсь, ои был однн из разработчнков Коиституции 1977 года. Выступление С. С. Алексеева иа меня н моих коллег произвело неизгладимое впечатленне. Своей убежденностью, яркостью, иовизиой мысли. Ои показал связь проекта иовой Коиституции с международными пактами об экоиомических, социальных н культурных правах н о гражданских н политических правах, незадолго до этого принятых Генеральной ассамблеей Организации Объединенных Наций. Именно благодаря Сергею Сергевичу в мое сознание вошли тезисы из общей преамбулы этих пактов. "Идеал свободной человеческой личиости, пользующейся гражданской и политической свободой и свободой от нужды, может быть осуществлеи только если будут созданы такие условия, при которых каждый может пользоваться своимн

экономическими, социальными н культурными правами, так же, как н своими гражданскими и политическими правами". И нн слова о частной собственности как осиове свободы личности. Более того, в преамбуле утверждается, что "каждый отдельиый человек имеет обязанности в отношенин других людей и того коллектива, к которому он принадлежит", н поэтому "должен добиваться поощрения н соблюдения прав, призиаваемых в настоящем Пакте".

И вдруг сейчас С. С. Алексеев в классическом духе идеологических подручных, обосновывающих естественность н необходимость имущественного иеравенства, рассуждает о том, что социальиая защищенность, то есть свобода от нужды, должна нметь строго ограннченные рамки, иначе оиа породит бездеятельность, безынициативность масс населения, ляжет препятствнем для ннициативы, выражения духовиых сил личности. Свобода связывается только с частной предпринимательской деятельностью. Читая такое, трудно было повернть глазам своим. Что произошло? Почему на 180 градусов С. С. Алексеев измеиил свои убеждения? Убеждения ли? Ои никогда не казался конъюиктурщиком. Его интеллект должен был позволить ие отождествлять коммунистнческую идею с ее во многом иеудачным н даже искаженным первопроходческим исполиением. Что же остается? Доминнрованне в душевном строе его личности сугубо прагматического трезвого расчета, стремление к личной житейской преуспеваемости, основанное на вере, что себялюбие составляет суть человеческой природы?

Необходимо противопоставить оборотническим утверждениям бывших маркснстов положения о том, что единственно возможной экономической основой устранения антагонистических отношений, основой единения людей, обретения нми подлинной свободы является общественное владеиие собственностью. Как же можно от этого отказываться? Положение программы, разработанной под руководством Шаталиия, о том, что передача государственного имущества гражданам является возвращением собствениости народу есть не более, чем идеологическая риторика. Разгосударствление — передача общественного достояння не иароду, а отдельным собственникам, связанным отныне че-

рез корысть. Если это произойдет, в духовном отношении мы будем отброшены далеко назад. Несмотря на серьезные нравственные потери последних десятилетий, в народе еще достаточно силен антистяжательский дух. Это бесценное богатство. Действительно, отсутствие прагматизма может быть источником безынициативного, равнодушного отношения к работе. Но возможен и иной исход. Ведь антимеркантилъность является самой прочной основой душевной отзывчивости, стремления служить общему благу, бескорыстного творческого отношения к труду. Это как свободное время. Оно может быть использовано на добро и во зло, но от этого не перестает быть величайшим социальным богатством.

Нужен прямой откровенный разговор с народом о том, что не купля-продажа, а честный, увлеченный труд на совесть может решить все наши проблемы и сделать нас счастливыми. Социализм несет с собой объективные возможности для самой широкой демократизации жизни и формирования высокой нравственности, но он может существовать и эффективно развиваться только как результат всесторонней реализации этих возможностей в реальной и вдохновенной деятельности всех и каждого.

IV. Почему я не буду голосовать за Б. Н. Ельцина

> **Эта статья с небольшим сокращением и изменением заголовка была опубликована 6.06.91 г. в "Уральском рабочем". Помещаю ее здесь как еще одно свидетельство нравственно-мировоззренческих перерождений, подготовлявших смену общественно-политического строя в стране.**

Б. Н. Ельцин вошел в круг моего сознания, когда, будучи первым секретарем Свердловского обкома КПСС, начал проводить многочасовые максимально откровенные и честные встречи с разными группами трудящихся. Перед нами предстал партийный руководитель, досконально знающий положение дел во всех сферах жизни области, не боящийся

идти на прямой диалог с народом, по-настоящему озабоченный насущными проблемами людей. Было искренне жаль, когда он уехал в Москву.

Еще большие симпатии вызвал Ельцин своим выступлением на октябрьском (1987) Пленуме ЦК КПСС. Он проявил завидное мужество и решительность, подвергнув в условиях по инерции продолжающегося, несмотря на третий год перестройки, нерассуждающего единомыслия на заседаниях Политбюро и ЦК справедливой критике слишком бодряческий, радужный взгляд М. С. Горбачева на ход перестроечных процессов. Обструкция, который был подвергнут Борис Николаевич в выступлениях на Пленуме членов ЦК, вызвала возмущение миллионов. Я без колебания поставил свою подпись под письмом преподавателей и студентов философского факультета университета в защиту Б. Н. Ельцина.

Почему же я считаю, что Б. Н. Ельцин не должен быть президентом России?

1. Как ушат холодной воды стал для меня фильм о пребывании товарища Ельцина в США: откровенно заигрывая с американской аудиторией, он бесцеремонно поносил коммунистическую идею, как фантастическую, мертворожденную, вредную. Конечно, может случиться, что человек разочаровывается в своем жизненном кредо, но, во-первых, это всегда несчастье, трагедия, муки душевные — а здесь комикование, потеха. Продолжилось это и в многочисленных выступлениях внутри страны. Сам слышал. Во-вторых, если уж суждено было Борису Николаевичу изменить коммунистической идее, то это должно было произойти гораздо раньше. Ведь он, занимая в партии выборные посты, вплоть до самых высоких, 19 лет практически и идеологически выступал от имени этой идеи. Где-то он неискренен, тогда или теперь? Трудно доверять такому человеку.

2. Россия нуждается в возрождении. Это бесспорно. Несмотря на якобы ведущее положение в Союзе, она с точки зрения материальных вложений в основы национальной жизни была обездоленной. Гораздо больше отдавала братским республикам, чем получала от них. Но вопрос в том, как идти России к росту благосостояния и националь-

ного самосознания. Только путем активизации народных сил во имя созидания добра и мира при установлении принятого всеми народами экономического паритета и состязательного равенства всех национальных культур. К сожалению, часто ответ на этот вопрос находят на тропе противостояния и конфронтации, разжигания ненависти к выдуманному образу врага. Для "Памяти" и иже с ней — это жидо-масоны. Для Ельцина и "демократов" — это центр, которому вменяются в вину и действительные ошибки и просчеты, и якобы бескрайнее эгоистическое самолюбие и полное пренебрежение интересами республик, жирение за их счет. В обоих случаях только объекты вражды разные, а методология, характер мышления один и совершенно неприемлемый. Экстремист всегда склонен в целях собственного оправдания приписать свою логику и противнику. Отсюда и постоянные разговоры демократов о происках центра вплоть до готовящегося военного переворота. Отсюда абсурдный тезис Б. Н. Ельцина о верховенстве законов республики над союзными. Зачем тогда Союз? Ведь и не юристу ясно, что в границах прав, делегированных республиками Центру, союзные законы приоритетны. Не далее как сегодня (31 мая) С. Шахрай, председатель комитета по законодательству ВС РСФСР, ближайший помощник Ельцина, сказал, что выдвижение еще пяти пар кандидатов на посты президента и вице-президента России не свободное волеизъявление избирателей, а с математической точностью сделанный расчет на то, чтобы отобрать у Ельцина голоса различных социальных групп России. Что скажешь на это? Здесь не политика, а политиканство.

3. Б. Н. Ельцин стал тем политиком, который одним из первых, анализируя кризисное состояние нашей экономики, без устали начал повторять, что социальный взрыв неминуем, что возможна гражданская война. Это делалось так постоянно и настойчиво, что невольно складывалось впечатление, что оратору очень хочется, чтобы подобные политические прогнозы реализовались. Нагнетание антиправительственных настроений, по всей вероятности, во многом способствовало возникновению забастовочного движения — ничем неоправданной аномалии в условиях социалистичес-

кого государства и уже вошедших в жизнь политического плюрализма и гласности.

4. В последнее время стало ясно, что Б. Н. Ельцин в сильной степени подвержен власти эмоций, не обладает взвешенностью и политической мудростью. Ему самому и его помощникам нередко приходится дезавуировать заявления, сделанные Председателем Верховного Совета РСФСР. Так было, например, с высказываниями Б. Н. Ельцина о Курильских островах, о необходимости создания русской армии, о том, что прокурор РСФСР теперь наш человек и можно заводить дела на всех коммунистов, сочетающих работу в партийных органах с должностью председателя Совета народных депутатов. Нет, политику нужно работать только с холодной, трезвой головой.

5. Кстати, запрет на совмещение должностей противоречит провозглашенной самим же т. Ельциным идее суверенитета, начинающегося снизу, с сельсовета. Это непродуманная, нелепая идея привела к тяжелым экономическим последствиям, ухудшившим и без того бедственное положение людей. Освященная авторитетом Б. Н. Ельцина, названная идея вызвала эскалацию суверенизации, ведущую к откровенному сепаратизму и местничеству, к таможням на границах областей и краев РСФСР. В результате вся система плановых поставок продовольственных и промышленных товаров оказалась разрушенной. Каждая территориальная единица стремится все произведенное оставить у себя. Особо плачевное положение с продовольствием сложилось в промышленных районах. После введения талонов на ряд продовольственных товаров в Свердловской области был момент, полтора-два года назад, когда отменяли талоны на масло, оно было в достатке. С тех пор не произошло никаких общесоюзных стихийных бедствий, не было войн, был небывалый урожай, а полгода в Свердловске отоваривали талоны на масло маргарином и майонезом. Стыдно сказать, нормированию подлежат крупы, макаронные изделия, спички, соль. Этого не было со времен Великой Отечественной. Причина в ошибках руководства на высших уровнях, в том числе, в воинствующей экстремистской политике обособления, отделения, разрушения целого, уничтожающей в людях

внутреннее состояние единения, общности, коллективизма, политике, которую проводит и руководство РСФСР во главе с т. Ельциным. Чтобы закончить тему суверенитета, хотелось бы сказать, что его субъектами могут быть только отдельные государства и путь к нему лежит не через звонкую декларацию. Она должна завершать постепенное создание условий для реального обретения республиками экономической и политической самостоятельности.

6. Как не подивиться иронии истории. Ельцин стал сегодняшним Ельциным благодаря критике высшего руководства страны. Сегодня он не приемлет критики, высказанной в свой адрес в известном политическом заявлении шести. Причем критики взвешенной, убедительной, авторами которой являются почти все (за исключением Р. Хасбулатова) руководители Президиума Верховного Совета РСФСР, люди, постоянно находящиеся в контакте с Б. Н. Ельциным и высказывавшие до этого свои замечания в личных беседах и на заседаниях президиума. Вот, оказывается, на какую метаморфозу способен кандидат в президенты. "Демократическая" пресса назвала осмелившихся смутьянов ставленниками партократии, а сам Борис Николаевич по старой "доброй" традиции — "врагами".

7. Похоже, история нас ничему не учит. Казалось бы, кому-кому, но не нам создавать новые культы всемогущих вождей. Но живет эта установка в общественной психологии наших людей. Феномен Ельцина тому пример. Он живой человек с сильными и слабыми сторонами, с достоинствами и недостатками, а его обожествляют, ставят вне критики, слепо ловят каждое слово. Похоже, что Б. Н. Ельцин благосклонен к этому.

Последствием сложившегося у свердловчан культа Ельцина стали обескураживающие результаты всесоюзного референдума. Более половины избирателей проголосовало против Союза. Как же так, земляки? Мы же "опорный край державы". Полки в магазинах пусты? Но ведь не у нас одних. Речь шла не столько о сегодняшнем дне, сколько о принципах государственного устройства на многие годы вперед. А союзно, артельно, сообща все легче делать, в том числе и поднимать экономику. Нет, причина нашего

позорного голосования в той же самой культосозидающей психологии, в превращении лидеров в символы, олицетворяющие собой те или иные общественные институты. Союз — это Горбачев, оппонент Ельцина, его противник, строящий всяческие козни. Поэтому нет ему, нет Союзу. Та же нехитрая логика проявилась при опросе избирателей Кировского района. В. Б. Исаков покритиковал Ельцина — немедленная кара, вон его из депутатов. А в чем Исаков неправ по существу, каковы его ошибки, отступление от избирательной программы — никого это уже не интересует.

Размышляя над феноменом Б. Н. Ельцина, видишь, что он не выдержал бремени славы, поплыл на волнах митинговых страстей, и понимаешь, что демократизм — это не только определенная система идей, но и склад души, характер мироотношения человека.

Все вышеизложенное не позволяет мне голосовать за Б. Н. Ельцина на выборах 12 июня 1991 года.

Часть третья. Власть и жизненные интересы народа и личности в процессе либеральных реформ

После расстрела Дома Советов окончательно состоялся в верхних эшелонах общества переворот, меняющий политические и экономические основы жизни россиян. Требовалось внедрение его идеологии в умы миллионов. И здесь нельзя было обойтись без фальсифицирования и политической нетерпимости. Молча наблюдать это было выше сил.

I. Может ли антикоммунизм быть выбором России?

Первый вариант статьи с этим заголовком был написан перед выборами 1993 г. и передан в газету "Уральский рабочий". Далее он был сокращен по предложению редакции, но все-таки до выборов не был напечатан. Затем статья была дополнена с учетом результатов прошедших выборов и референдума о Конституции, принята к публикации, но потом снята. Здесь представлена часть этой статьи.

Подкидным мостиком для прыжка "демократов" к власти стал антикоммунизм и во время предвыборной кампании "Выбор России" широко использовал эту карту. Но она бумерангом обернулась против него. Своим антикоммунизмом правящие "демократы" обеспечили успех Жириновскому и предопределили свое поражение на выборах по общефедеральному округу.

Быть не коммунистом, полемизировать с его сторонниками — нормальное явление. Антикоммунизм всегда осно-

ван на фальсификации и реакционеи. Наши сегодняшние "демократы" видят в противоречивой, трагической советской истории страны только черное, преступное. Они усердно внушают мысль, что сталинские методы строительства социализма и есть коммунизм. Дошли до чудовищного отождествления коммунизма и фашизма. Изобрели ярлык "коммуно-фашистов", "красно-коричневых". Коммунистическая идея беспардонно извращается ими и подается как отрицание индивидуальности, уравниловка, "равенство в нищете". Не обсуждая проблемы, "демократы" говорят о крахе коммунизма как о свершившемся факте, банальной очевидности. И такая смысловая интонация безотказно, сильнее любых аргументов действует на некритическое массовое сознание, отвращает людей от коммунистического образа мыслей, приучая в "коммуняке" видеть врага народа.

Антикоммунизм всегда ослепляет, лишает разума. Только в воспаленном антикоммунизмом воображении могла родиться идея исправлять действительные недостатки социализма резким поворотом назад, к частнособственническому укладу, отбрасывая все социальные и духовные завоевания советского общества. Ставка на культивирование в человеке своекорыстия, несомненно, развивает частную инициативу, деловитость, энергичность, но и ведет за собой узкий практицизм, расчетливый прагматизм, а то и корыстолюбие, стяжательство, алчность, зависть, враждебное соперничество, всеобщее отчуждение, потерю широты человеческих ценностей, духовности, установление фактического социального неравенства, проявляющегося, например, в неравных стартовых возможностях молодежи, совершенно независимых от личных качеств человека. Какая уж тут свобода и демократия! Если положить в основу человеческого бытия своекорыстие, людского счастья не построишь. Обвальный рост преступности, охвативший страну, имеет своими причинами, с одной стороны, усиливающуюся нищету, с другой, утверждение проводимыми рыночными реформами в качестве высшей ценности доллара. Только полная атрофия чувства причастности к жизненной судьбе миллионов позволила осуществлять этот крутой вираж методом шокотерапии, презрев клятвенные обещания не проводить рефор-

мы за счет благосостояния народа и осуществляя насилие по отношению к людям социалистических убеждений.

Медленно, но неуклонно прозрение обманутых наступает. Об этом говорит рост числа не участвующих в голосовании, если сравнивать президентские выборы, апрельский референдум и отношение к проекту Конституции, когда на участки уже не пришло 47 % избирателей. Так же последовательно снижается число людей, доверяющих Б. Ельцину. Похоже, правящие "демократы" не замечали данной тенденции. Они оказались в плену собственных мифологем, рожденных для манипулирования общественным сознанием. Таких, как "Ельцин — всенародно избранный президент". На президентских выборах 1991 г. Ельцин получил 42 % голосов от имеющих право избирать, т. е. народа. Это много. Но не столько, чтобы можно было, не фальшивя, говорить — "всенародно избранный". Угодливая формула, так ласкающая слух триумфатора и приносящая немалые дивиденды льстецам, в принципе ничем не отличается от привычных в прошлом слов об "отце и учителе всех времен и народов". В последних даже меньше лжи, ибо они чаще всего были результатом искреннего заблуждения. Столь же мифологична картина с итогами апрельского референдума 1993 г.: социально-экономическую политику президента поддержало чуть больше 1/3 избирателей, а в массовое сознание опять был запущен тезис об общенародной поддержке Ельцина. Похоже, усиленное навязывание этих мифологем заставило поверить в них самого Ельцина. Иначе как объяснить, что на пресс-конференции, посвященной второй годовщине августовских событий, после вопроса журналиста: "Как он, принимая решение о перевыборах Верховного Совета, собирается обойти результаты референдума, где большинство избирателей высказалось против досрочных выборов?" — Ельцин сначала впал в замешательство, а потом поверг в изумление не только российскую, но и мировую общественность, сказав, что такого прямого вопроса в бюллетене не было.

Замифологизированность собственного сознания помешала радикал-демократам понять, что постепенное нараста-

ние отрицательного отношения народных депутатов РФ к шоковым методам проводимых реформ отражало изменения в умонастроениях общества. Данный политический факт беспечно трактовался как личные происки, амбициозные поползновения на власть, стремление к партноменклатурному реваншу. Еще одна идеологема. Депутаты, активные критики политики президента, Бабурин, Исаков, Головин, Шашвиашвили никогда не были в номенклатуре. Хасбулатов разве что избирался в партком института, а может быть и нет. Челноков, Гехт никогда не были в партии, а Астафьев, Аксючиц — вообще убежденные противники КПСС. А вот Борис Николаевич прежде чем стать секретарем обкома (все-таки это выборная должность) не один год работал в аппарате, в отделе строительства, куда, как известно, работники назначались на основе анкетных данных. Оказывались в штатах обкомов или убежденные коммунисты, или откровенные карьеристы. Причислить Ельцина к убежденным коммунистам сегодня не решится никто. Так что наш президент, а не его критики из числа народных депутатов, имеет номенклатурное происхождение и сохраняет многие особенности, присущие этим представителям неограниченной власти в прошлом. Эти мифологемы, а также отсутствие веских доводов, которые бы противостояли аргументированной критике народных депутатов, толкнули правящих "демократов" к тому, чтобы дополнить экономическое насилие политическим. Ельцин и его окружение пошли на ликвидацию представительной власти. Указ N 1400, грубо нарушивший Конституцию, мог быть подписан только президентом, верящим в свою всенародность и предполагающим безусловное исполнение его воли. Это оказалось иллюзией. Пришлось расстреливать Дом Советов из танковых орудий. Похоже, пролитая кровь отрезвила. Нужны были скоротечные выборы, с включением в число участников членов правительства и президентской администрации, и срочное принятие новой Конституции, пока поддержка населения до конца еще не утрачена. Но опять подвела зашоренность собственной пропагандистской машиной. Только политики, попавшие на крючок своей же рекламной мифологизации, могли быть столь уверенными в своей победе

на парламентских выборах, чтобы заранее организовать постыдное телевизионное шоу — "празднование нового политического года", превратившееся во всероссийский позор. Но московские залпы открыли ведь глаза и многим избирателям на уровень демократичности "Выбора России". Об этом говорят результаты выборов. Всенародная поддержка либерального экономического курса обернулась 8 % голосов от общего числа избирателей, поданных за "Выбор России" при голосовании партийных списков. За откровенно авторитарную, антидемократическую Конституцию проголосовало 31 % избирателей. И тем не менее, либеральная пресса утверждает, что Основной Закон государства принят всем народом.

Антикоммунизм, приведший к развалу СССР, кризису производства и обнищанию большей части населения, оттолкнул многих от радикал-демократов. Развязанная же "демократами" антикоммунистическая пропаганда направила этих людей не к коммунистам, а к Жириновскому, прельстившему их незрелое политическое сознание новыми популистскими посулами и театральностью. Но, может быть, такое перераспределение избирателей больше устраивает "Выбор России", чем если бы произошло еще большее усиление ненавистных коммунистов.

"Демократы" не терпят инакомыслия. В предвыборной кампании не участвовали все оппозиционные газеты, многие партии и общественные организации, запрещенные без решения суда. Стоило раздаться до сих пор совершенно немыслимой на пропрезидентских радио и ТВ критики в адрес правительства, президента и проекта Конституции, как послышался грозный окрик и угроза снять с участия в выборах. Сейчас, разбираясь в причинах неуспеха, горячие головы осуждают предоставление эфира оппозиционным силам. Так привычно и удобно, когда на электронных СМИ звучит только одна, "демократическая" нота, последовательно проводится антикоммунистическая и антисоветская линия. Особенно преуспевает в этом телерадиокомпания "Россия". Даже в информационных программах, вопреки законам жанра, навязывается пристрастная точка зрения. Подобная узко

партийная нетерпимость играет провокационную роль. Если бы вопреки провозглашенному плюрализму центральный эфир не был бы столь односторонним, тенденциозным, если бы было постоянное время для программ оппозиции, то ни у кого бы и мысли не возникло идти на Останкино. Кстати сказать, точно так же запретительные действия московских и центральных властей, непременное окружение собравшихся на праздничные демонстрации людей цепями ОМОНа, да еще с собаками, рассчитаны на провоцирование тех москвичей, которые особенно остро переживают нищету и антикоммунистическую истерию. Ведь факт, что первомайские, ноябрьские демонстрации, митинги проходят по всей России, но нигде, кроме Москвы, они не приводят к столкновениям и крови.

Перестройка нужна была для того, чтобы демократизировать созданные предшествующими поколениями социалистические отношения, осуществить реформы, обеспечивающие последовательное и неукоснительное проведение принципа оплаты по труду, нарушение которого было главной бедой. Вместо этого "демократы" повели откатный процесс капитализации, бесчестно используя жупел антикоммунизма. Гайдар, поддерживая имидж рафинированного ученого, не гнушается пугать ГУЛАГом, если у власти будет не он. Между тем, реально существующая сегодня нищета и обвальная преступность невольно заставляют сравнивать всю страну с неким демократическим ГУЛАГом. Нет, антикоммунизм "Выбора России" не выбор России. А Жириновским россияне переболеют. В России с ее тягой к всечеловечности ультра-национализм прижиться не сможет.

Реакция на прошедшие выборы убеждает, что президентская команда, виновная в крови сотен людей, в нищенском существовании миллионов, застыла в своем воинствующем антикоммунизме, в догматической верности монетаристским схемам капитализации России. Она не способна к самокритике, не может и не хочет адекватно реагировать на изменения социальных ситуаций и настроений людей. Спонтанный самообман в силу талмудистского следования призрачным ориентирам и сознательная ложь как средство ма-

нипуляции массовым сознанием продолжаются. Последний пример тому ответы Б. Ельцина на пресс-конференции 14 января 1994 года. Он снова изумил мир своей "осведомленностью". В этот раз президент удивил утверждением, что 15 %, проголосовавших за "Выбор России", не свидетельствуют о том, что россияне не поддерживают проводимую экономическую политику. (От числа имеющих право голоса эта цифра составляет всего 8%). Оказывается, одобрением экономического курса являются результаты референдума по проекту Конституции, за которую проголосовало, по мнению Б. Ельцина, около 60% россиян. Помилуйте, в референдуме участие-то приняли, по официальным данным, 54% имеющих право голоса. К тому же, есть утверждения иностранных наблюдателей, что в голосовании приняло участие меньше 50% электората, что результаты сфальсифицированы и выборы следует признать несостоявшимися. Но даже если руководствоваться только официальными данными и при этом быть заинтересованным в определении действительного отношения народа к Конституции, то нужно брать в расчет процент сказавших "да" по отношению ко всем совершеннолетним россиянам. А эта цифра составляет всего 31%.

Разве можно ответственно руководить Россией, проявлять действительную заботу о жизни миллионов, убаюкивая себя и людей удобной манипуляцией с числами? После этого уже не оказываются неожиданными слова президента о том, что "нет" шоковым реформам сказано не будет. Шумный уход из правительства Е. Гайдара и Б. Федорова — неудавшийся политический демарш, а не признание своих ошибок, не честная констатация того, что народ отверг шоковую терапию. Смехотворно и кощунственно выглядят попытки Гайдара представить себя противником расточительного строительства нового комплекса для парламента. Никто ведь не забыл, что он один из тех, кто принимал решение о расстреле Дома Советов и одним из первых переехал в новый кабинет в отремонтированом здании бывшего Верховного Совета.

Антикоммунизм и фальсификация, антикоммунизм и забвение интересов большинства людей неразрывны.

II. Тотальный обман.

Сон разума порождает чудовищ.

Эта статья написана в конце 1994 — начале 1995 г. Не принята "Уральским рабочим", "Областной газетой". Часть ее опубликована в "Правде России" в июле 1995 г.

Вот уже два года, как наша страна погружена в какую-то иррациональную, абсурдистскую ситуацию, когда все ставится с ног на голову, белое подается как черное и наоборот, массовое обнищание граждан представляется как победа демократии и возвращение в цивилизацию. Вымороченность происходящего достигла своего апогея, когда трагические события 22.09 — 4.10 в Москве, вызванные антиконституционным произволом президента, запретившего деятельность Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ, и затем последовавший разгон Советов всех уровней, установивший на 2,5 предвыборных месяца режим ничем не ограниченной личной власти Б. Н. Ельцина, были оценены правительственными структурами, "демократическими" организациями, большинством средств массовой информации, а вслед за ними и многими гражданами как мудрый, единственно возможный, демократический (?) шаг, ведущий к благу России и ее народа. Почему подобное стало возможно? Массовое сознание давно уже усиленно обрабатывается ложью. Обманом, который обрушивается на умы и чувства доверчивых людей в выступлениях руководителей исполнительной власти и мгновенно перекрасившихся ученых-обществоведов, оправдывающих разрушительные действия правительственных структур. Обман ежедневно фабрикуется "демократическими" средствами массовой информации, и прежде всего телевидением и радио. Мне, потерявшему отца и всех своих родных в результате политического подлога, возобладавшего в действиях правящей верхушки страны, на собственном многолетнем опыте не раз убеждавшемуся, как фальшивые решения властей искажали

социалистические принципы, легшие в основу создания советского государства, и с каким трудом, мучительно честным людям приходилось потом продираться сквозь монблановские толщи навороченного обмана, особенно нестерпимо горько сознавать, что ложь снова воцаряется в качестве главного средства манипулирования сознанием народных масс. Особенность сегодня творимого грандиозного подлога в том, что он лежит в основе глумления над верой миллионов в достижимость социальной справедливости и братского единения людей, в основе расправы над строем души моих соотечественников.

У "демократической" клеветы несколько особо значимых и ненавистных мишеней.

Очернение советской истории

Октябрьская революция была оправданна как выход из кризисного состояния, который разверзся над Россией. Но с всемирно-исторической точки зрения, исходя из уровня развития материального производства, она была преждевременна. С одной стороны, пионерство России в попытке практической реализации, сначала, естественно, в форме социализма, идеи социальной справедливости неслучайно. Оно опиралось на характерное для российского менталитета органическое взаимопереплетение общинного и личностного начал, обусловленное "дуализмом" русской земледельческой общины, не знавшей частной собственности на землю, но строившейся на парцеллярной обработке пахотной земли и частном присвоении ее плодов. С другой стороны, уровень жизни основной массы населения России, тем более разоренной империалистической войной, был крайне низок. Нужда была объективным препятствием к обращению социалистического идеала в образ жизни миллионов. В этом корневая причина противоречивости и трагичности советской истории. Мужество Ленина — в решимости на отступление НЭПа, предполагавшего постепенный переход по мере достижения экономического прогресса к коллективистским принципам бытия. Эта стратегическая линия была прервана. На то были и объективные причины, и субъек-

тивные просчеты. Этот узловой момент советской истории ждет своего непредвзятого анализа. Для нас сейчас важно констатировать, что строительство социализма, отвечавшее чаяниям миллионов, пошло в нашей стране в форме жесткой, предельной авторитарности. Установлению бескрайнего режима личной власти способствовала еще одна особенность российского менталитета. Россиянин всегда был привержен, скорее, не к государству с его институтами и законами, требующими собственного компетентного участия в публичной жизнн, а к государственной, державной идее, являющейся конкретизацией его общинной соборности и олицетворяющейся в идеализированной личности харизматического вождя. Отсюда его долготерпение, продолжающееся до крайней черты, гражданская пассивность, разумеется, никак не способные быть внутренним источником демократизации государственной и общественной жизни. В этих условиях сохранение чистоты средств достижения поставленной Октябрем гуманнейшей цели зависело и от нравственной высоты первых лиц государства, от их готовности внутренне принять духовные ценности социального равенства, добросердечия, неподкупной правды, самотребовательной чести. Большинство из них. включая Сталина, оказались не на высоте. Возобладали в качестве движущих сил инерция "кавалерийской атаки" и насилия, допустимых только в годы войны, а также жажда личной власти — наследница частнособственничества. Даже искреннее для подлинных большевиков стремление построить всеобщее счастье, не сочетаясь с сопричастным вниманием и уважением к заботам и судьбе каждого, отдельного, живого человека, превращалось в отвлеченный, сам себя выхолащивающнй тезис.

Но было бы в высшей степени несправедливо и безнравственно видеть только мрачную сторону в советской эпохе. Между тем, тезис о том, что 70 советских лет — это позорные годы всенародного коммунистического рабства, которое корежило и ломало людей, превращало в бессловесных винтиков, принуждало жить в вечном страхе, лицемерить и двурушничать — расхожая мифологема сегодняшних "демократических" реформаторщиков от жест-

кого Ельцина до сентиментальной Эллы Памфиловой. Сколько проклятий извергнул Ельцин, зарабатывая аплодисменты в Конгрессе США, по поводу семидесятилетней истории своего народа, влачившего якобы жалкое существование в коммунистической неволе. С легкой душой Ельцин перечеркнул подвижническую жизнь нескольких поколений советских людей, в том числе и нашего — поколения детей войны, к которому принадлежит сам. И пошло, поехало. Сейчас уже с экрана телевизора утверждается, что коммунизм — высшая форма фашизма, что "красно-коричневые" — главные наши враги. Как хорошо, что этого не слышат миллионы коммунистов, советских и европейских, отдавших жизни, чтобы победить фашизм. Какой откровенный обман! Новый беспардонный подлог. Весь мой собственный опыт протестует против такого ненавидящего очернения жизни своих отцов и дедов. Даже в структурах КГБ были не только репрессивные органы, служили не только бездарные подонки и палачи, но и честные, самоотверженные подвижники. То же можно сказать об управленцах любого звена. Тем более нельзя всех советских людей чохом зачислять в объятых страхом, тупых исполнителей злой воли, в завистливых и испорченных заботой государства люмпенов, паразитирующих "совков". Винтики не смогли бы в кратчайший срок создать передовую индустриальную державу, первыми выйти в космос, достичь грандиозных успехов во многих областях науки и образования. Рабы не сумели бы отстоять независимость Родины и принести избавление от нацистской чумы в демократические страны Европы.

Страх не мог быть ведущей душевной интонацией и потому, что десятки миллионов людей не понаслышке, не из писаний современных тенденциозных авторов знали о "прелестях" дореволюционной жизни и на собственном опыте ощущали постоянный, хотя и не очень быстрый рост благосостояния, социальной защищенности, вызывавшие чувства оптимизма, уверенности, радости жизни. Сегодня, когда цены на самые обычные лекарства взметнулись в тысячи и десятки тысяч раз, когда получение квалифицированной медицинской помощи, потребление качественных продуктов, подписка на газеты и журналы, приобретение книг, посещение

кино, театров и выставок, устройство ребят в детсады, спортивные секции, художественные коллективы и лагеря отдыха стали иедоступны для большиинства россияи, когда получеиие образования, специальиости все больше зависит от кошелька родителей, можно легко поиять, сколько острым и доминирующим было созиание гордости и собственного достоииства у советских людей, для которых обладание выше иазванными благами стало обычиой повседневиостью. И можно ли считать, что советское государство эксплуатировало, как рабов, своих сограждан?

Почему все-таки антисоветская истерия принесла и приносит "демократам" определенный пропагандистский успех? Потому что история социализма в иашей стране действительио включает в себя миого иегативиого, трагического, преступного, что ие приемлется любым честным человеком, в том числе и рядовыми коммунистами. Но сегодняшние "демократы"-антикоммунисты созиательио выпячивают иегативные стороиы прошлого, спекулируют иа преступлеииях 30-х гг., усердно вколачивая в головы людей мысль, что сталииские методы строительства социализма и есть коммунизм. Как это ни парадоксально, ио они тем самым продолжают сталииское дело по искажению сути коммунистической идеи. Их ие смущает то обстоятельство, что еще живы миллиоиы людей, которые по собствеииому опыту зиают: ие были страх и покорность их едииствеииым и постоянным душевным состояиием, ие были они лицемерами и двурушниками; хорошо зиакомы им трудовая увлеченность, одержимость творческим поиском, счастье человеческого едииеиия, радость общих побед, гордость за достижеиия Родииы — истинные высоты духа. Для иих и сейчас образцом человечиости и богатства личиости является Валентииа Гагаиова, а ие Артем Тарасов или Коистантии Боровой. Все это подлиино человеческие социальиые и духовиые завоеваиия социализма. Разумеется, оии ие могут оправдать страданий и гибели иевииных жертв диктаторского произвола, выступавшего от имеии коммунизма. Нет ничего выше каждой человеческой жизии. Речь ие об этом. Речь о том, что социализм в иашей стране, реальиое бытие людей являли собой сложнейшее, противоречивое переплетеиие прекрас-

ного и трагического, нравственного и аморального, гуманистического и преступного. Неоднозначной, честной, нетенденциозной должна быть и оценка 70 прожитых лет.

Будучи усеченным авторитарностью, советский социализм тем не менее создавал даже для человека из далекой глубинки независимо от происхождения и материального положения возможности для самоосуществления, для приложения своих сил в решении беспримерных и безграничных задач по созиданию нового коллективного жизнеустройства, вдохновляющих на человеколюбивое творчество. Социалистические основы бытия создавали окрыляющий психологический микроклимат, в котором хотелось бескорыстно тратить себя. Собственную ущербность обнаруживают жалкие попытки современных манкуртов иронизировать и даже издеваться над ритуалом пионерских слетов, комсомольским энтузиазмом, стахановским движением, конкурсами профессионального мастерства. Все это было искренним и благородным выражением потребности служить людям, слить себя с общим делом и не нивелировало, не подавляло личность, а, наоборот, создавало прочные нравственные основы и благоприятнейшие условия для ее возвышения. Активное участие советских людей в том, что очень точно называлось самодеятельностью, спортивной, художественной, исследовательской, технической, рукодельной, в том, на что тратились энергия, силы, время бескорыстно, увлеченно, было чутким и верным симптомом духовного здоровья, умиротворенности, оптимистического самочувствия. Но не было у основной части советских людей четкого осознания чужеродности достигнутым социальным и духовным завоеваниям социализма сохраняющейся командно-административной системы, политической воли, необходимой для перехода через демократизацию к всеобъемлющему социалистическому народовластию.

При всем уважении к некоторым высокопорядочным и совестливым представителям диссидентского движения нельзя не признать, что и оно не выполнило и не могло выполнить этой задачи по двум причинам. 1. Защита прав человека и критика сложнившейся системы велась не против извратителей коммунистической идеи, суть которой в создании мак-

симально благоприятных социальных условий для осуществления прав и свобод каждым и всеми, а против самой этой идеи и положительного народного опыта в ее реализации. 2. В своем противостоянии диссиденты широко апеллировали к общественному мнению Запада, отнюдь не всегда бескорыстному и кристально чистому. Поэтому они не получили массовой поддержки у себя в стране и в конечном счете сыграли не последнюю роль в установлении нынешнего опять же авторитарного режима, но уже насаждающего противоположные, откровенно узкоклассовые цели.

Саморазвитие социализма требовало решительного освобождения от болезней авторитаризма и бюрократического централизма. М.С.Горбачев ощущал необходимость изменений, но оказался не способным их возглавить. Основные причины. 1. Недостаточная коммунистическая убежденность и марксистская грамотность. Этим объясняется знаменитое: "Главное начать — и процесс пойдет" Поэтому произошло невообразимое: почти одновременное принятие постановлений о частнопредпринимательской кооперации и борьбе с нетрудовыми доходами. 2. Всепроникающее стремление во что бы то ни стало занимать первый пост в государстве и отсюда готовность пойти на самые невероятные компромиссы и беспринципные соглашения даже с откровенно антисоциалистическими силами внутри страны и вне ее.

Такое межеумочное состояние не могло продолжаться долго. Сторонники социализма и советского государства из руководства страны проиграли. Вместо прямого и честного обращения к народу они использовали устрашение и обман (болезнь президента). Это не только нравственно негодные, несоциалистические средства, но и самоубийственные с точки зрения тактико-практической. Они как бы подтверждали и укрепляли возникшее в массовом сознании под влиянием мировоззренческой паники от ставшей достоянием гласности масштабности сталинских репрессий и изощренного очернительства всей советской истории "демократами" убеждение, что коммунизм — это всегда насилие и попрание прав человека. Я отдаю себе отчет в том, что такое открытое обращение в условиях антикоммунистичес-

кой н антнсоветской нстернн было делом очень трудным н далеко не обреченным на успех, но иные способы были против коммунистической иден. Совершенное ГКЧП вознесло неожиданно для них самих на вершнну государственной пирамиды амбициозных, съедаемых жаждой личной власти, профессионально непрнгодных политиков, ради этого обрядившихся в демократические одежды н готовых только на геростратовы разрушения всего советского н социалистического, созданного в муках н творческих свершениях предшествующнми поколениями.

Еслн за годы советской жизнн не удалось обратить бескорыстие в жизненную основу самых широких слоев трудящихся, то, несомненно, неприятие своекорыстия, отвечающее традициям общинного бытия, стало достоянием подавляющего большннства наших людей. Для возвращения назад, к господству частнособственничества, требовалось в первую очередь сломать советскую, "совковую", как стали презрительно говорить, психологию. Но такую операцию нельзя совершить, не продолжая и не развивая кампанию лжи, повергая с ее помощью в оморок сознанне людей.

Оболгание коммунистической идеи.

Главная политическая карта реформаторов — антикоммунизм. Все силы брошены на то, чтобы оболгать коммунистическую идею, выражающую в своей сути подлинную человечность. Напротив, всеми средствами внушается, что насилие является ее сердцевиной, доктринальным "грехом". Прн этом совершенно игнорируется прннцип историзма. Сталинские методы строительства социализма отождествляются с коммунизмом. С легкостью необыкновенной называются все увеличивающиеся цифры репрессированных и погибших, от миллионов до десятков миллионов. Особенно преуспел в этом, кажется, Ю. Корякин. (А может быть пальма первенства у В. Новодворской?). Неужели выдающемуся "демократу" не понятно, что это кощунственно. Произвольное жонглирование числом утративших свободу и жизнь людей с целью более хлесткого выражения своей ненависти к системе, — это жевыстрелы в недостаточно

осведомленное сознание новых поколений, травмирующне его ложью. Невинно пострадавших в действительности было так много (а хоть бы было и меньше), что этого достаточио, чтобы осудить извращения авторитарного социализма. Что касается пламенной В. Новодворской, то здесь все проще и последовательиее. Оиа не раз публичио заявляла, что готова взять в руки автомат и что оиа и ее сподвижники будут стрелять точнее, чем Ф. Каплан.

Ленину, вынужденному руководить страной в жестоких условиях гражданской войны и послевоенной разрухи, приписывается внутреннее тиранство, презрение к людям н в качестве единственного мотива жизнн жажда личной власти. Бесчестно заключать большевиков всех скопом, без разбора н учета нсторнческих снтуаций, в человеконеиавнстники н иасильники, преследующие свои шкуриые интересы. Меньше всего хотелось бы бросать упреки А. Солженицыну. Ему пришлось много и иеоправданно страдать. Его "Архипелаг ГУЛАГ" — результат самоотверженного труда. Но Александр Исаевич учил жить не по лжи. Поэтому не могу не сказать, что в его осмыслении причин иародной трагедии, сути большевизма есть объяснимая из контекста его личной судьбы, но тем не менее непрнемлемая иеправда. Один только пример. Для Солженнцына большевизм однозначио — выражение бездуховиости, корыстного прагматизма и шкуричества. В качестве аргумеита, подтверждающего такую трактовку, он приводит в "Архипелаге ГУЛАГ" только иачальные слова монолога Павла Корчагииа: "Жизнь дается один раз..." Дескать, так большевикн оправдывалн свое стремленне успеть урвать от жизин все. Настоящих большевиков есть в чем обвннять, но только не в своекорыстии н желании ухватить побольше для себя. Тем более Н. Островского н его героя. Онн боролнсь против разделяющего людей стяжательства со времен подполья, проявляя беззаветную самоотверженность. А это, согласитесь, требует от лнчности немалых высот духа. Вот требовать от других аналогичного отношения к себе н жизнн, да еще принудительно, — иедопустимо. Большевизм революционной эпохн — сложное, противоречивое явленне. Сегодняшний необольшевизм лнберальных реформаторщиков,

кроме всего прочего, имеющих возможность и обязанных извлекать уроки из родного исторического прошлого, — ничем не оправданное насилие над сознанием и волей людей. Точно так же постыдно и лицемерно быть якобы в неведении, что в КПСС были карьеристы и коммунисты, бессовестные партократы и честные, убежденные люди, бравшие на себя самую полную меру ответственности во всех сложных и трагических перипетиях нашей истории. Вершиной несмываемого позора в грязной политической игре антикоммунистов, в стремлении навсегда вытравить из сознания масс коммунистические убеждения была попытка судилища над КПСС как партией миллионов. Рядовые коммунисты несут навеки неснимаемую моральную и политическую вину за все извращения и не использованные в людское благо возможности нашего социализма, но своими жизнями и трудом, которые вошли во все достижения и победы Родины, они освободили себя от юридической ответственности за действия преступников с партийными билетами.

"Демократы", стремясь затвердить в общественном сознании "коммунизм" как слово-пугало, беспардонно извращают коммунистическую идею, представляя ее как отрицание человеческой индивидуальности, уравниловку, "равенство в нищете". Подлог здесь очевиден любому, для кого марксизм никогда не был заученным знанием. Смысл коммунизма — в создании социальных условий, обеспечивающих свободное развитие индивидуальных способностей каждого человека. Коммунистические убеждения нуждаются в творческом обогащении, поиске и пересмотре средств, способов, диктуемых временем, для их осуществления. Необходимо их смысловое движение для верной оценки всего происходящего на планете с точки зрения перспектив человеческой истории. Но, однажды поняв адекватность самой коммунистической идеи природе человека, невозможно ей изменить. Отказ от нее — не факт духовного развития, а ренегатство. И совершается оно разномасштабными конъюнктурщиками, поменявшими божка для выполнения "демократического" заказа и для осуществления параллельно своих карьеристских целей. Сказал же прямо ныне главный

"демократ", а в прошлом один из главных партфункционеров Б. Ельцин, что у него красным был только пиджак и просил в Неаполе лидеров мировой семерки, чтоб они увидели, наконец, что он давно его снял.

Антикоммунистическая истерия уже несколько лет является основным направлением в деятельности "демократических" СМИ, особенно телевидения и радио. Причем неприкрытое выражение журналистами своей неприязни и озлобленности по отношению к коммунистическим взглядам осуществляется в информационно-аналитических и даже непосредственно информационных программах, где не только элементарная порядочность, но и законы жанра требуют беспристрастности и объективности. Партийная тенденциозность "демократов" в СМИ без обиняков высказалась в передаче "Подробности" 21.10.94, когда Н. Сванидзе беседовал с Е. Боннэр на кухне. Может быть, поэтому такая осторожная, взвешивающая обычно каждое слово, она вдруг раскрыла суть "демократической" линии в пропаганде. Е. Боннэр призналась, что видит "неадекватиость" действий президента, что думские демократы думают не об избирателях, а о своих креслах. И что же? Дважды садилась писать об этом, но отказывалась. Ведь тогда получилось бы, что она смыкается в своих оценках с коммунистами. Определеннее о том, что антикоммунизм ведет к умолчанию, недоговоренности, лукавству, аберрации зрения, а то и грубо и просто — к обману — не скажешь. Е. Боннэр легче, она может писать, может не писать. А "демократическим" журналистам надо отрабатывать свой хлеб. И вот не отличающийся щепетильностью и разборчивостью, но безукоризненный в своей верности президентской команде Н.Сванидзе превращается в своих комментариях из аналитика в блестяще владеющего ораторским искусством, но всего лишь трубадура тенденциознейшей идеологической риторики. Быть человеку не коммунистом, критически относиться к его идеям — естественное, правомерное явление. Но журналист, выступающий в информационно-аналитических жанрах и постоянно и активно выражающий свой непримиримый антикоммунизм, профнепригоден. Он непорядочен, бестактен, ибо, не считаясь со взглядами и чувствами старших поколе-

ний, в подавляющем большинстве своем сохранивших верность социалистическим идеалам, постоянно наносит им болезненные душевные раны, бывает, заканчивающиеся и инфарктом. Он становится манипулятором и даже провокатором, который давит на незрелое сознание. Н. Сванидзе в одной из передач "Подробности", желая уменьшить противостояние Горбачева Ельцину, говорил первому, что, если оппозиция придет к власти, она сразу же вздернет вас обоих на близ стоящих столбах. Причем, Вас, Михаил Сергеевич, с большим удовольствием. Разве это не провокация? Чем отличается рафинированный "демократ" Н. Сванидзе, убеждающий телезрителей, что левая оппозиция — это скопище свирепых палачей, от следователя КГБ, который внушал моей тете, Л. Котолыновой, что она — немецкая шпионка? Только тем, что последний делал это с помощью кулака и в тюремной камере, а Сванидзе, — используя свое красноречие и сохраняющуюся веру миллионов в правдивость официального пропагандистского рупора. На "Радио России" подстать ему Н. Огаянц, И. Горяев, И. Зорин, считающие, что они вправе использовать микрофон государственной компании для выражения своей личной антикоммунистической позиции. Обидно за С.Сорокину. Она умна (одни ее экзистенциальные концовки выпуска "Вестей" чего стоят), талантлива, но, увы, профессионально неэтична. Ее мастерская, язвительная ирония всегда была направлена, по крайней мере до чеченских событий, в один адрес. Откровенная предвзятость по отношению к оппозиции звучит у телеведущих С. Медведева, М. Пономарева, Т.Худобиной. Никогда не упустят случая лягнуть коммунистов в своих рассказах с мест А. Пищаев, Л. Иоффе, М. Лиллевяли, Е. Кузнецов. Добавьте к этому избирательность в подборе фактов, искусно сделанный видеоряд, благодаря которому, например, все коммунисты выходят на митинги и демонстрации с портретом Сталина и перекошенными злобой лицами. Трудно переносить антикоммунистическую разнузданность информационно-аналитических программ "Радио России", телевизионных "Вестей" (речь не идет об утреннем выпуске). Они отдаются болью в сердце в прямом и переносном смысле. А что делать? "Москов-

ский комсомолец" и "Куранты" можно не читать.А как обойтись без самой оперативной информации?

Не берусь судить за молчание многих людей, верю, остающихся приверженцами коммунистических взглядов. Публичная защита их сегодня требует немалого мужества и глубокой убежденности. Но хочется предостеречь. После бесславного конца периода капиталистической реставрации не будет ли нам так же стыдно, как за наше общее молчание, проявленное в годы брежневского прозябания?

Либеральи заморочки

Подлог используется сегодняшними реформаторщиками не только для нечестного, предвзятого изображения советской истории, не только для охаивания коммунистической идеи, но и для собственного приукрашивания и выставления себя "друзьями народа". Таких морочащих честный народ идеологем много. Всех не перечесть.

1. Если под демократизмом иметь в виду не узкий политологический смысл, подразумевающий тип государственного устройства, а более широкий, включающий в себя и склад души, образ мышления и чувствования, то демократ — это человек, живущий в созвучии с народным бытием, не знающий сословной спеси и холодного элитарного равнодушия к судьбам обычных людей. Разве это приложимо к нашим рыночникам? Они не скрывают, что их цель — образование класса собственников, внедрение принципа автономности и независимости личности хозяина. Этот способ общественного устройства исповедует принципы: свобода сильному, жалостливая милостыня слабому. Что-то незуитское есть в том, чтобы выдавать это за демократию.Это зады классического либерализма двухсотлетией давности.

Какой на деле гуманист и отзывчивый человек нынешний "отец российской демократии" А. Н. Яковлев, могу судить по собственному опыту. В очередной раз с просьбой о реабилитации отца я обратился в Комиссию Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-

х и начале 50-х годов, когда ее возглавлял А. Н. Яковлев. К этому времени мифичность "ленинградского центра" и полная невиновность 13 его "участников" стали общим местом всех работ советских и зарубежных историков. Но Комиссия и судебные органы молчали. Суть моего письма заключалась в просьбе отделить историко-политический вопрос о том, был ли Сталин организатором убийства Кирова, от юридического факта невиновности 13 расстрелянных 29.12.34 г. и, не откладывая больше, реабилитировать их, продолжив как угодно долго архивные изыскания и научные исследования по поводу личного участия Сталина в декабрьской трагедии. Ответа я не получил ни от Яковлева (что естественно, он человек очень занятой), ни от работников подчиненной ему Комиссии. Это было непостижимо. Кому, как не Комиссии по реабилитации, да еще в условиях провозглашенного курса на строительство правового государства, на демократизацию, быть милосердной, откликающейся на человеческую боль? Все разъяснилось, когда в "Правде" осмелились публично выступить против могущественного идеолога демократизации следователи А. Валетов и Ю. Седов. Оказывается, тормозом в возвращении доброго имени Котолынову и его товарищам был не кто иной как А. Н. Яковлев, потому что подготовленные юристами и ленинградским историком А. А. Кирилиной материалы расходились с личной концепцией академика. Спасибо этим мужественным людям. Благодаря их гражданской честности и настойчивости реабилитация все-таки состоялась 30.11.90, через 56 лет после трагических событий.

2. Сколько слов, сил и средств потрачено, чтобы убедить людей: основой свободы и активности личности, основой демократии является только частная собственность. Преднамеренная подложность подобного утверждения, изначально очевидная для всякого мыслящего человека, сегодня наглядно развенчивается торгашески-спекулятивными и криминальными приоритетами нашего бытия. Когда рынок из средства экономического регулирования превращается в образ жизни, со дна человека поднимается и культивируется все самое мутное, низкое, животное. Выделение частной собственности всегда ведет за собой стремление к

ее переделу и новым обогащениям. Отсюда невиданный рост преступности, наркомании, проституции, глубочайший нравственный кризис. В стране появляются солдаты удачи. С экрана телевизора прозвучали слова офицера о том, что среди дудаевских наемников он встречал русских ребят из Воронежа, Тулы, Магнитогорска. Рэкет, киллерство становятся массовыми профессиями.

3. Проводя контрреволюционные по своей сути изменения социально-экономических основ жизни российского общества, реставрируя капитализм, либералы лживо маскируют этот процесс, говоря о переходе к "рыночной экономике", которая должна принести всеобщее благоденствие. Все сопровождаемое невообразимым шумом реформирование от начала и до сегодняшнего момента держится на обмане, на невыполняемых пустых обещаниях. Б. Ельцин клялся, что реформы не будут проводиться за счет снижения уровня жизни народа, В.Селюнин обещал, что после 3-х месяцев со дня отпуска цен наступит полное изобилие, Е. Гайдар подхватывал, что цены возрастут в 3-5 раз. (Чуть позднее признавался, что он-то знал, что повысятся в 20 раз, но не мог же этого сказать — это характеризует уровень его нравственности. А то, что цены выросли в тысячи раз и продолжают расти, говорит об уровне его профессионализма). А.Чубайс, в свою очередь, божился, начиная "народную" приватизацию, что рыночная стоимость ваучера будет равна цене двух "Волг" и в стране будет 150 млн. собственников — к народу вернется созданное его руками достояние. Все обернулось блефом. Не нужно быть доктором, даже просто экономистом, чтоб предугадать, что в условиях монопольности, обусловленной строго специализированной единой народнохозяйственной системой, шоковое освобождение цен и одновременно хватательного инстинкта своекорыстия немедленно приведет к их немыслимому и неостанавливающемуся взлету, а в условиях стремительного обнищания миллионы "собственников" продадут свои акции кучке толстосумов — что, собственно, и составляет предмет либеральных вожделений. В. С.Черномырдин, вступая на пост премьер-министра, в декабре 1992 г. на Съезде народных депутатов сказал, что реформы будут продолжены, но с

резким усилеием социальиой ориентации. Где там. Подчиненный ему министр финансов Б. Федоров пытался провести через Верховный Совет отмену индексаций зарплат и пеисий. Не вышло. Федоров ие стал огорчаться. Министерство просто ие профинансировало индексацию для бюджетных организаций. И такая двойная бухгалтерия продолжается до сих пор. Закоиами утверждаются и шумно афишируются одни размеры зарплат, например, для преподавателей вузов (хотя и они в несколько раз меиьше, чем величина, определениая Указом Президента N 1), а реальио выплачиваются суммы значительио меньшие из-за постепенного, стабильиого иедофинансирования Министерством финансов. Да и правду сказать, зачем заботиться о бюджетниках, они же ие входят в состав класса собственников. Что с них возьмешь? Вот так, сменив Е. Гайдара, В. С. Чериомырдин усилил социальную иаправленность реформ.

Медлеино, но неуклонно иаступает массовое отрезвление, замороченное сладкими подложными посулами созиание проясняется: проводимые реформы антинародны. Они умерщвляют экономические и социальные достижения советской истории. Они обрекли иарод на ие объективио вызванные, а искусственно созданные во имя капитализаторства жуткие страдания. Здесь особенио разительиы факты, напрямую связанные с жизнью и смертью. В каком демократическом государстве допустили бы такой смертоносный взлет цен на лекарства? Продолжительность жизни мужчин за один только 1993 г. уменьшилась иа 4 года и составила всего 59 лет. А отказ правительства защищать вклады граждан в государственном Сбербанке привел к тому, что иа самые массовые "похороиные" сбережения сегодня, по крайией мере, у иас в Екатеринбурге, можно купить только две булки хлеба и 1 литр молока. (Кстати, в сталинское время, при денежной реформе 1947 г., проводимой из расчета 1 к 10, сбережения в сберкассах обменивались по курсу 1 к 1). Естественно, смертность все больше, рождаемость все меньше. Нас в России только за 1993 год стало иа 840 тыс. меньше. Не совпадает ли эта цифра с числом ежегодных жертв в 30-е годы? Можно ли считать сегодняшние способы уничтожения жизней более цивилизованными, менее

жестокими? Не знаю. От этого ие легче. Несомненно, что тогда и сейчас в основе действия властей лежит атрофнрованность чувства сопрнчастности, сострадания к житейскнм проблемам н ннтересам обычных людей, полное равиодушие, безразличне к их судьбе. Сказал же в минуту откровенности Е. Гайдар, активио практикующий шокмеи, что только рынок может помочь иам вычнстить из этой страны все нежизнеспособиое.

Сотвореиное шоковыми мастерамн сегодняшиее бедственное падение жизнеиного уровня основиой массы населения ие может оправдать никакое самое светлое будущее. А ждет лн оно хотя бы иаших детей н внуков? Нет и нет. То, что уже свершилось сегодня, вполне удовлетворяет правнтелей. Онн не видят причии для тревогн н возмущеиий. Их главный, назойливо повторяемый аргумеит: вы помните очереди, пустые полкн магазиюв и талоны, а сейчас ничего этого нет, магазиниое обилие н без всяких очередей. Верх цинизма. Очередная заморочка для простаков, способных клюнуть иа демонстрационный эффект. Во-первых, как можно совместить свалившееся потребнтельское изобилие с чудовищным спадом производства? Во-вторых, н самое главиое — очередей иет, потому что не на что покупать по басиословным ценам. Есть примерио 10% иаселения, которые могут купить все, что душе угодно. Сохраннвшееся даже после 50-60% спада производство в состояиии обеспечнвать эти 10% чнстых качественными продуктами и товарами. В этом и заключается разрекламированная структуриая перестройка экономики, в такое "светлое" будущее, если развеять пелену обмана, н толкают иас либералы. Чернореčивы последние данные статкомнтета. За 1994 г. реальиые доходы верхиих 10% увеличились на 30%, а для 40% иаселения снизились иа 14%. Показательио, как реформаторщикн ополчаются на попытки Гос. Думы хотя бы сблнзить минимальиые зарплаты н пенсии с физиологическим прожиточиым миннмумом. Е. Гайдар с постояниой сннсходительиой улыбкой ннтеллектуальиого превосходства, А. Чубайс менторским тоном уставшего всезиающего учителя в который раз разъясняют иепонятливым, докучливым депутатам, что всякие повышения, коиечно, нужны, но не сей-

час (а цены повышаются каждый день), ибо это вызывает новый виток инфляции и им же, пенсионерам и бюджетникам, будет еще хуже. В общем, тянут сказку про белого бычка. Но вроде бы рост цен и бюджет государства за счет увеличения средств от налогов должен увеличивать? При этом непременно добавляют, что прежде, чем принимать думцам решения, нужно просчитать и оценить последствия. Вот эти бы слова да на себя оборотить деятелям, ввергнувшим с первого шага реформ абсолютизацией монетарнстского подхода наше производство в порочный круг финансово-кредитной неразберихи и инфляционных безумств. И это называют демократией. Более того, лидеры либералов названиями своих организаций, претенциозно и совершенно безосновательно (это опять из области заморочек) подчеркивают, что они не просто находятся в России, а выступают от ее имени — "Выбор России", "Демократическая Россия". Кто же их, не считая обманутых, поддерживает? Пострадавшие в прошлом от беззаконий и поэтому ставящие знак равенства между антикоммунизмом и насилием. Антикоммунисты из числа бывших карьеристов. А также политически неангажированные люди, но подверженные индивидуалистической ориентации на частнособственнический уклад жизни и для которых материальное преуспевание представляет ведущую ценность. Сюда, кроме мафиози и коррумпированных чиновников, могут входить, к сожалению, и талантливые представители интеллигенции.

Провал реформ продолжается уже три года. Сейчас он дополнился наотмашь разящим позором чеченской войны. В цивилизованных странах, на которые так любят ссылаться либеральные реформаторщики, давно бы уже деятели с подобными успехами добровольно ушли с государственной и политической арены, а наши, даже не зардевшись, остаются и боятся только одного — социального взрыва. Характерный для их оправдывающихся речей словесный пассаж: нас пугали голодом, холодом, но ведь социального взрыва не произошло. Это главное. Неважно,как люди выкручиваются, сводят концы с концами, важно — что терпят. И все подложные средства заморочивания и манипуляции направлены на то, чтоб терпели как можно дольше.

4. Со страниц газет и всех программ звучит зачаровывающий, аналогичный знаменитой "американской мечте" тезис: все условия созданы, не ленись, работай — и будешь богат! Свобода! Нет, это, по крайней мере, четверной демагогический обман. Во-первых, растущая безработица существенно корректирует этот лозунг. Во-вторых, многие профессии и специальности, причем из наиболее квалифицированных, на деле оказываются сегодня не востребованными. В-третьих, резкое материальное расслоение общества делает неравными стартовые возможности молодежи для получения профессионального образования. Приходится отказываться даже от призвания. В-четвертых, если человек постоянно трудится сверхурочно или в нескольких местах, это работа на износ или снижение профессиональной требовательности к себе. И то, и другое не только не способствует, а мешает свободному развитию и творческому самовыражению личности. Цель в том, чтобы человек получал хорошие деньги за качественный инициативный труд на своем месте. И в советскую эпоху были достигнуты определенные результаты в этом направлении.

5. В качестве обнадеживающего свидетельства нашего приобщения к цивилизации приводят широкое распространение рекламы. Но она же, как правило, манипулирует сознанием, служит околпачиванию человека. Пример МММ, "Тибета" и десятков других разве не показатели? "Восхитительна" позиция реформаторщиков. Объявили спекуляцию законным бизнесом, призвали к инициативному частному обогащению, не препятствовали бескрайнему тиражированию откровенно лживой рекламы, довели до отчаянной бедности малоимущих, а когда те обманулись, поверив в зазывные посулы мошенников, взращенных либерализацией, бросили их на произвол судьбы, назидательно приговаривая: "Рынок предоставляет свободу выбора. Вы же сами решили рисковать". Недостойный обман. Реклама не двигатель прогресса, а убийца свободы. Она, завлекающая, внушающая, эмоционально воздействующая художественными средствами, паразитирующая на искусстве, не нужна. Она не искусство и не должна быть искусством. Нужна информация, точная, строгая, оперативная, исчерпывающая. Что,

где, каковы качества, почем? Тогда хорошо информированный человек сам, свободно будет делать выбор, принимать решения и отвечать за них. Пределом разнузданного попрания свободы личности является изоЙливая телевизионная реклама. Игнорнруя полностью желания и волю зрителя, телевидение считает возможным прерывать художественный фильм, тематическую передачу, когда ему заблагорассудится, н крутить рекламу, прнтом, как правило, примитивную. Ведущий в "Часе пик" мог в разговоре с собеседником поиздеваться над Леней Голубковым н тут же прервать диалог, предоставив слово незабвенному партнеру МММ. Понятно, что прн всепронникающем господстве товарно-денежных отношенний деньги СМИ нужны. Но это н требовалось доказать: рынок владычествует, подчиняет себе культуру, свободу личиости. Даже лишает журналистов избнрательного отношения, проявления вкуса в выборе рекламы. Торжествует принцип — кто больше заплатит.

6. Лнбералы приписывают себе огромиые достнжения в области свободы слова н гласности. Ну как обстоит дело с гласностью, красиоречиво показали многочнсленные информационные структуры исполнительной власти с освещением чеченских событнй.

В утверждеини свободы слова для журналнста есть действительно определенные достижения. Они связаны с освобождением журналистов от обязательиого визирования их матерналов в специальных идеологических партийно-государственных органах. Все основиое содержание "Закоиа о СМИ" иаправлено иа обеспеченне творческой свободы журналиста "от". Справедливость требует заметить, что это — достижение первых лет перестройки, а не либеральных реформаторщиков. Но ведь свобода слова — феиомен не только журиалистский, а в целом общественного созиания. Важно, "для" чего обеспечнвается н нспользуется творческая свобода: для демонстрации журналистом в первую очередь себя, своих способиостей, своей общественной позиции или для яркого, талантливого осуществления права каждого члеиа общества на всестороиию и достоверную информацию? Вопрос, как поннмаете, риторический. Но обязанности журиалиста, тем более работающего в государст-

венных СМИ, с точки зрения его профессионального долга перед получателем информации, перед обществом, которое всегда неоднородно, очень слабо прописаны в Законе. Между тем, СМИ действительно власть. Их воздействие на массовое сознание огромно. Весь вопрос в том, четвертая ли? Чтоб быть четвертой, не зависимой от исполнительной и законодательной власти, журналист должен быть подобен судье, служить правде и только правде. Отличие от судебной власти в том, что журналист служит правде, представленной не в правовых актах, а правде, воплощенной в непреходящих ценностях, выражающих развивающуюся сущность человеческой природы. Если видеть в важнейшей общественной проблеме свободы слова две стороны: право журналиста на самодеятельное творчество и право каждого человека на уважение его самостоятельности при информационном воздействии, на недопущение малейших признаков манипулирования его сознанием, то говорить о серьезных победах в осуществлении свободы на достоверную информацию явно преждевременно. Я уже касался явной антикоммунистической, антисоветской, пролиберальной направленности большинства СМИ, что делает односторонней, одноцветной информационную картину. По себе знаю, какие непреодолимые препятствия вырастают, когда пытаешься опубликовать в свердловской областной прессе материал оппозиционного характера. Причины этого. Приверженность многих журналистов капитализаторскому курсу, что является, во-первых, следствием естественной отрицательной реакции на идеологический диктат, существовавший в советское время и результатом неверного отождествления сталинизма с социализмом. Во-вторых, конъюнктурным приспособлением к установкам новой власти. Кроме того, антиоппозиционности СМИ способствует широко практикуемая исполнительной властью разнообразная система льгот и привилегий по отношению к правоверным, удобным изданиям. И, наоборот, жесткий, даже срывающийся на подавление журналистской свободы курс государственных структур по отношению к оппозиционным изданиям. Показательны в этом плане слова одного из сегодняшних политиков, успевшего побывать и министром печати и информации В. Шу-

мейко. "Правда" и "Советская Россия", — говорил он, — сейчас запрещены в связи с чрезвычайным положением. Когда оно закончится, они будут запрещены по решению судов". Как известно, этого не удалось совершить. Наше счастье, что в стране еще остаются судьи, у которых хватает гражданского мужества сохранять свою независимость в служении закону. Но властное давление на оппозиционную прессу сохраняется постоянно.

Если в отношении печати, в связи с наличием небольшого числа оппозиционных газет, еще можно говорить о существовании в какой-то степени плюрализма мнений, а без этого принципа нет подлинной свободы слова, и он тоже был написан на знаменах перестройки, то на государственном радио и телевидении его нет и в помине. Освещение чеченских событий показало, что только стоило появиться на экранах телевизоров информации, не идущей в унисон с откровенно, лживыми официальными сообщениями президентских и правительственных пресс-центров, как тут же раздался властный окрик и появилась угроза санкций даже по отношению к не раз доказывавшим свою безграничную преданность журналистским коллективам. Когда Президент сообщил С. Ковалеву, что он подписал указ о снятии с должности председателя ВГТРК О. Попцова, тот на пресс-конференции вдохновенно произнес очень правильные слова: "Государственная компания — не компания власти, а компания государства, определяющими частями которого являются общество и народ. Задача телевидения и радио отразить настроения, точки зрения, мысли демоса, народа, представить явление с разных сторон". Знает, оказывается, Олег Максимович, как должно быть. Понимает, что свобода слова не только личная привилегия журналиста государственной компании, но и его нравственный долг — осуществлять право всех людей на достоверную информацию. А что на деле? 21.09.93 Ельцин Указом N 1400 упразднил Съезд народных депутатов и Верховный Совет России. Для любого непредубежденного человека было ясно, что это попрание Конституции и узурпирование всей полноты власти. На утро 22.09.93 г. это подтвердил 10 голосами против 4-х Конституционный суд. Дальнейший

ход событий зависел от вериости Коиституции всех государственных иститутов и общественных организаций. Увы, авторитет бесцеремонной силы оказался весомее, раболепие перед ней — прнвычнее. Больше всего меня тогда поразил О. Попцов. В верноподданническом раже он мгновенно выбросил из эфира "Парламентский час" и "Радио-парламент", лишив Съезд н Верховный Совет, у которых были отключены даже телефоны, возможности обращения к избирателям, к народу с разъяснением своей позиции. Как же тут обстоит дело с долгом государственной телерадиокомпании представлять весь спектр мнений? Парламентские корреспонденты компании н до этого славно преуспели в создании образа Верховного Совета как скопища болтунов, озабоченных собственными привилегиями, жаждой захвата власти н мешающих Президенту и правительственным органам во всей полноте печься о благе народа. После конституционного Указа началась беспрецедентная тенденциозная обработка аудитории. А ведь в общественном мнении были разные, в том числе диаметрально противоположные точки зрения по поводу разгона Советов. Неужели совесть господина Попцова никогда не мучает простая и очевидная мысль: было бы у народных депутатов время в эфире — никакой поход на Останкино не случился бы. И вообще вся проблема борьбы за электронные СМИ спровоцирована их явной н наступательной однополюсностью, отсутствием в эфире плюрализма, адекватного реальной политической структуре общества. Даже кратковременное существование "Парламентского часа" и "Радио-парламент" сумело показать, что есть альтернативные официальным, либеральным экономические и политические программы, обогатило наше восприятие происходящих событий, перевело его из плоскостного в объемное. Но с расстрелом Дома Советов все вернулось на круги своя, н ВГТРК еще в большей степени стала не просто компанией власти, а исключительно компанией президентской власти. Характерно обращение к Президенту трудового коллектива в связи с возможной отставкой Попцова, где говорится: "Мы убеждены, что инициатором Указа являетесь не Вы, а люди из Вашего окружения". Как всегда, самым искусным угодником оказался Н. Сва-

нидзе, сказавший в "Подробностях", что невозможно установить то неизвестное лицо, которое внесло в выступление президента фразу о чеченских взятках журналистам. Неужели журналисты не понимают, что столь откровенным стремлением обелить Президента и выказать ему свою лояльность даже в ситуации властного произвола они выставляют Ельцина в неприглядном свете, сеют сомнения в его способности самостоятельно принимать решения и выполнять функции гаранта Конституции, гаранта прав человека?

Таким образом, представляется, что достижение истинной свободы слова на государственных радио и телевидении еще впереди. Ее непременные элементы: 1. Для информационных жанров полнота и объективность информации, где журналист может проявить свое дарование в оперативности, точности отбора наиболее существенных для характеристики момента фактов, яркости, выразительности их подачи, но при полном отключении своего субъективного отношения. 2. Глубина и объективность информационно-аналитических программ, которые достигаются, когда эрудиция, мыслительная строгость и нравственная высота позволяют журналисту дать анализ особенностей событий, динамики и перспектив их движения, вытекающих из внутренней природы данного явления, и оценить их не с позиции своих личных пристрастий или конкретной социальной силы, а с точки зрения непреходящих человеческих ценностей. 3. Авторские публицистические передачи, которые как раз служат тем жанром, где журналист имеет право на выражение своего личного или представляющего определенное общественное движение взгляда на вещи. Но в данном случае подлинная свобода слова требует реального плюрализма мнений, пропорционального представления эфира для выражения разных точек зрения, имеющихся в обществе, т. е. у налогоплательщиков. Тогда на радио звучал бы не только голос Татьяны Ивановой, известного литературного критика, но прямо-таки махровой в своей однозначной пропрезидентской политической пристрастности, но и голос другой, не менее искусной Татьяны Ивановой, в прошлом ведущей передачи "Радио-парламент".

Подлог, ставший убийственным бумерангом

События в Чечие потрясли страну н мнр. Они сфокусировали в себе все, что приеес миогоиациоиальиой родине псевдодемократнческий либеральный режим под густым покровом лжи и обмана. Распад союзного государства благодаря политической игре, провоцирующей иационалистические чувства, абсурдную идею суверенизации до хватательных размеров глотки н естествеино следующую за этим кровь межнациоиальиых конфликтов. Насильствеиный разгон Советов народных депутатов — представительных органов власти — под фальшивым лозунгом борьбы с госпартократами. Абсолютно равнодушное отиошение к реальиой жизин осиовной массы иаселеиия, к правам человека под лозунгн панацейности и священиости частной собствеииости и заклинания о фннансовой стабилизации и структурной экономической перестройке. Катастрофический провал всех сфер народной жизни в силу вопиющего непрофессиоиализма, полиейшей неспособности власть предержащих к организационно-управленческой деятельиостн в любой области, прикрываемых хвастливымн речамн, начнная от зиаменитых рельсов, "иародной" приватизации, фермеров, способных накормить страну, до полка ВДВ, способного за два часа очнстить Грозный, с одной стороны, н самолетов, готовых разбомбить Москву, с другой.

Подлог, выходящий иаружу, заставляет реформаторщнков сбрасывать маску и являть свое подлинное, неприглядное лицо, открыто прибегая к деспотической военной силе, чтобы удержаться иа плаву. Историю не перехнтришь. Подлог рано илн поздно бьет по лжецу. Но, встав на эту стезю, трудно с иее сойти. Приходится громоздить новые монбланы лжи. В связн с чеченской трагедией прибегают к подлогу и нсполнительная власть, н думскне либералы, н псевдодемократическая журналистика.

Вопиющий характер иоснла ложь силовых структур, утверждавших, что Грозный бомбят иеизвестные самолеты, что в рядах штурмующих город отрядов оппозиции не было российских военнослужащих. Скандальное разоблаченне последовало после того, как родители увиделн на телевизн-

оиных экранах среди плененных дудаевцами своих сыновей, находящихся иа службе в армнн. Реакция была непростительиой и лживой с целью замести следы — это отставники, потом запасники, еще хлеще — дезертиры. Но все тайное становится явиым.Мир узнал, что в Грозиом ведутся полномасштабные боевые действия с примеиеиием тяжелых видов вооружений. Это не могло не вызвать у гордых чеченцев обостренного иационального чувства, ие сделать часть нз иих, вставших на защнту своих очагов н детей, дудаевцами в силу обстоятельств. А правительствеиные сообщения по-прежнему утверждали, что федеральные войска ведут бои только с чеченскими бандформированиями и наемниками. Более беспардонного дезинформнрования собственного иарода со стороиы федеральиой власти, а посему и однозначиой своей профиепригодности, аморальиости и неуместиости трудно представить.

Прорвавшаяся в Чечне язва злоиамеренной лжи, цепенящнй ужас от смертей н страданий сотен людей заставил содрогнуться даже некоторых нз либеральиых "демократов". Лагерь реформаторщиков разделился на приверженцев н противников военной авантюры. Последнне заговорнли о том, что Чечия озиачает начало поворота к тоталитариому государству. Здесь опять звучит обман, желание днстанцироваться, обелить себя. Стремление покончить с демократией и узурпировать власть в руках Президеита впервые явио обиаружило себя 10 декабря 1992 г., когда Ельцин сделал попытку увести с собой депутатов н сорвать такнм образом заседание Съезда. Нынешнне крнтнкн Президента из числа лнбералов были активными участннками этой акции. Но она бесславно провалилась. Большииство депутатов осталнсь верны своему мандату. Принципиальная позиция Конституционного суда сорвала затем 20 марта 1993 г. ОПУС (особый порядок управления страной) Ельцина. И опять иашн либералы были с ним заодно. Вовсю онн поддерживали и следующий шаг мечтающего о безграничиой власти президента — замену противостоящего грабительским реформам Верховного Совета сначала Коиституционным совещаннем, затем Советом Федерацин. Опять неудача. Тогда вконец разгневаниый Президент пообещал

начать в августе артподготовку, а в сентябре провести решительное сражение. И это оказалось едва ли не единственным обещанием, выполненным Ельциным за годы президенства. Под аплодисменты либералов из "ВыбРоса" и "ДемРоссии", под крики творческих интеллигентов "Не жалеть патронов!", радостно изумившихся, что в ход пошли не канделябры, как к тому они призывали в Бетховенском зале, а танки, Дом Советов был наконец-то расстрелян. И не кто иной, как Гайдар, оказался готовым, поскольку даже армейские офицеры колебались, защитить безопасность правительства жизнями москвичей, верящих все еще в демократизм ельцинского режима. Именно он обратился к ним по эфирным СМИ на ночь глядя с требовательным призывом собираться у здания Моссовета. Я хорошо помню слова С. Ковалева, произнесенные в телекамеру: "В Лефортово сидят не политзаключенные, а уголовники". Весь контекст поведения Ельцина и либеральных реформаторщиков, ход дальнейших событий неопровержимо убеждают, что кровь октября 1993 г. была спровоцирована правящими властями, начиная с антиконституционного Указа, кончая предательским первым выстрелом со стороны мэрии.

Вина и беда защитников Дома Советов и пытавшихся их вызволить из-за колючей проволоки москвичей, кстати, делавших это не по призыву официальных лиц, а по велению собственного сердца, в том, что они поддались на провокации. В этих событиях новый тоталитаризм сделал уже кровавую запись в историю, а бесхитростные либеральные угодники привычно оправдали ее высшей целесообразностью. Между прочим, прошедшие следом всеобщие выборы показали, что народные депутаты России гораздо точнее выражали настроения людей в своей критике характера проводимых реформ, чем президентская рать. Не спасает, по-видимому, и сборник документов "Москва — осень 1993. Хроника противостояния" от оценки этих событий как государственного переворота, совершенного ельцинской командой. Говорю "по-видимому", потому что пока не пришлось познакомиться с этим изданием, но я слышал выступление по "Радио России" ответственного составителя сборника А. Суркова. Более яркой антирекламы для книги

трудно представить. Начав с уверений, что издатели стремились к максимальной объективности, Сурков перешел к таким извращениям в оценке общеизвестных фактов, с такой ненавистью говорил о "всяких там Анпиловых и Зюгановых", что сомнений в определении характера и "объективности" сборника документов не осталось. 21.09—4.10.93 была отрепетирована чеченская война. "Демократические достижения" этих дней были затем закреплены в новой Конституции, написанной по высочайшему указанию нынешними критиками Ельцина. Уже она дала ему неограниченные, бесконтрольные права, а Федеральное собрание — представительную власть — сделала по существу бесправным. Настолько беспомощным, что оно оказалось абсолютно бессильным противостоять безрассудной эскалации военных действий в Грозном. Что еще нужно для утверждения "конституционным" путем тоталитаризма? Так что поворот к авторитарности произошел не сегодня и с помощью Е. Гайдара, Л. Пономарева, С. Юшенкова, Э. Памфиловой, да и С. Ковалева. Согласился же он на пост Уполномоченного по правам человека при Президенте и мог клясть защитников Конституции при наличии постановления Конституционного суда о противоправности действий президента. Правительство, возглавлявшееся Е. Гайдаром, не может не быть непричастным к вооружению дудаевского режима. Люб был чеченский генерал за воинственный антисоветизм. Так что нет веры в искреннее милосердие либералов. Подлог, совершенный в совсем недавнем прошлом, бьет бумерангом но ним сегодняшним. Получается, что у них двойная шкала оценок за проливаемую армией кровь. А не игра ли политическая, обманная это опять? Причем у каждого клана либералов своя.

Есть основания предполагать, что еще до чеченских событий у демократизирующих либералов всех мастей усилились сомнения в действенности Ельцина и его ближайшего окружения, в разумности оставлять его в качестве символа рыночных (капитализаторских) реформ, тем более в условиях приближающихся выборов. Беспокоили его высказывания при спонтанных встречах с журналистами типа: "Сейчас дам команду, и пришлют самолет с деньгами". "Вся

армия и президент чтят министра Грачева". Скандальиой оказалась нстория с ннндексацией пеисий с 1.08.94. Президент не опротестовал Закон, принятый Федеральным собранием в июле, а просто отмеиил его своим Указом. Да еще через 3 дня после того, как ои уже начал действовать. Мощный протест ветеранских организаций вынудил пойти на попятную, растянув процесс индексации по времеии. Правительственные восторги по поводу иакоиец-то обузданиой инфляции утихли после ее иеудержимо иарастающего, резкого взлета, иачиная с октября. Недостойные выходки Президента в Берлине и Ирландии сделалн фигуру Ельцииа окоичательио одиозной.

Развязанная в Чечие войиа обиаружила полную управленческую, как в политическом, так и в военном отношении, иесостоятельиость федеральиой исполннтельной власти и иеприятие ее большинством российских граждан. Поэтому оиа оказалась очеиь удобным поводом для замены скомпрометировавших себя фигур исполнительной власти, а, может быть, даже и символизирующей "Новую Россию" персоны. Отсюда резкая и иеожиданная из уст соратников по московскнм расстрелам критнка действий властей в Грозиом. Причем, "ДемРоссия" распространяет отрицательное отношение и на Ельциие, а гайдаровская группа продолжает верить в сохраняющееся зиаменное, магическое действие его харизмы и поэтому упрямо твердит, что у бедного Президента не то окружение. Оно его все время подставляет. Так усидевший в своем кресле О. Попцов точио, ио унизительно для Президента определил ситуацию иа политическом Олимпе сегодня — "идет война за образ мыслей Ельцина".

Есть у либералов н третья, более последовательная н откровенная позиция. Она выражается в призиании иеобходимости военных действий в Чечие, критикует их бездариое ведение. Эту позицию заннмают либералы, в прошлом наиболее близкие к партчиновинчеству с его командными методами, не удосуживающие камуфлировать их лжедемократическнм флером, как иапример Б. Федоров.

Политическая игра псевдодемократических либералов против взращенной ими исполнительиой власти определила

тон ангажированных, партийно тенденциозных либеральных СМИ. Не ведающие плюрализма, привыкшие к заданной однозначности, поэтому не имеющие опыта и привычки многослойного представления сложных и противоречивых событий и справедливо сделав пафосом своей деятельности резкую критику руководства силовых структур, они в то же время в информированности и анализе неизбежно пришли к односторонности, предвзятости, негативно изображая и выполнение тяжелого, сопряженного со смертью воинского долга рядовыми бойцами федеральных частей и обеляя всех защитников Грозного, не отделяя дудаевских преступников от ополченцев, движимых желанием отстоять свою национальную честь. В информационных выпусках телевидения, особенно в вечерних "Вестях", постоянно шли кадры страданий мирных жителей и тел убитых чеченцев, что не могло не вызывать исключительно негативного отношения к армии в целом, а не к ее авантюристической верхушке, которая привела к смертям и калеченью и российских парней. Бросается в глаза отработавшийся у тележурналистов из "Вестей" в постоянном состоянии ложной идеологической предвзятости прием подачи видеоряда. Дается гнетущий зримый факт какого-то действия или его результата. Кто его совершил, остается за кадром. Это дает возможность журналисту в своем комментарии совершенно произвольно интерпретировать показанную картинку. Классическим примером такого приема, использованного еще в октябре 1993 г., является дважды продемонстрированная С. Сорокиной надпись на внутренней стене церковной башенки: "Я убил 5 человек и рад этому". Это написал снайпер из числа защитников Дома Советов, — безапелляционно утверждает журналистка. На каком основании? Где доказательства? Были ли таковые снайперы вообще? Все это для нее не имеет значения. Дело не в достоверности, а в том, чтобы забросить нужную оценку в массовое сознание. Примеров подобной технологии организации визуального ряда в первые недели войны в Чечне было очень много. И это показатель, что подлог широко представлен в арсенале либеральных СМИ.

Остается ли надежда?

Моя жизнь перевита со всем темным и светлым, что было в бытии родной страны. Она не была усыпана цветами, судьба не дарила мне случайных удач. Скорее наоборот, на мою долю выпало немало нелегких испытаний. Но мне никогда не было так плохо, как теперь, и в житейском, и в духовном смысле. И дело не только в том, что резко снизился мой жизненный уровень. Раньше моя семья выписывала до двадцати названий газет и журналов, сейчас ежедневно покупает в киоске Роспечати только одно издание. Посещение театра, кинофильма, концерта стало трудно разрешимой финансовой проблемой. Нет возможности (свободы) провести отпуск, уезжая из города в санаторные или туристические зоны. Настоящее бедствие — лекарства, хотя я имею право на 50-процентную оплату.

Главное в другом. В постоянном прессинге лжи, фальши, обмана, беззастенчиво идущем от властей, "демократических" партий, большинства средств массовой информации. Охаивается все, что было самым дорогим для советских людей. И беспардонная клевета столь интенсивна и тотальна, что становится очень результативной — калечит души и искажает системы ценностей молодых людей. И невыносимо слышать изо дня в день, что ты, имеющий 47 лет трудового стажа, многие тысячи учеников, которым всегда стремился помочь стать людьми порядочными, отзывчивыми, надежными, творческими, счастливыми возможностью тратить себя, свои индивидуальные силы во имя общего блага людей, что ты — красно-коричневый. Непереносимо тяжко снова ощущать себя вздорно клейменным. Причем на этот раз карательный произвол, направленный против всех моих единомышленников, убежденных и честных коммунистов, не встречает неприятия, протеста, несогласия со стороны многих людей, сбитых с толку антикоммунистической истерией. Душа как бы заморозилась, сжалась. Постоянно звучит щемящая, трагическая нота. Воистину, "бывали хуже времена, но не было подлей".

Нас хотят уверить, что мы должны забыть себя, свои общинные корни и цивилизоваться, сделав рынок западно-

либерального типа образом своей жизни. Подложная идея, требующая подложных средств, измены, ведущая к преступлению перед национальной историей и душой России.

Есть только один выход из попятного движения, все дальше уводящего в пропасть, — возвратиться вперед, в социализм. Очистить его от всего наносного, лживого, авторитарного, сословного. Вернуть социальную защищенность, равные стартовые возможности, уважение к творческому созидательному труду во имя всеобщего блага. Обеспечить его высокое вознаграждение государством, подконтрольным Советам народных депутатов. Что еще нужно для самореализации человеческой индивидуальности? Все это произойдет, если в среднем и молодом поколениях не будет изломан российский менталитет, не уничтожена внутренняя тяга к социальной справедливости и человеческому братству. Бескорыстие и своекорыстие сошлись в бескомпромиссной схватке. Кто кого? Безрадостный, но не упаднический взгляд на остаток собственной жизни сочетается у меня с историческим оптимизмом, с верой в неодолимость российской духовности, с верой в возвращение человека к самому себе, к своей общественной, коммунистической природе.

III. Итоги ельцинской пятилетки

"Сознание неправды денег в русской душе невытравимо".

М. Цветаева

Подошло время новых президентских выборов, время подведения принципиальных итогов курса, круто изменившего страну и знаменем которого считают Б.Н.Ельцина. 5 лет назад мне удалось публично объяснить, почему я не буду голосовать за Ельцина. Прошедшие годы подтвердили мои самые худшие опасения.

Перемены, случившиеся в нашей жизни, столь кардинальны, что судить о них необходимо с позиций не частных, локальных, сиюминутных, сугубо экономических или поли-

тических, а с позиций глобальных, смысложизненных, философско-гуманитарных, содержащих момент абсолютного. Как уже говорилось, взаимообогащающее проникновение творческого и нравственного, способного принимать многообразные конкретно-исторические формы, тем не менее составляет суть человеческой природы. Соразмерным ей и в каждый данный момент имеющим право на историческое существование является общественное устройство, которое здесь и сейчас создает каждой личности, входящей в данную социокультурную общность, максимальные возможности для развития неповторимой творческой индивидуальности и органического обретения подлинной духовности, человечности, братской сопричастности. Вот единственная, нетенденциозная точка отсчета, способная дать честную, непредвзятую, отвечающую исторической правде оценку конкретных человеческих деяний. Причем, чем масштабнее общность, все индивиды которой обладают реальными равными возможностями для творческого и духовного самоосуществления, тем выше уровень гуманистического бытия, в пределе стремящийся к охвату всего человечества.

Социокультурные общности, объединенные многими экономическими, политическими, культурными, общественно-психологическими скрепами и ощущаемые в массовом сознании в качестве таковых, складываются разнообразными, иногда причудливыми, непредсказуемыми путями, но имеющими объективно исторический характер. Для нас такой целостной общностью, выдержавшей многие жестокие испытания, в том числе кровью и голодом в годы борьбы с фашизмом, делавшим ставку на межнациональный распад, является Советский Союз, советский народ. Ответственность за благополучие сообщества, всех его членов — естественный, гражданский долг каждого живущего на этой родной земле. Судить о реформаторской пятилетке мы обязаны по тому, изменила ли она жизнь соотечественников к лучшему. Только такой безлукавый, взыскательный критерий необходим и оправдан, способен определить, кто есть кто. Остановимся на современном состоянии тех болезненных проблем, о которых я пытался говорить в прежних работах.

1. Разумеется, в Советском Союзе существовал национализм на бытовом уровне. Вообще идеи национальной исключительности самые живучие среди негативных проявлений сознания, еще склонного к конфронтационности, не сумевшего подняться до всечеловеческих высот. Но они нейтрализовались, постепенно изживались благодаря реальной практике экономической и социальной взаимопомощи, политического равенства, культурного взаимообогащения. Борьба с беспредельным монополизмом союзного центра путем "парада национальных суверенитетов", начатого Россией, провозглашение Ельциным тезиса "берите суверенитета столько, сколько проглотите" в качестве принципа внутрироссийской государственной политики привели к катастрофическому взлету самых крайних националистических устремлений. Следствием стал развал Советского Союза в результате беловежского сговора, хотя за несколько месяцев до этого большинство населения страны высказалось за сохранение СССР. Но сейчас сознание людей было убаюкано тем, что решение поставить крест на существовании Советского Союза исходит не извне, не от иноземного супостата-оккупанта, а от своих лидеров, имевших ореол страдальцев за справедливость и уверявших, что эта акция как нельзя лучше служит народным интересам и национальному возрождению. В результате — распад единого экономического механизма, повсеместный спад производства, разорванные культурные, родственные связи, миллионы беженцев и вынужденных переселенцев и несущие смерть межнациональные военные конфликты. Б.Н.Ельцин несет прямую личную ответственность за эту трагедию.

2. Суть экономических реформ свелась к отбрасыванию планового, нацеленного на удовлетворение потребностей всех граждан сообщества производства и насаждение свободной стихии рынка, богом которого является прибыль, личная выгода. Для этого надо было сломать все прежние принципы организации деловых отношений, финансовых связей, психологию людей. Государство начинает подчинять всю свою деятельность, все свои ресурсы обеспечению интересов "стратегических собственников" или, в лучшем, более гуманном варианте, интересов некоего аморфного среднего

класса, оставляя на жизнеподдержание не только пенсионеров, но и людей труда крохи благотворительности. Лидеры либералов, особенно Б.Н.Ельцин и А.Б.Чубайс, много раз напрямую говорили, что их цель — как можно быстрее разрушить все социалистическое, чтобы возвращение к "старому" стало невозможным. И преуспели в этом.

Социальное расслоение общества стало кричащим. Живут за чертой бедности и балансируют около нее десятки миллионов россиян. Лекарства в 20-50 тысяч раз стали дороже. Смертность превышает рождаемость. Население России сокращается почти по миллиону в год. По мнению экспертов ООН, численность его к началу следующего века может уменьшиться на 10-15 миллионов человек. Средняя продолжительность жизни упала до 65 лет, у мужчин — до 58. Более половины из них не доживают до пенсии, так что можно надеяться на решение головоломной проблемы пенсионного обеспечения естественным, самостийным путем. Несмотря на эти факты, обе ветви исполнительной власти на протяжении всех 5 лет говорят о наступлении стабилизации и вот-вот начинающемся экономическом подъеме.

Оснований верить подобным обещаниям никаких. Общество, в основу которого положен либеральный принцип частного преуспевания, имманентно несет в себе социальные контрасты, жестокую борьбу за существование и ничего общего с подлинным демократизмом и человечностью не имеет. Уровень сытости самых бедных через какой-то, но весьма продолжительный период нищенских страданий может возрасти. Разрыв в имущественном положении верхних и низших стать не столь кричащим. Но за этим внешним вещным умиротворением всегда будут оставаться дискриминационные диспропорции в возможностях для духовного и физического развития индивидуальных способностей личностей, принадлежащих различным социальным слоям, неизбежно будет существовать обидный, ущемляющий свободу неравный жизненный старт молодежи. Президент Ельцин объясняет свое желание быть избранным на второй срок необходимостью довести начатые реформы до конца. Проголосовать за него — значит еще на 5 лет согласиться с господством либерального принципа "свобода сильному,

подаяние слабому", с бедностью бюджетников, студентов, с обездоленностью детства и старости, с подменой высших духовных устремлений узко прагматическими, меркантильными интересами, с очерствлением душ и отказом от традиционно антистяжательской российской ментальности.

Таким будет итог и в случае победы на выборах любого другого кандидата, стоящего за продолжение либеральных реформ. Могут измениться нюансы, темпы, более искусная терапия уменьшит шоковые эффекты, но суть останется той же: формировать в качестве движущей силы бытия конкурентное разделение соотечественников на чистых, деловых, сильных и нечистых, неудачливых, наемных трудяг, вычеркнуть из приоритетных задач государственное и общественное внимание к жизни каждой человеческой личности.

За рамки данной перспективы не выходит и, казалось бы проникнутая заботой о благе человека программа С.Н.Федорова, которую он называет то народным капитализмом, то народным социализмом. Он блестящий хирург, талантливый бизнесмен, но наивный политик. С.Н.Федоров не понимает, что удачный опыт, разработанный в "Микрохирургии глаза", когда каждый работник получает долю прибыли, полученной с пациентов за глазные операции, не может быть распространен на все медицинские, образовательные, культурные, научные организации страны. Лечение глаз в системе учреждений Святослава Николаевича доступно небогатым людям, потому что, благодаря его мировой славе, большие средства получает ее заграничная сеть и медицинское обслуживание иностранцев внутри страны. Таких условий никогда не может быть у каждой районной больницы. А они несут и будут нести основную нагрузку по лечению 150-миллионного населения страны. Чтобы при этом материально преуспевать, коллектив собственников средств своего труда — медики районной больницы — должны увеличить плату за услуги с пациентов во много раз. Боюсь, что после этого обращение за врачебной помощью резко сократится, а смертность и сокращение численности населения России еще больше усилится. Все вузы и школы, детсады и дома детского творчества для осуществления федоровской идеи должны стать частными с аналогичными

следствиями для потребителей, что тоже превратит образование и воспитание из явления массового в элитарное, доступное немногим. Вообще, частная собственность и в коллективной форме несет в сообщество отчуждение, вражду, социальную несправедливость. Да и не могут все люди, составляющие данную социокультурную общность, быть собственниками. Разве чубайсовская ваучеризация этого не доказала?

Фигура еще одного кандидата в президенты, генерала А.Лебедя, привлекает внимание неординарностью, самобытностью, критическим настроем к сегодняшнему властному режиму, виновному в том, что "за Отечество обидно". Но, по его же словам, символ его веры в признании того, что человеком движет стремление — "это мое". Странно слышать подобное из уст мужественного генерала, не понятно, как это согласуется с верностью воинскому братству, но тем не менее, раз основной принцип обозначен, президент А.Н.Лебедь никогда в своей деятельности не выйдет за пределы все того же своекорыстного рыночного либерализма.

В одном из телевизионных выступлений перед прошлогодними выборами в Государственную Думу Александр Иванов, человек откровенный, не затушевывающий своих антикоммунистических взглядов, прямо и недвусмысленно сказал, что поражается нашим экономистам, докторам наук, благостно характеризующим рыночную экономику. На самом деле это — джунгли, где царствует закон силы, принцип "кто кого". Но только так возможен экономический эффект, которого достанет и на благотворительность. Браво, господин Иванов! Все точно, все правильно, в этом суть либерализма. Но только как можно такое жестокосердное устройство человеческого, точнее звериного, бытия оправдывать, хотеть, устанавливать навсегда. Соглашаться тем самым с криминальным, преступным беспределом, ничтожной стоимостью человеческой жизни — неизбежных спутниках бытия, построенного на культе наживы.

3. Прошедшее пятилетие характеризуется нарастанием антикоммунистической нетерпимости наших отечественных либералов. Она усиливается после каждых результатов оче-

редных выборов, свидетельствующих, что, несмотря на геростратовскую политику разрушения основ советской жизни и вытравливания памяти о ней, число приверженцев социалистической идеи не уменьшается, а увеличивается. Сейчас, в период президентской предвыборной кампании, антикоммунистическая пропаганда достигла своего апогея и все чаще носит характер истеричности.

По-прежнему ее китами являются, во-первых, злонамеренное отождествление коммунистической идеи с практикой ее искажающего осуществления и, во-вторых, зачисление всех коммунистов чохом, скопом в человеконенавистнических властолюбцев и корыстолюбцев, стремящихся к тому, чтобы обречь свой народ на нищенское существование и загнать как можно больше людей за лагерную проволоку. Не напоминает ли эта зловещая, тотальная стрижка под одну гребенку сталинскую депортацию целых народов, среди граждан которых было определенное число военных преступников. История христианства знала костры инквизиции, крестовые походы, Варфоломеевскую ночь, продажу индульгенций. Но никто из интеллигентных, добросовестных людей не отождествляет с названными историческими фактами христианскую идею, не борется с ней на этом основании, воспринимает ее во всей сложной исторической противоречивости. Не так ли надлежит относиться и к коммунистической идее?

Между тем все либеральные кандидаты в президенты от Ельцина до Явлинского и Горбачева, все чиновники, правительственные и президентские, все лидеры "демократических" организаций, все теле- и радиоканалы, большинство печатных органов хором внушают избирателям в качестве аксиомы мысль: "Победа Зюганова — это ликвидация негосударственных предприятий, диктатура, репрессии, лагеря, гражданская война". Все эти домыслы зиждятся на единственном основании — произвольной, игнорирующей принцип историзма экстраполяции прошлого, причем только его самых негативных проявлений, на сегодняшний день. Такая недостойная методология политической борьбы говорит о растерянности, беспомощности антикоммунистических сил, отсутствии у них основательных аргументов для

серьезной полемики, о ставке на запутывание недостаточно самостоятельных слоев электората.

Вот один характерный пример. Т.Иванова в своем обзоре "Взгляд иа события литературиой жизни", прозвучавшем 25 ноября 1995 г., сделала поистине сенсационное психолого-педагогическое открытие. Сегодня грабят и убивают, — справедливо утверждает она, — ие 5 и 10-летиие, т.е. ие дети эпохи Ельцина и эпохи Горбачева. Следовательно, умозаключает ведущая, этим занимаются воспитанники пиоиерских слетов и лагерей, комсомольских десантов и строек, т.е. взращенные коммунистами. И как эта простенькая мысль не приходит в голову коммунистам, опять претендующим иа власть? — саркастически заканчивает свой пассаж Т.Иванова.

Действительио, мысль простенькая до чрезвычайности, внушающая даже сострадание к автору. Ну, кто будет серьезио утверждать, что человеческая личность складывается в год рождения и первые 5-10 лет жизни. Характер — да, формируется в раннем детстве, и потом трудно его измеиить. Но система ценностей, интересы, жизненные устаиовки определяются и, бывает, изменяются в течение всей жизни. Горячо обожаемый Татьяной Ивановой Борис Николаевич Ельцин, например, поменял свои убеждения на 180 градусов в предпенсионном возрасте.

Особеиио интеисивио процесс самоопределения протекает в подростковой юиости и ранней молодости. Так что, кому сейчас 20-30 лет, сформировались как раз в эпоху перестройки и либеральных реформ. Этим общественным движениям и иести, в первую голову, за них ответствеиность. Кроме того, иеужели Т.Иванова не согласится, что преступность при Советской власти была зиачительио меньшей? Будет отрицать, что пиоиерская и комсомольская организации воспитали Зою Космодемьянскую и молодогвардейцев, Юрия Гагарина и зачинателей студенческого стройотрядовского движеиия, участников поисковых групп, открывающих имена безымянных солдат Отечественной. Воистину, антикоммунизм служит плохую службу его иосителям.

Программа "Час пик" иикогда не отличалась откровеииой политической тенденциозностью, ио ие смогла сохра-

нить это достоинство. Дм.Киселев, беседуя с Ю.Афанасьевым, демонстрирует кинохронику о процессах 1937—38 гг. и спрашивает академика, повторится ли все это, если коммунисты победят на президентских выборах. Ученый историк, поколебавшись минуту, отвечает утвердительно. А.Разбаш вместе со своим собеседником, играющим роль тайного советника ЦК еще со времен Сталина, под видом первоапрельского розыгрыша проводит мысль, что все несчастья в стране и даже нынешние, "демократические" — от коммунистов. Это они, зловредные, замыслили неполучающиеся реформы, чтобы потянуло людей обратно в социализм.

Журналисты электронных СМИ не замечают своей нелогичности. С одной стороны, пугают избирателей тем, что постоянно повторяют: коммунисты — это непременно гражданская война. С другой стороны, желая унизить коммунистов, поставить под сомнение их идейную убежденность, язвительно говорят, что они оказались не в состоянии в ответ на запрет КПСС оказать сопротивление. Помнится, в период процесса над КПСС в Конституционном суде Игорь Зорин в авторском канале "Радио России", уничижительно посмеиваясь, произносил: "Ну, хоть бы вилами вооружились и встали на защиту своих идей". Совсем недавно в "Часе пик" Дм.Киселев и Л.Разгон с нескрываемым сарказмом констатировали, что в 1991 г. хватило 10 милиционеров и мешка сургуча, чтоб прекратилась деятельность компартии. Так, может быть, нужно не злословить по этому поводу, что очень смахивает на провоцирование, на подстрекательство, а радоваться, что силовой конфронтации не произошло благодаря тому, что коммунисты в своей массе оказались законопослушными и полагающими в праве отстаивать свои убеждения только конституционными методами, что и делают в течение уже 5 лет. Где же основания утверждать, что коммунисты — это гражданская война?

Ев.Киселев, внушая этот тезис, дает в "Итогах" видеомонтаж из кадров столкновения демонстрантов с омоновцами 23 февраля, 1 мая, сентября-октября 1993 г., однозначно обвиняя, включая упоминание о пресловутых заточках, во всем происшедшем коммунистов. Но ведь даже Генеральная прокуратура, возглавляемая Ильюшенко, по последним

трагическим событиям дала официальное заключение о виновности обеих сторон. Фильм С.Говорухина "Час негодяев" содержит кадры совсем иного смыслового звучания. Обидевшись на реплику С.Федорова, Е.Киселев сказал: "Мы не пропаганда, мы информаторы". Лукавит господин Киселев. Его передача очень добротна с профессиональной точки зрения, авторитетна, в ней принимают участие крупнейшие политические и научные авторитеты. Но в ценностном плане она явно партийна, носит пропрезидентский характер, и это искажает ее информационно-аналитический статус.

Еще один аргумент в пользу лозунга "коммунисты — гражданская война" приводит тот же Е.Киселев и многие другие журналисты. "Короля играет свита". В окружении Зюганова, в лагере народно-патриотических сил, говорят они, много экстремистов. Они навяжут свою волю. А что их нет в "демократическом" политическом спектре? Мало либералов аплодировало танковым залпам в центре Москвы? Нет экстремистов в команде Ельцина? Нет, это не аргумент, а типичный антикоммунистический произвольный пропагандистский пассаж. Нужно исходить не из числа радикально настроенных людей, а из степени подлинной гуманистичности идей.

Утверждают, коммунисты начнут отбирать частную собственность. Пугают тем, что отберут даже приватизированные квартиры, в том числе и у пенсионеров. Поэтому неминуема гражданская война. Разве это серьезная, честная полемика? Представляется, как я уже писал выше, для выхода из сложной экономической ситуации начала 80-х гг. новый НЭП, переход к многоукладной экономике был не нужен. Были иные, собственно социалистические пути роста. Но раз частный бизнес уже случился, многоукладность в экономике образовалась, то надо исходить из этой реальности и дать возможность времени через экономическое соревнование выявить, какая из форм окажется эффективнее в технологическом и гуманитарном плане. Полагаю, и это звучит в выступлениях лидеров народно-патриотических сил, что в случае прихода к власти они будут оказывать государственную поддержку честному и эффективно рабо-

тающему предпринимательству любой формы собственности, в том числе и общественной. И поведут решительную борьбу с криминальным бизнесом и нарушениями законности, допущенными при приватизации, в строго судебном порядке.

Можно предположить, что восстанавливающие законность решения судов вызовут силовое сопротивленне некоторых частновладельцев. Но это уже уголовно наказуемое преступление, которое должно преследоваться по закону. Если пугающие гражданской войной имеют в виду такой поворот событий, то это нечестная уловка, искусственное нагнетание страха. При этом преследуется цель не только опорочить коммунистов в глазах избирателей, но и вообще снять с повестки дня необходимость расследования итогов приватизации, хотя наличие фактов серьезных нарушений в этой сфере реформ засвидетельствовано в документах проверки, проведенной Счетиой палатой Федерального Собрания. Но если согласиться с такой посылкой, то нужно жить по принципу: лучше не спорить с рэкетирами, подчиниться, иначе они применят силу и тебе же будет хуже.

Антикоммунизм виднейших политиков и общественных деятелей в последнее время все больше зиждется не на смысловых, пусть и ошибочных с точки зрения исторической динамики, основаниях, а на ситуативных эмоциях, тревожных, выражающих досаду и раздражение настроениях. Рассмотрим несколько примеров и постараемся определить причины таких фактов.

Очень показателен в этом плане подход: лишь бы не коммунисты, из двух зол нужно выбирать меньшее. Он лежнт ниже уровня серьезной, разумно обоснованной, продиктованной защитой интересов страны и ее народа политики, ниже стремлення найти во что бы то ни стало выход из самой сложной политической ситуации, найти компромисс между противостоящими силами, за которыми серьезная поддержка избирателей. Такой подход больше похож на жест отчаяния амбициозного деятеля, потерявшего голову от бесповоротио открывшегося и болезненно переживаемого собственного бессилия. К такой тактике пришли почти все лидеры движений, называющих себя демократически-

ми, один за другим объявляющие о поддержке кандидатуры Ельцина. Хотя все они в последнее время находились в оппозиции к президенту, довольно резко критиковали его действия и шумно возмущались его словами: "Да куда они денутся, все поддержат меня". Ради оправдания такого непостоянства перед собственной совестью нападки "демократов" на коммунистов становятся еще более вздорными и оскорбительными.

Антикоммунизм Е.Гайдара широко известен. Сейчас он стал еще агрессивнее, беспардоннее. На днях он заявил, что в России нет коммунистов, есть только национал-социалисты. Двуцветный ярлык меняется на одноцветный, однозначный. Теперь всех сторонников коммунистической идеи Гайдар назвал коричневыми, фашиствующими. Трудно сильнее унизить честь и достоинство самых последовательных борцов с фашизмом — коммунистов. Мотивы Е.Гайдара понять можно. У него были и есть самые широкие возможности воздействия на общественное мнение. Он был на вершине исполнительной власти, его лицо не сходит с телевизионных экранов, он частый гость радиоэфира, опирается на мощную поддержку либеральной прессы. А на последних думских выборах "Демократический выбор России" не смог набрать и 4% голосов избирателей. Есть от чего прийти в отчаяние. Но такая нетерпимая, недемократическая, неинтеллигентная позиция ни при каких условиях оправданию не подлежит. Как и самоуспокаивающие, но оскорбительныедля граждан России суждения М.Захарова, В.Новодворской о том, что наши люди как были, так и остаются рабами, дебилами и поэтому до демократии не доросли, не способны сделать правильный выбор, потому и голосуют за коммунистов.

Наступательный антикоммунизм Ельцина, с одной стороны, противоестествен. Он сам постоянно называет себя гарантом Конституции, гарантом прав всех граждан России, надпартийным Президентом всех россиян. Если это не просто слова, то отрицательное отношение к политическому движению, получившему около 30% голосов на выборах в Гос. Думу, не возможно. Тем не менее, у Бориса Николаевича оно постоянно прорывается. Вспомним возмущенную

реакцию президента, высказанную перед журналистами, после избрания председателем Гос. Думы Г.Н.Селезнева н проявившейся прн этом роли "Яблока". Он не раз позволял себе говорить, что победа Зюганова означает гражданскую войну. Даже во время государственного визита в Китай называл россннских коммунистов своими врагами. Что же касается суждения о том, что место депутатов А.Лукьянова, В.Варенннкова, Н.Рыжкова не в Думе, а в "Матросской тишине", высказанного во время предвыборной поездки на белгородском базаре, то его нначе, как скандальным, попирающим все мыслимые нормы цивилизованных полнтических и просто человеческих отношений, не назовешь. Характерно объясненне, которое дал президент своему отказу на предложенне Г.Зюганова провестн теледебаты: "За 30 лет пребывания в партии я н так наслушался пустой демагогнн". Но, во-первых, Борнс Николаевич был не рядовым членом партии. И если сводить деятельность КПСС к демагогии, то он, скорее, был не слушателем, а активным оратором. Во-вторых, опять же нечестно делать вид, что в коммунистическом движении ничего не изменилось после того, как его оставил Б.Ельцин. В-третьих, президент отказывает в телевизионной встрече не просто Г.А.Зюганову, а миллионам россиян, которые стоят за ним.

С другой стороны, явный н определенный антикоммунизм Б.Н.Ельцина естествен н логичен, ибо является непременной стороной его курса на либеральные по своей прнроде реформы, имеющие свонм адресатом класс собственников, а не ннтересы всех граждан россннского сообщества. Да, может быть, обостряют антикоммунизм Борнса Николаевнча муки совести. все-такн прежде 30 лет руководил социалнстнческим строительством.

По-видимому, эти же источники лежат в основе беспрецедентного решения глав государств СНГ, принятого 17 мая 1996 г. Все онн (возможно, кроме А.Лукашеико) занимают либеральные позиции н большинство прежде были на самых высоких должностях в КПСС. Смысл обращения предельно ясно выразил Президент Армении Тер-Петросян: "Если победят коммунисты, на другой день СНГ не будет. Илн будет без России". Это антикоммунизм, возве-

денный в ранг государственной политики лидерами стран, прежде бывших союзными республиками. Насколько такое решение отвечает умонастроениям народов, вопрос. Но то, что это грубое вмешательство во внутренние дела России, бесцеремонное, запугивающее воздействие на волю избирателей, вопроса нет. И слова Н. Назарбаева о том, что так нельзя расценивать обращение глав государств СНГ, не более, чем хорошая мина при плохой игре.

Для меня является загадкой активный и все усиливающийся антикоммунизм Г.А.Явлинского. Совершенно ясно, что он, как экономист, последовательно занимает либеральную, рыночную позицию и это не может не делать его некоммунистом. Но в нем ощущается подлинная интеллигентность, внутренняя порядочность, которые должны бы воспрепятствовать перерастанию критики марксизма в предвзятый антикоммунизм. Кроме того, сила его интеллекта должна была бы обеспечить способность оценивать коммунистов не на одно и не на шаржированное лицо. Настораживают его последние контакты с Б.Ельциным. Неужели и в этом случае антикоммунизм победит принципиальную и солидно обоснованную оппозиционность "Яблока" нынешней исполнительной власти?

4. Практика проведения общероссийских и региональных выборов показывает, что сложившаяся за прошедшие 5 лет избирательная система является псевдодемократической. Не выдерживает критики порядок выдвижения в кандидаты путем сбора подписей. Здесь возможны серьезные злоупотребления, и, главное, таким образом не выявляются подлинные желания граждан. В кандидаты попадает большое число людей, обладающих значительными финансовыми возможностями, но не выражающих интересов определенных социальных групп и не обладающих необходимым набором личностных качеств, способных обеспечить эффективную организаторскую или депутатскую работу.

В последнее время в Свердловской области и г. Екатеринбурге прошло много выборов. Поразительно, как листовки, плакаты многочисленных кандидатов в губернаторы, мэры, депутаты разных уровней содержали, по существу, одни и те же обещания, отвечающие действительным чая-

ниям людей, но выполнение которых зависит от типа социально-экономической организации общества и активной деятельности массовых общественных организаций. Об этом, т.е. о том, **как** предполагается выполнять обещания, обычно ни слова.

Разумеется, личность человека, его деловые качества очень значимы. Но выбирать нужно прежде всего социально-экономическую и общественно-политическую позицию, представленную кандидатом, ее способность принести реальное благо людям и затем учитывать особенности личности претендента. В конце концов, если избранник окажется не очень удачным деятелем, выбранный избирателями политико-экономический курс может проводиться в жизнь тем общественным движением, которое его выработало. И выдвигаться кандидат должен организациями людей. В особенностях российского менталитета ориентация на харизматическую личность. Необходимо постепенно отходить от этого. Это будет движением к подлинному демократизму. Данный принцип, представляется, должен распространяться на выборы всех уровней, включая президентские.

Сложившийся характер организации предвыборной агитации не позволяет считать, что в нашем обществе обеспечиваются свободные выборы. Практически многое определяют деньги: тираж рекламной продукции, дополнительное время в теле-и радиоэфире, объем газетных материалов и даже подкуп избирателей в форме снижения цен в своих магазинах, устройства благотворительных обедов и т.д. Равное бесплатное время в электронных СМИ только, как фиговый листок, прикрывает отмеченное неравенство возможностей. Пример этого — появление ерической антикоммунистической газеты "Не дай бог", с цветной полиграфией, распространяемой по всей России бесплатно. Во-вторых, проведение предвыборной агитации во многом зависит от использования служебного положения. Как освещается предвыборная кампания в государственных СМИ Б.Ельцина и других кандидатов, как по-разному организуются их встречи в регионах — иллюстрация и этого неравенства. В итоге и деньги, и служебное положение способны исказить, внес-

ти аберрацию в свободное волеизъявление значительной части электората. Избирательная система нуждается в демократизации.

И еще. Вряд ли полезно, подражая американцам, вносить в избирательную кампанию элементы шоу, карнавала, развлекательности, театрального действа, анализировать ее в терминах политической игры, как это уже делается политологами и социологами. Для нас на выборах решаются чрезвычайно серьезные проблемы, и делать это надо вдумчиво, осознанно, на основе обширной и объективной информации, не под влиянием изощренного рекламного удара и сиюминутного настроения.

5. Как и 5 лет назад, я буду голосовать против Б.Н.Ельцина. Почему? Главное я уже сказал в главах, написанных раньше. Непосредственно в эти предвыборные дни отрицательное впечатление производит откровенный популизм, заигрывание с разными слоями избирателей, раздача трудно выполнимых и вообще не выполнимых обещаний. Все это так разнится с содержанием социальной политики, проводившейся в предшествующее время и все сильнее ухудшавшей жизненное положение подавляющего большинства людей. В первом предвыборном выступлении 16.02.96 в Екатеринбурге Б.Ельцин сказал, что все долги по зарплатам будут выплачены до 1 марта и потом задержек не будет. Это обещание выполнено не было. Сделано по этой проблеме за март-май много. (Кстати, почему ее нельзя было решать раньше?) Но все же, получая удостоверение кандидата в президенты в Центризбиркоме, Борис Николаевич не имел права говорить, что свое обещание, данное в Екатеринбурге, выполнил. Поэтому нет веры, когда он дает те или иные конкретные социальные посулы в разных регионах страны или определенным категориям работников, когда прямо на митингах и собраниях подписывает очередные указы, когда обещает до выборов закончить войну в Чечне. Вряд ли имеет финансовое обоснование Указ о переводе всей армии с 2000г на контрактную основу.

Производят неприятное впечатление факты, когда президент на встречах с разными коллективами походя выделяет различные суммы, порой весьма немалые. Из каких

средств? Ведь есть государственный бюджет, имеющий силу закона и определяющий все доходы и расходы.

Радует сердце указ, вернувший Знамени Победы статус Государственного. Но возникает вопрос, почему это не было сделано к 50-летию Победы, что было бы так естественно. Не оставляет ощущение предвыборной расчетливости этого шага. И так во многом другом, что сейчас предпринимается президентом.

Есть еще оно тревожное обстоятельство. В последнее время приходилось слышать от Бориса Николаевича высказывания, свидетельствующие о некорректности понимания им некоторых ситуаций. Так было, когда он на кремлевской площади рассказывал людям о том, как тщательно продумана военная операция в Первомайском, в которую включены 38 снайперов, и показывал, как каждый из них неотрывно ведет глаза синхронно перемещениям своего объекта. А на следующий день все узнали о полном ее провале. Через несколько дней президент так же убежденно, без тени сомнения, поведал там же, внутри Кремля, собравшимся, что, оказывается, село Первомайское было заранее превращено в хорошо укрепленный дотами и дзотами с подземными ходами сообщения опорный пункт. Понятно, что эта информация идет от силовых ведомств. Но ее неправдоподобность очевидна даже неспециалисту.

В выступлении 16.02.96 в Екатеринбурге Б.Ельцин сообщил, что он создает президентский фонд размером в величину месячной зарплаты всех бюджетников России. Это позволит при любом сбое сразу направлять нужные средства в соответствующий район — задержек зарплаты больше никогда не будет. Нереальность такого решения, учитывая финансовое положеиие страны, не вызывала сомнений. Недавно, отвечая на вопрос С.Калашникова, А.Лившиц вынужден был признать еще и неконституционный характер данного проекта. Когда такая спонтанная импровизация звучит из уст президента страны, да еще в выступлении, начинающем предвыборную кампанию, — это не пустяк. Я убежден, что, кроме всего прочего, Борис Николаевич Ельцин выработал свой ресурс и не может эффективно выполнять президентские обязанности. Его окружение и либеральные

деятели, поддерживая его кандидатуру прежде всего из-за своих антикоммунистических установок, по-человечески предают его.

Я буду голосовать за Г.А.Зюганова. Не за его харизму. Не знаю, есть ли она у него. Не по причине каких-то особых личных симпатий к нему. Я буду голосовать за его коммунистическую убежденность, за то, что он сохранил в позорные годы отступничества многих верность своей идейной позиции, за представленную им программу восстановления экономики страны и социальных завоеваний социализма и постепенное движение к обществу не "равных в нищете", а равных в возможностях для творческого личностного самоутверждения каждого.

Заключение

Политическая жизнь страны последних лет свидетельствует о том, что мы не достигли внутреннего очищения от ожесточения, безудержной предвзятости, нетерпимости при разрешении вопросов, от которых зависят судьба Родины и ее народа. Нет политических репрессий, но есть жесткость, конфронтационное политическое неприятие оппонента, внедряемое в сознание широких слоев населения. Было применение насилия в проведении праведной линии на достижение счастья для каждого трудящегося. Есть во многом построенное на обмане и бедственном снижении уровня жизни миллионов людей внедрение неправедной системы отношений социального неравенства.

В чем причины жесточайшей непримиримости в прошлом и настоящем? Их много. Назовем две. 1. В качестве доминирующей мотивационной силы выступает все и вся подчиняющий себе индивидуалистический интерес, будь то в форме жажды личной власти или беспредельного обогащения. 2. В силу такой особенности российской ментальности, как отсутствие законопослушности, наличие максимализма вольности, первая причина не корректируется, не сдерживается уважением к закону, правовым сознанием и развертывается до предела, что называется "до упора".

Где спасение? В развитии и раскрытии личностной индивидуальности в гармонии с восхождением к высокой духовности, человечности, снимающей нетерпимость. Нужны социокультурные условия, максимально обеспечивающие этот процесс.

Примечания и литература

К части первой

[1] *Апресян З.* Послесловие к овациям // Молодой коммунист. 1988. N 11. С. 49.

[2] VII съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет. М.-Л., Молодая гвардия. 1926. С. 128, 129.

[3] Там же. С. 165.

[4] *Кирилина А. А.* Рикошет, или сколько человек было убито выстрелом в Смольном. С.-Петербург, 1993. С. 61. Нижеприведенные факты следственной разработки Николаева даются по этой книге.

[5] Там же. С. 61.

[6] Там же. С. 62.

[7] *Кирилина А. А.* Дело "Ленинградского центра" // Ленинградская правда. 1989. 1 сент.

[8] *Кирилина А. А.* Указ. соч. С. 63.

[9] *Кирилина А. А.* Указ. соч. С. 64.

[10] *Петухов Н., Хомчик В.* Дело о "Ленинградском центре" // Вестник верховного суда СССР. 1991. N 6. С. 19.

[11] Там же. С. 20.

[12] *Гинзбург Е.* Крутой маршрут // Юность. 1988. N 9. С. 36.

[13] *Чуковский К. И.* Дневник. 1930—1969. М., Современный писатель. 1994. С. 111.

[14] *Антонов-Овсеенко А.* Утверждение законности // Наука и жизнь. 1988. N 8. С. 45.

К части второй

[1] *Пинскер Б., Пияшева Л.* Собственность и свобода // Новый мир. 1989. N 11. С. 189.

[2] *Попов Г. Х.* О пользе неравенства // Лит. газ. 1989. 4 окт.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 181.

[4] *Локшин А., Локшина Л.* Американская мечта? // Комсомольская правда. 1990. 28 янв.

[5] *Максимов В.* На возвышающий обман // Лит. газ. 1990. 28 февр.

[6] *Самари К.* Урок — впрок? // Аргументы и факты. 1989. N 48.

[7] *Нуйкин А.* Идеалы или интересы? // Новый мир. 1988. N 2. С. 208.

[8] *Клямкин И.* Почему трудно говорить правду // Новый мир. 1989. N 2. С. 237.

[9] Там же. С. 220.

[10] *Ципко А.* Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1989. N 1.

[11] *Ципко А.* Истоки сталиизма // Наука и жизнь. 1988. N 12. С. 47.

[12] *Пинскер Б., Пияшева Л.* Указ. соч. С. 191.

[13] *Ципко А.* Указ. соч. С. 41.

[14] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 116.

[15] *Шубкин В.* Трудное прощание // Новый мир. 1989. N 4. С. 170.

[16] *Клямкин И.* Указ. соч. С. 225, 229.

[17] *Ленин В. И.* ПСС. Т 43. С. 63.

[18] Там же. С. 30

[19] *Ленин В. И.* ПСС. Т. 44. С. 156.

[20] *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 376.

[21] *Ленин В. И.* ПСС. Т. 44. С. 211.

[22] Там же. С. 209.

[23] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 45. С. 376.

[24] Там же. С. 373.

[25] Там же. С. 370, 371.

[26] Там же. С. 370.

[27] *Ленин В. И.* ПСС. Т. 44. С. 311.

[28] Декреты Советской власти. Т. 1. С. 18.

[29] *Травкин Н.И.* Как избирали председателя // Огонек. 1990. N 24.

[30] *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма // Юность. 1989. N 11. С. 92.

[31] *Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А., Красин Ю. А., Плетнев Э.П.* Введение в марксистское обществоведение. М., 1989. С. 283.

[32] *Гребенников В.Г., Пчелинцев О.С., Шаталин С.С.* Интенсификация общественного производства: социально экономические проблемы. М., 1987. С. 177.

[33] Там же. С. 185.

[34] *Алексеев С.С.* Право и перестройка. М., 1987. С. 29.

[35] *Шаталин С.С.* Нельзя бороться со злом при помощи зла. // Комсомольская правда. 1991. 22 февр.

[36] С.С.Шаталин вышел из КПСС после появления в печати указанных публикаций.

[37] *Шаталин С.С.* Хочу оправдаться перед народом // Комсомольская правда. 1991. 16 янв.

[38] *Федоров С.Н.* Зеркало. 1990. N 4.

[39] *Бердяев Н.А.* Указ. соч. С. 93.

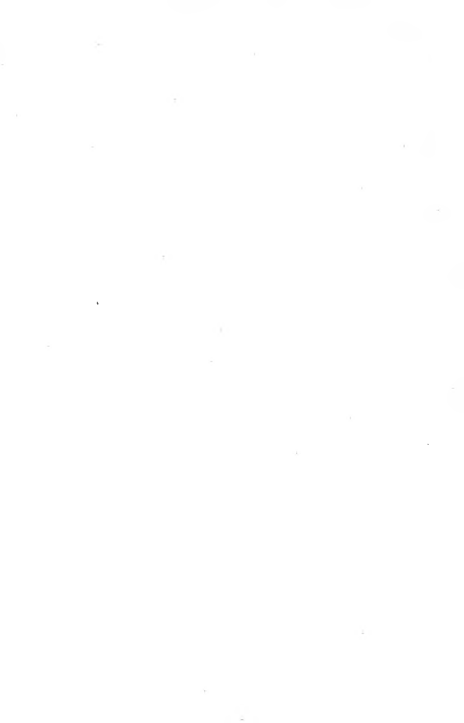
[40] *Зиновьев А.* Я хочу рассказать вам о Западе // Комсомольская правда. 1990. 15 сент.

[41] Преамбула к международным пактам об экономических, социальных и культурных правах и о гражданских и политических правах // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. N 17. С. 303.

Оглавление

Демократия — настоятельная нужда и надежда человечества на пороге XXI века. Подлинная демократия — не только правовое, но и действительное, не зависимое от происхождения и финансовых возможностей равенство граждан. Демократ — это человек, живущий в созвучии с народным бытием, не знающий сословной спеси и холодного элитарного равнодушия к судьбам обычных людей. Демократизм не совместим с индивидуализмом, взращенным собственническим миром и выражающим себя в форме жажды хоть обогащения, хоть личной власти.

Насущная задача времени, гражданский долг всех истинных демократов — установление такой организации общества, которая бы обеспечила на деле каждой личности творческое развитие, сочетающееся с восхождением к высоко духовной внутренней установке на братскую сопричастность ко всем соотечественникам, ко всем людям, и максимальные возможности для самореализации своей индивидуальности.